

Тезисы 4-й научной конференции

АЛТАЙ–КОСМОС–МИКРОКОСМ

**Сознание человека
и биосфера
на пороге 21 века**

Алтай 1998

Предисловие	5
I. Сознание человека как космопланетарный феномен: современные экспериментальные результаты, теоретические модели, этические следствия	
Сознание и буддизм	7
<i>Т.П. Григорьева, д. филолог. н., член СП РФ, Институт востоковедения, Москва</i>	
Номo Intelligens (человек понимающий)	16
<i>С.М. Журавлева, МГУ, Москва</i>	
Изучение парадоксальной реальности сознания как жизненно практический вопрос	23
<i>А.В. Иванов, к. филос. н., МГУ, Москва</i>	
Космическая природа сознания	29
<i>В.В. Казютинский, д. филос. н., Институт философии РАН, Москва</i>	
Феноменологическая сущность сознания.....	35
<i>В.Г. Кузнецов, д. филос. н., МГУ, Москва</i>	
Категориально-смысловые матрицы индоевропейского сознания: философско-герменевтический подход	43
<i>И. Курикалов, МГУ, Москва</i>	
Проблема сознания и современный глобальный кризис	50
<i>Л.В. Лесков, д. ф.-м. н., РКА, Москва</i>	
Три типа понимания философии в истории европейской культуры (Сознание у подножия Абсолюта).....	55
<i>Г.Г. Майоров, д.филос.н., МГУ, Москва</i>	
О менталитете человека	61
<i>А.А. Парахин, АГИИК, Барнаул</i>	
Становление Глобального Интеллекта на стыке тысячелетий	63
<i>Н.С. Печуркин, Институт биофизики СО РАН, Красноярск, Академгородок</i>	
Пять этюдов о системной философии.....	66
<i>Ю.А. Урманцев, д.филос.н., к.биол.н., академик МАИ, Нью-Йоркской АН; Институт физиологии растений РАН, Москва</i>	
Экология сознания и философия здоровья человека и общества	82
<i>Е.В. Ушакова, к.филос.н., Алтайский государственный университет, Барнаул</i>	
Медитативное сознание как теоретическая проблема	91
<i>П.В. Ушаков, Алтайский госуниверситет, Барнаул</i>	

Мораль как фокус эволюции сознания	97
<i>И.В. Фотиева, АГИИК, Барнаул</i>	
Значение ноосферной педагогики в формировании космопланетарного сознания человека.....	103
<i>С.В. Хомутцов, Барнаульский государственный педагогический университет, Барнаул</i>	
Осень Кюль-тегина.....	107
<i>Андрей Иванов</i>	
II. Актуальные аспекты и проблемы современных ноосферных исследований	
Факторы формирования и изменения «пространственно- исторического ландшафта» существования этносов	109
<i>А.В. Иванов, к.филос.н., МГУ, Москва</i>	
Геоэкосистемы как объекты анализа и картографирования единства и взаимодействия природы и социума	113
<i>Б.И. Кочуров., д.г.н., Институт географии РАН, Москва</i>	
Космические сюжеты и персонажи в наскальных изображениях Алтая.....	117
<i>В.Д. Кубарев, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск</i>	
Пути стабилизации человека	120
<i>М.Г. Красильников, Барнаульский гос.педагог.ун-т, П.И. Кузьмин, Алтайский институт мониторинга земель и экосистем, Барнаул</i>	
Архетипические образы в изобразительном искусстве Горного Алтая.....	124
<i>Е.П. Маточкин, к.искусств.н., Республиканский краеведческий Музей, Горно- Алтайск</i>	
Принцип индивидуальности в организации особо охраняемых территорий.....	135
<i>В.Е. Мельченко, к.г.н., МГУ, Москва</i>	
Жизнь: живая и мертвая	140
<i>А.А. Муронов, АГИИК, г. Барнаул</i>	
Синергетический взгляд на социальные системы	143
<i>Карстен Фюнфитцюк, Галле (Германия)</i>	
Алтай и алтайская художественная культура в контексте глобального ноосферогенеза	147
<i>М.Ю. Шишин, к.философ.н., АГИИК, Фонд «Алтай — 21 век», Барнаул</i>	
Тропа над Чемалом	155
<i>Андрей Иванов</i>	

III. Космическая деятельность и общество: социальные и экологические аспекты

Современные проблемы экологической безопасности космической деятельности	156
<i>С.В. Кричевский, космонавт, к.т.н., академик Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского (Центр Экологической Политики России, Москва)</i>	
Современный глобальный кризис и космическая деятельность	166
<i>Л.В. Лесков, д.ф.-м.н., РКА, Москва</i>	
Ода Чемалу	168
<i>Сергей Кричевский</i>	
Оценка риска для здоровья населения в районах ракетно- космической деятельности	168
<i>В.М. Лупандин, д.мед.н., Институт социологии РАН, Москва</i>	
Распространение и численность копытных и некоторых видов хищных млекопитающих на территории РП-326 (Алтайский заповедник)	175
<i>М.Ю. Пальцын, Алтайский заповедник</i>	
<i>Обращение к научно-педагогической интеллигенции России</i>	<i>184</i>
Резолюция 4-ой научной конференции «Алтай–Космос– Микрокосм» (г. Барнаул, Россия 26-27 июня 1998 г.) Экологическая опасность современной космической деятельности	187

Предисловие

Материалы IV конференции «Алтай-Космос-Микрокосм» продолжают линию исследований предыдущих конференций, направленных на теоретическое осмысление кризисных тенденций нынешнего этапа мирового развития и комплексный анализ путей становления новой — духовно-экологической (ноосферной) — цивилизации. Особое значение имеют региональные аспекты этой неизбежной цивилизационной трансформации, ведь именно уникальным геобиоэтносферным районам, наподобие Алтай-Саянского, суждено сыграть особую роль в переходе к гармоничной коэволюции природы и общества и в становлении нового антропокосмического мировоззрения.

В настоящем сборнике тезисов главное внимание ученых и философов уделено феномену сознания, парадоксам и перспективам его рационального изучения и практическим способам актуализации его творческого потенциала. Общий вывод из состоявшихся на конференции дискуссий и обсуждений состоит в том, что сознание человека является космопланетарным и энерго-информационным образованием, органически включенным в систему мировой жизни и со-знания. Соответственно, сознание личности не есть нечто сугубо идеальное и индивидуальное, а представляет собой активную и конструктивную силу мирового бытия, способную оказывать непосредственное влияние на физико-химические и биологические процессы в Космосе. На конференции была также подчеркнута ключевая роль морального сознания — ясной, четкой и возвышенной мысли, не только устремляющей личность вверх по ступеням духовного совершенствования, но и оказывающей облагораживающее воздействие на окружающие социальные и природные формы. Данный теоретический вывод находит не только свое историко-культурное подтверждение в медитативно-религиозной практике Востока и Запада, но получает сегодня все более солидное научно-эмпирическое подтверждение со стороны естественных наук.

Кроме того, особое внимание на конференции было уделено разрушительному воздействию ракетно-космической деятельности на окружающую природную среду и здоровье человека. Особо опас-

ным здесь является то, что заложниками ракетно-технократической экспансии оказываются регионы типа Алтай-Саянского, являющегося стратегическим ресурсом России-Евразии в 21 веке и потенциальным «очагом» становления новых цивилизационных отношений.

Оргкомитет конференции надеется, что представленные в сборнике научные материалы и резолюции внесут свой вклад в становление нового антропокосмического мировоззрения и будут способствовать консолидации евразийской научно-гуманитарной элиты вокруг соборного решения духовно-экологических проблем.

Оргкомитет

**I. СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА
КАК КОСМОПЛАНЕТАРНЫЙ ФЕНОМЕН:
СОВРЕМЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ,
ЭТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ**

Сознание и буддизм

*Т.П. Григорьева, д. филолог. н., член СП РФ, Институт востоковедения,
Москва*

Что есть сознание?

Сознание — одно из неуловимых слов. Я позволю себе поделиться некоторыми соображениями о природе сознания, касаясь его общих черт. Если мышление есть некий конкретный процесс, разворачивающийся в системе координат пространства-времени, — мы говорим об индивидуальном, национальном мышлении, о традиционном или современном, — то сознание это, скорее, некая данность. Потому и говорят о структуре сознания и о стиле мышления. К.Г.Юнг оперирует понятием «коллективного бессознательного», т.е. тем, что уже есть и может проявляться в процессе мышления. Естественно, и мышление имеет разные уровни, и можно говорить о необратимости мышления на глубинном уровне, о его устремлении к Единому через преодоление двойственности, на смену которой приходит логика Целого или логика Небытия, как говорят японские философы, — полной непредвзятости, «чистого опыта», ибо проявленное и двойственное уже не есть Целое. «Одно инь, одно ян и есть Дао» (по Ицзину), т.е. через чередование, пульсацию двух сторон единого происходит снятие всяких противоположностей, достигается уровень Всезнания–Праджни, или Логоса, Нуса, Мирового Разума, а тем самым реализуется конечная цель мирового бытия. По Гегелю, этот процесс видится как восхождение духа от бессознательной целокупности, через раздвоение (скажем, на субъект и объект) к их воссоединению через самосознание: «дух можно назвать соответ-

венно его *истине, вечным*, как равным образом совершенно *блаженным и святым*. Ведь святым может быть названо только то, что *разумно и знает и разумном*».

В самом слове **со-знание** предполагается первичный уровень целостности, т.е. совместное знание, скажем, прошлое-настоящее, человек-природа, субъект-объект. Объектом может быть природа, другой человек, — что угодно. Сознание второго уровня — относительно (как «общественный продукт», производное от жизнедеятельности людей), за исходное берется субъект, субъективный взгляд. Но субъект всегда ограничен данной человеческой жизнью, не может претендовать на знание абсолютной истины. Общепризнанная когда-то формула — «сознание есть субъективный образ объективного мира» — узаконил эту субъективность, относительность. По этой причине человек не приближался к Истине, к целостному видению, целостному существованию или свободе, а отдалялся от нее. Истина есть Целое, так что никакая односторонность, противопоставленность, часть или сконструированное из частей, не относится к истинному Бытию.

В таком случае, куда двигалось сознание, почему, несмотря на расширение знания, происходило сужение сознания, которое теперь называют «зауженным», «одномерным», «несчастливым» и, наконец, «катастрофическим»? То есть, само сознание девальвировало, породило сомнение в том, что человек мыслит правильно, устремлен к Благу, в котором с древности видели конечную цель человеческого существования. Не в том ли причина, что еще до Аристотеля, философы элейской школы допускали возможность одностороннего подхода: «все должно заключать в себе возможность рационального обоснования... То, что невозможно вместить в свободные от противоречий высказывания, не существует». Но так как двуединство свойственно природе вещей, то они решили избежать противоречия, разделив одно на два, скажем, мысль и чувство, мужчину и женщину, субъект и объект. Говоря словами Аристотеля, «разделили соединенные в одном противоположности» — во имя рационального подхода, управления объектами любого рода, извлекая из природы, из окружающего мира то, что нужно сиюминутному человеку. Но человек менее всего знает, что ему в действительности нужно, и об этом печалились мудрые греки: «человеку не стало бы лучше, если бы исполнились все его желания» (Гераклит).

Итак, изначально, во имя каких-то сиюминутных выгод и предрассудков было принесено в жертву Целое. (В библейском толковании в этом суть грехопадения). С тех пор начался процесс прогрессирующего раздвоения, дробления всего на части, сокращение сферы сознания. Скажем, специализация, которая на каком-то этапе была необходима для научного развития, все более отдаляла человека от Бытия. В результате в наше время, под угрозой всеобщего распада наука меняет ориентиры. Возникают такие направления, как **синергетика**, предназначенная восстановить утраченное единство между действиями субъекта и действием объективных законов Эволюции, которые не подвластны воле человека, но могут быть им осознаны. Не свидетельствует ли это о том, что человек, наконец, начал поворачиваться от собственной персоны, вообразившей себя центром Вселенной и замкнувшей ее на себе, к открытости мирового целого? В открытой системе действуют законы, которые классическая физика, как правило, не принимала во внимание, такие, как принцип **самоорганизации**, т.е. все повинуется закону самореализации своей внутренней сути, внутренней формы (**эйдоса, энтелехии** по словам древних греков).

Не находил применения и принцип **необратимости**, т.е. признание того, что существуют не только горизонтальные, но и вертикальные связи — восходящее движение. Не мог привлечь внимания и принцип **неустойчивого**, как бы **пульсирующего равновесия**, который противоречит жесткой системе связей: «то или это», третьего не дано. Противоречил господствующему типу мышления и принцип **локализации**, индивидуализации явления, который неизбежно вытекает из осознания внутренней формы, которая направляет процесс любого развития по своему уникальному пути и т.д.

Надо думать, наука, ущемлявшая по необходимости свободу, допуская изоляцию, закрытость, начинает самораскручиваться в обратном порядке, тяготеет к **открытости**, без которой невозможна свободная самореализация сущего. Блудный сын возвращается в лоно, его породившее, убеждаясь, что ему гораздо выгоднее не навязывать Природе свои законы, а следовать ей, ибо ее законы — вечные и сулят ему вечные блага в ответ на мудрость.

Есть и еще одна причина такого спирального возвращения сознания к своим истокам. Она имеет нравственную природу. Процесс объективации, оказавшийся необратимым, превратил в объект самого человека, которым оказалось возможно манипулировать в угоду го-

сударственной машине, хозяйственно-научным планам и т.д. По закону взаимобратимости противоположностей, объект стал над субъектом, как бы начал сводить с ним счеты, подчинять себе. Человек стал превращаться в придаток машины, механической цивилизации, — в ее исполнителя, робота, что пришло в полное противоречие с Божьим замыслом, с высшим назначением человека. Вместо спасителя всего, что есть на земле, он превратился сначала в поработителя, а потом — в порабощенного, впал в крайнюю степень зависимости, не-свободы.

Не случайной этой предельной не-свободой взволнована русская мысль на рубеже веков. Почти все работы Н.Бердяева посвящены осмыслению свободы и пути к ней.

Приведу лишь один пример поразившей меня статьи американского автора — «Наследуют ли роботы землю?» (газета «Известия» за 5 янв. 1995 г.). Речь идет о замене человеческих органов, что, с точки зрения автора, позволит перейти биологический предел, биологическую зависимость. Но зачем тогда человек, наделенный «искрой Божьей», которую автор называет «мифической», хотя без этой «искры Божьей» человек не может осуществиться? И, действительно, времени больше нет: если человек естественным путем, реализуя свои внутренние резервы, не вырвется из кольца зависимости, то это сделают искусственно, и тогда он уже не будет человеком, божьим творением, а станет машиной. Поистине: «Если человек не живет по Богу, то живет по дьяволу», — как говорил Св. Августин.

Однако параллельно происходят и благие перемены. Открытие простой истины, что мир развивается по своим законам, а не как хотелось бы человеку, подрывает основы антропоцентризма, превратившегося в эгоцентризм. По законам самоорганизующейся Вселенной, открывается целостная природа сущего как условие его самозавершения — будь то народ, личность или слово. Все возвращает себе изначальную космическую целостность, без чего дальнейшее движение жизни теряет смысл. Сходят на нет жесткие связи между всеми парами, двумя сторонами единого, и естественно, между Востоком и Западом. Может быть, впервые реализуется возможность нормального отношения к восточному знанию, которое оказалось в высшей степени своевременным, которое не столько научает, сколько помогает узнать собственные не раскрытые пока возможности. Не случайно в поисках новой методологии наиболее проницательные умы нашего века обращались к Востоку (достаточно вспомнить имена

К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, Н. Бора, К.Г. Юнга, из наших современников — С.П. Курдюмова). Восток не пережил рокового раздвоения, благодаря чему сохранил целостное мировосприятие, при котором **сознание** понималось не как знание объекта, а как со-знающее пребывание в сущем или в истинно-сущем.

С точки зрения восточных учений (я рассматриваю буддийский Восток), знание — прежде всего возможность преобразить сознание человека, а не повысить производительность; возможность пережить явление, пробудить подсознание, чтобы очистить его от ненужных «семян», мешающих Просветлению. Более того, когда знание освоено, когда плот переправляется на тот берег, тогда шест отбрасывается — говорят сутры. Условное, повседневно-конвенциональное знание приемлемо лишь как способ изменить сознание, пробудить Интуицию, Мудрость–Праджню, которая заложена в природе вещей, заложена в каждом человеке, как и изначальная Просветленность (япон. хонгаку). Это некая высшая реальность, природа Будды, светящееся Тело Будды (Дхармакая). Праджня — целостное знание или всезнание — неотделима от своей обратной стороны — вселенского Сострадания–Каруны. Мудрости нет без сострадания, так же как сострадания нет без мудрости. Восточный ум всегда искал ту форму узнавания мира или пути сопереживания, которая позволила бы реализовать изначальную Сострадающую Просветленность, извечное Единое, позволила бы избежать отчуждения, трагического или, как теперь говорят, «катастрофического сознания».

Что хотел узнать Будда?

Почему человек живет не по-человечески, почему болеет, страдает, умирает? — Будда хотел установить глобальные причины человеческого недуга. Он не мудрствовал, а после долгих скитаний умом и телом пришел в состояние полного покоя, предельного утешения ума, отключения сознания, и ему открылась абсолютная Истина. Значит, повседневное сознание или то, к чему привык человек, все его представления о сущем, мешают постижению Высшего знания. Будда не умом дошел до Истины, а в его уме расцвел цветок Истины: в момент Пробуждения (Бодхи), как известно, открылись «четыре благородные истины». Человек так ложно организовал свою жизнь, что обрек себя на страдания (дукху), привязываясь к тому, что

иллюзорно, повинуюсь чувственным влечениям. Но человеку не предназначено такое жалкое существование, которое он сотворил по неведению (**авидья** — затемненное сознание).

Но раз есть причина дукхи, можно избежать страданий, болезни, смерти, ибо нельзя избавиться лишь от того, что извечно, не имеет причинного возникновения. И есть способ избавиться от страданий, это «благородный восьмеричный Путь».

Обратите внимание: нет того, на чем сосредоточена греческая мысль, набравшая силу примерно в то же время, когда проповедовал Будда. Нет ни аналитики, ни метафизики, ни диалектики; есть указание на правильный Путь — непосредственное переживание Истины. Он состоит из восьми ступеней. Правильное видение, исходящее не из своих убеждений, а из природы того, на что смотришь, т.е. недопущение субъективности. Тогда появляется правильная мысль. Одно вытекает из другого. Затем и Слово обретает абсолютную искренность, когда, что ни говоришь — говоришь правильно. В конце концов человек начинает вести правильный образ жизни. Появляется потребность узнать Истину, стремление к правильному помыслу. Активизируется память. Человек овладевает правильной концентрацией мысли — **самадхи**. На этой стадии сознание высвобождается от всяких признаков условного, дискурсивного мышления. Ум отпускается на свободу, воспринимает мир без слов и понятий. В «чистом опыте» открывается ему природа вещей, как она есть, в ее Таковости, ибо становится доступна извечная **праджня**. Праджня или высшая Мудрость, всезнание вне всяких дефиниций, проявляется сама, когда сознание очищено от примесей.

Праджня проявляется, когда человек входит в состояние полного самозабвения, «не-я», «не-мыслия» (япон. муга, мусин). Тогда ничто не мешает проникнуть высшему Свету — Дхарма-кая (Тело Будды). «Реальное трансцендентно мысли», — говорят буддологи. Праджня прибывает сама, когда всякие усилия, кроме усилия духа, приводящего к самадхи, оставляют человека. Ненарочитость, недеяние, самоестественность — условие Просветления, предваряемого работой души. Будда потому и не конкретизировал, что означает каждая из восьми ступеней, что всякая конкретизация уже есть остановка, препятствие на Пути. Извечная праджня заложена в каждом, и от него зависит — найдет ли он ее в себе и даст ли ей выход. Недаром всякий истинно буддийский Путь называют Срединным или Нулевым: свобода самопроявления того, что уже есть в тебе самом, ни-

какой предустановленности. В состоянии самадхи происходит слияние с Единым, ибо устраняется главное препятствие на пути к самоосвобождению — замкнутое на себе эго. Преодолев внешнее, вторичное «я», человек находит путь к себе истинному — извечному Я.

Эго живет в пределах авидьи, неведения: неправильные мысли и представления, неугомонные страсти, возбуждающие вибрацию дхарм (элементов бытия). Но не все дхармы подвержены вибрации, которая исключает возможность Просветления, есть истинно-сущие дхармы, способные избавлять от авидьи, подавлять волнение, приближая к **нирване**, абсолютному освобождению от мыслей, эмоций, от всего того, что обременяет человеческую психику. Это состояние сердца лучшее в мире, — говорят сутры, — просветленное блаженство. Ничто не исчезает, лишь перестает враждовать в мире, где нет более повода для раздора, ибо все едино, не имеет разграничений, пустотно, бесформенно (для нас это звучит несколько жутко, но этот сверхсознательный опыт переживали все известные мистики, в состоянии высшего восторга переживали его и наши отечественные духовидцы).

И все же, если все — Пустота (**шунья**), согласно сутрам Махаяны, то что же в нашем сознании переживает это блаженство? Щербатской говорит: «Есть еще тонкое сознание, которое остается после нирваны» (1).

А в Удане сказано Буддой: «Существует, монахи, нерожденное, неставшее, несотворенное, неоформленное. Если, монахи, не существовало бы нерожденного, неставшего, несотворенного, неоформленного, то не было бы спасения от рождения, становления, сотворения, оформления. Но так как, монахи, существует нерожденное, неставшее, несотворенное, неоформленное, то и можно избежать рождения, становления, сотворения, оформления». То есть, существует высшая извечная реальность или нирвана, куда переходят те, кто преодолел соблазны **сансары**, круговорота жизни и смерти, эмпирического бытия ради переживания Бытия абсолютного. Притом, согласно Махаяне, все обладает природой будды, и бесчувственные вещи обучают человека вселенскому закону невыразимого Единства и Полноты: деревья, камни, ручьи, цветы, звуки флейты. Это ощущение лежит в основе искусства японцев.

Основатель буддизма Сингон, Кобо Дайси (Кукай) уверяет, что все истинно-сущее или Дхарма-кая состоит из «шести великих»: Земли, Воды, Огня, Ветра, Пространства и Сознания (япон. сики).

При этом сознание присутствует во всех остальных «элементах», т.е. всему сущему — воде, земле, огню, ветру, пространству — присуще сознание. Оно живет в деревьях и травах, в песке и минералах — во всем присутствует природа будды, во всем, что несотворено, изначально присуще Небытию, непроявленной Реальности, о которой речь шла в Удане. Человеческая речь и письменные знаки, театральное действие и сочинение стихов — во всем проявляется Космическое участие, которое улавливает чуткое ухо мастера. Средствами искусства и проявляется изначальный Свет, указующий путь к спасению.

Индивидуальное хранилище вселенского сознания — это сердце (**кокоро**, санскр. читта), тот орган, где концентрируются все психические свойства и где таится врожденное знание, возможность Праджни.

В Японии иероглиф «сердце» — синкокоро (санскр. читта) отождествляется с «сокровищницей сознания» (алая виджняна), где существуют как извечные «семена», так и вновь приобретенные, как добрые, так и недобрые, — производные от человеческих деяний. Сама «сокровищница сознания» существует вечно и присутствует в каждом живом существе, но содержание ее зависит от поступков человека. Он же может, очищая сознание, «искурить» плохие семена и прийти к Просветлению, если преодолеет свой эгоцентризм. Говоря словами Тани Суми: «учение «юисики» указывает на то, что за свое представление о мире я сам несу полную ответственность, или что корень всего, что признаю, находится в моей душе» (2).

Принцип «недвойственности» («фу-ни», букв. «не-два») характерен для всех буддийских школ Махаяны: всякое противопоставление происходит от незнания, неведения истинных законов Бытия. Изначально все Едино, все имеет свою душу (кокоро) и со-знание и эти души со-знающе резонируют друг на друга: в одном месте тронешь, в другом — отзовется. В буддизме Дзен этот тип связи определяется, как «одно во всем и все в одном». Сердце — это индивидуальная душа каждого и душа всей Вселенной: одно отражается в другом, как лунный свет в каждой капле воды. Это ощущение «единого сердца» (иссин) пронизывает японское искусство. И когда буддизм отошел на время в тень, как в период процветания городской культуры и неоконфуцианства (XVII-XVIII вв.), появилось Учение о сердце (Сингаку), приверженцы которого уверяли: «Если у Вселенной одно сердце, значит, каждое сердце — Вселенная».

Наверное, можно утверждать, что духовная жизнь, особенно XX века, подтверждает идею существования Единой Души или Вселенского Разума. Не потому, что Запад чему-то научился у Востока, или наоборот. А именно потому, что изначальная природа сущего, истинно-сущего едина, и лишь в разной степени проявляет себя: то одно доминирует, то другое. Но по мере приближения к целостному мышлению эта Встреча Запада и Востока не могла не состояться. В высшей точке, или на фазе Великого Предела — все едино. Если каждый из путей исчерпан, он сливается с единым мировым Путем. Мне хотелось бы привести мысль Гумбольдта о том, что полнота индивидуального или самоосуществление ведет к осуществлению свободы: «Объективная истина проистекает от полноты сил субъективно индивидуального» (3).

Значит и раздвоенность Запада на субъект и объект не есть препятствие на Пути, если этот путь пройти до конца: субъект реализует свое назначение, хотя и проходит свой путь с большим драматизмом. Именно восточный дух всеединства свойственен работам и швейцарца К.Г. Юнга, и русского мыслителя Е.Н. Трубецкого, чьи слова показались мне особенно знаменательными: «...интуиция всеединого сознания представляет собою необходимое предположение всякого человеческого познания... Всеединое сознание есть то, которое включает в себе абсолютную мысль обо всем. Но абсолютная мысль не есть только сущий смысл того, что есть: она вместе с тем и *Божий замысел о том, что должно быть*. Весь мир во всеедином сознании существует через этот замысел, который составляет начало и конец всего действительного и возможного» (4). Не менее знаменательна и интуиция Н.А. Бердяева: «Познание Божества предполагает прохождение через катастрофу сознания, через духовное озарение, изменяющее самую природу разума. Просветленный, озаренный разум есть уже иной разум, не разум мира сего» (5).

Поистине, не лучше ли мудро возвратиться к той вселенской *памяти* и универсальному со-знанию, о которых говорили и Платон, и Будда, дабы перед человеком открылись новые горизонты бытия?!

Литература:

1. Ф.И.Щербатской. Избранные труды по буддизму. М., 1988. С. 229.
2. Тани Суми. О концепции человека в учении юисики — только сознание. — Альманах «Духовные истоки Японии», М., 1985. С. 378.
3. В.фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 176.
4. Е.Н.Трубецкой. Избранное. Смысл жизни. София, М., 1997. С. 132.
5. Н.Бердяев. Философия свободного духа.

Homo Intelligens (человек понимающий).

С.М. Журавлева, МГУ, Москва

*«Littera gesta docet, quid credas allegoria,
moralis quid agas, quo tendas anagogia»*

Augusti №(1)

«Sein, das verstande№werde№kann, ist Sprache»

H.-G.Gadamer (2)

В философской традиции было предпринято великое множество попыток схватить в одном определении сущность человека: человек разумный, волящий, совестливый, производящий, сомневающийся, играющий и даже способный свободно, т.е. без внешнего принуждения, верить в абсурд и т.п. Каждое из этих определений, как аспект многогранной человеческой сущности, адекватно и интересно. Но, будучи представлено как доминирующее и детерминирующее все другие возможные определения, оно ограничено, ибо выделяет одну или несколько человеческих способностей в качестве определяющих человеческую природу вообще (т.е. полагающих ей предел), а зачастую и идеологично, поскольку изначально формируется под влиянием некоторых идейных установок и убеждений мыслителя. XX век, ставший олицетворением научно-технического прогресса, с одной стороны, и кризиса человечности — с другой, породил дилемму сциентизма и антисциентизма, выразившуюся в противостоянии (методологическом и экзистенциально-аксиологическом) естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Последние, справедливо заостряя внимание на глобальных кризисах современной цивилизации, непосредственным образом затрагивающих существование каждой человеческой личности, встали на защиту человека от человека. Истоки кризисов абсолютно верно усматриваются не в науке и технике самих по себе как феноменах, но в потребительском, организованном по схеме «господства-подчинения», отношении человека, пользующегося всеми достижениями современной науки и техники, ко всему, что его окружает (см. работы М. Хайдеггера, Э. Фромма, философов Франкфуртской школы и многих других). Уже с конца XIX — пер. пол. XX вв. философы постоянно бьют тревогу, указывая на необходимость масштабной смены мировоззренческой установки: человек, отстраненно познающий, должен стать человеком сопереживающим, понимающим. «Человек понимающий», таким образом, — это не очередное определение сущности человека,

но характеристика, задающая новый — аксиологический — вектор отношений человека к человеку и окружающему его миру вообще, и иную стратегию поведения человека в мире. В практическом смысле — это путь постепенного индивидуального самовоспитания и социального перевоспитания личности, связанный с изменением ее ценностных ориентаций.

«Человек понимающий»: его сущность и существование — это предмет современной онтологической герменевтики, претендующей на философское обоснование современного гуманитарного знания, а попутно и на создание новой, отличной от естественнонаучной и ориентированной на ценностное отношение, мировоззренческой картины мира. Подобные притязания на универсальную значимость собственной проблематики не возникли внезапно, но были порождены, с одной стороны — специфическими насущными проблемами эпохи, а с другой — историей развития самой герменевтики. С самого начала своего исторического существования, будучи еще только искусством интерпретации текстов, предметная область которого была близка к таким дисциплинам, как грамматика, риторика и диалектика, герменевтика уже претендовала на универсальность своей проблематики. Толкованием текстов и рефлексией над самим процессом толкования занимались и теологи — интерпретаторы священных текстов, и юристы — интерпретаторы текстов законов, и историки, и филологи (делавшие акцент на грамматическом толковании) — интерпретаторы, соответственно, исторической традиции и классических литературных образцов, как иноязычных, так и написанных на их родном языке. В середине XVIII века Георг Майер, опираясь на учение Лейбница о том, что в этом мире, поскольку он лучший, между вещами существует взаимосвязь, характеризующаяся наибольшей всеобщностью, которая только возможна в мире, расширяет область применения герменевтики далеко за пределы письменных источников, чтобы вместить целую вселенную знаков, в том числе и естественных. Провозгласив, таким образом, универсальность знаковых структур, и распространив свои полномочия на все знаки мира, герменевтика стала претендовать на статус новой универсальной науки. Теперь необходимо было лишь добиться признания ее статуса другими науками — разработать собственную научную методологию. Романтики (Аст, Шлегель) и Шлейермахер явились праотцами этой методологии, обратив внимание на исторический, социокультурный и индивидуальный контекст процесса по-

нимания смысла, на то, например, что наш исторический образ прошлого опирается на абсолютно новые основания. Они увидели, что герменевтика «способна не только преодолевать в отдельных областях дистанцию с Высшим и дистанцию с дальним (как в религиозных документах, текстах законов и у иноязычных классиков), но также и обращаться в подобные дистанции цельность до сих пор существовавшей исторической традиции» (3). Историческая школа (Бозк и Дройзен), Дильтей и баденская школа неокантианства (Виндельбанд, Риккерт) разработали методологию «наук о духе», сделав акцент на универсальности исторического понимания. Герменевтика XX века, рожденная под влиянием дильтеевского историзма и феноменологии Э. Гуссерля, провозгласила, в свою очередь, универсальность предпонимания, осуществляющегося благодаря включенности понимающего индивида в исторический и социокультурный контекст со всеми присущими последнему атрибутами — игрой, диалогом, системой «господства-подчинения» и т.п. У Мартина Хайдеггера и его последователей — Георга Миша, Ханса Липпса и Ханса-Георга Гадамера — это «пред-рассудок» — термин, лишенный отрицательного значения и указывающий на некую изначальную укорененность высказывания (языка) в структуре человеческой экзистенции, намек на допредикативное, входящее в структуру человеческого поведения в мире, не нуждающееся в вербализации, понимание. Миш и Липпс развили даже идею особой логики — герменевтической, которая «вместо морфологии суждения развивает типологию речи» (4).

Итак, в герменевтике XX века акцент философской дискуссии постепенно смещается с разума, или познавательных способностей субъекта на его поведение, сочетающее индивидуальную и общественную практику, в т.ч. и прежде всего языковую практику понимания (в широком смысле). Ведь в мире человеческого существования понимание, т.е., в определении М. Хайдеггера, изначальное допредикативное умение быть в мире, является имманентной специфической характеристикой, а потому смыслонесущими в сфере человеческой экзистенции являются все формы — как языковые (в прямом смысле), так и природные, и сотворенные человеком в процессе его индивидуальной и социально-групповой практики. В результате подобного расширения предметной области исследования герменевтики и смещения акцента герменевтической проблематики в сторону объективных и субъективных (грань в данном случае очень зыбкая)

предпосылок, обуславливающих это, как оказалось никогда не тождественное (в силу контекстуальной неповторимости) ни высказанному, ни самому себе понимание, герменевтика из искусства интерпретации обратилась в онтологию. Центром этой онтологии является не человек со всеми своими уникальными способностями (включая понимание), выделяющими его среди всего сущего, — ибо он смертен; но начало более фундаментальное — некоторая универсальная надперсональная, сверхсознательная реальность, определяющая и опосредующая все индивидуальные, т.е. контекстуально-неповторимые в своей конкретности «здесь-и-теперь», акты сознательной деятельности. Такая онтология в рамках современной нерелигиозной философии не нова. Если на место этой универсальной сверхсознательной реальности подставить социально-историческую практику родового индивида, мы получим марксистскую социологию, включающую в себя сейчас уже и теорию понимания (5). В принципе, многие герменевтики (например, Гадамер) ничего не имеют против такой (социальной) интерпретации онтологической реальности. Но дело в том, что подобная интерпретация смыслополагающего начала бытия прямиком ведет к позиции так называемого «онтологического нигилизма» (П.П. Гайденко). Согласно этой позиции, личность как часть родового (или трансцендентального) субъекта, положенного в центр мироздания (6), отделяется от бытия, связанного с природной необходимостью, избыточной и бессмысленной с человеческой точки зрения, дабы почувствовать себя свободной. Именно эта свобода от бытия породила господство в европейской культуре «деонтологизированного субъективизма», продуктом которого, как справедливо заметила П.П.Гайденко (7), явился, с одной стороны — разрушительный дух, составляющий неотъемлемый компонент европейской цивилизации, начиная примерно с сер. XVIII века (т.е. с идеалистического субъективизма И. Фихте) подготовивший Французскую буржуазную революцию и давший «обильные всходы» в XIX и XX вв.; с другой стороны — технократическая воля к полному переустройству, к «новому сотворению» Земли и всего Космоса руками человека. Именно поэтому современные герменевтики либо вообще избегают говорить об онтологии, занимаясь философскими проблемами диалога, языковой игры или интерпретации вообще, либо строят свою — онтологию понимания, избегая таких понятий как «родовой (или трансцендентальный) субъект», «бытие вообще» или «социальная реальность» и т.п. «Трансценден-

тальный субъект» — это олицетворение автономии разума, ставшего законодателем, в том числе и в сфере духовных ценностей, на защиту которых и встала современная герменевтика. Еще Кант, исключив сферу духа из компетенции теоретического разума, был озабочен проблемой девальвации ценностей. Однако он не предвидел, что такое жесткое разделение предметных областей, приведет их к конфронтации, яркий пример которой XX век, — наследник вполне апокалиптического «века» позитивизма, отмеченного не только бурным развитием естествознания, но и активным всеразрушающим отрицанием всех ценностей и прагматическим подходом к бывшим святыням — вере, добру, альтруизму, любви к ближнему и т.п.

Все альтернативные позитивизму и сциентизму философские концепции построены на критике рационализма и эгоизма современного человека, с вытекающими отсюда экзистенциальными кризисами, стрессами, неврозами и массовыми психозами. Они направлены на поиск безусловного основания человеческой жизни, придающего ей смысл и ценность. Здесь возможны два различных пути, с высокой художественной точностью и философской глубиной показанные в романе Германа Гессе «Игра в бисер»: это путь Тегуляриуса и путь Йозефа Кнехта. Первый, соответственно, ориентирует человека на «игру» с традицией (пример — философия постмодерна и деконструкции); это путь немногих избранных (интеллектуалов), тех, кто вкушает сегодня плоды высших достижений человеческой культуры. Главный недостаток этого пути заключается в его отстраненности от общественной жизни, что не только не способствует разрешению множества насущных проблем, но, наоборот, порождает в жизни социума массу новых нерешенных проблем. Второй путь — самосовершенствование «в миру» с изменением своего отношения к этому миру (но не изменение самого мира под насущные сиюминутные потребности субъекта, хотя бы и родового). Однако такое самосовершенствование необходимо предполагает уже наличие идеалов, безусловных высших духовных ценностей, другими словами, имеет своей предпосылкой обращение к трансценденции. В зависимости от понимания этого безусловного высшего начала (трансценденции), пути его обретения видятся разными — это либо вера (религиозный экзистенциализм), либо понимание (герменевтика) как ответственное жизнестроительное и организующее бытие человека в мире, уместное в нем и со-гласное с ним. Онтология понимания, или «онтологическая герменевтика» была создана независимо друг от друга

двумя известными философами XX века — П.А. Флоренским и М. Хайдеггером. Сам термин «онтологическая герменевтика» отсылает прежде всего к Хайдеггеру, ибо именно так сам немецкий философ назвал свою философию; ее визитной карточкой стала известная формула «язык есть дом бытия», которая, на наш взгляд, ничуть не менее адекватно звучала бы и в контексте символического учения о.Павла.

Новая герменевтическая онтология постулирует наличие некоей трансцендентной реальности, стоящей за телесной реальностью человека и мира и за реальностью человеческих актов осознанного восприятия мира, себя и других людей. Эта реальность, вопреки мнению ученых, не нуждается в оправдании своего бытия в глазах человеческого разума, творящего главным образом абстракции, всемогущество которого ныне поставлено под сомнение. Она просто есть. В силу своей ограниченности, как отмечают оба вышеупомянутых философа, человеческий разум не может постичь что она есть, но он может постичь как она есть, ибо она дает себя узнать (открывается) в процессе активной осмысленной жизни в мире. Такая жизнь «прорывает новые протоки в реальности» (П.А.Флоренский), открывает «просветы Бытия» (Хайдеггер), «стояние» в которых и характеризует подлинную экзистенцию.

Обращение к трансценденции в альтернативных сциентизму философских концепциях знаменует вполне очевидно наметившуюся (и не только в религиозно-философских концепциях) тенденцию возврата к многовековой философской традиции, признающей источником всего реально сущего множества Единое онтологическое Начало. Однако эта тенденция пока не популярна в современной философской дискуссии, заиклившейся в основном вокруг социальных проблем (свободы, коммуникации, национального единства, управления массовым сознанием и т.п.) и проблем конкретных наук, включая проблему междисциплинарного синтеза. Все эти проблемы — действительно интересные и насущные, но решать их надо изнутри, начав с изменения отношения человека к миру, — а это уже мировоззренческая проблема, т.е. собственно философская. Человек — это, по определению, часть: часть семьи, часть общества, часть экосистемы, наконец. Он должен не разрушать, а созидать, не господствовать, а подчиняться, ибо он — ничто вне общества и вне биосферы, т.е. вне целостной системы, в которую он включен. И только так, осознав свою конечность (что не значит слабость или бессилие)

перед лицом трансценденции, создавшей и сохраняющей мир в гармонии (будь то Бог, природа или что-либо иное), осознав свою включенность в мир, свою зависимость от него, а вместе с тем и ответственность за свои поступки, человек перестанет быть разрушителем всего живого.

До сих пор философия Флоренского и Хайдеггера мало популярна как у нас в стране, так и за рубежом. Они и их последователи считаются маргиналами, сошедшими с магистрального пути западной философской традиции (философские школы: атеистический экзистенциализм, постмодернизм, психо- и шизоанализ и деконструкция).

На наш взгляд, необходимость онтологического поворота, намеченного немецким бюргером — Мартином Хайдеггером и русским священником — о. Павлом Флоренским, очевидна. Такой поворот коренным образом изменил бы мировоззрение людей, а именно — отношение их к самим себе, друг к другу и окружающему миру. Ведь в своих поступках они ориентировались бы отныне не только на личные и общественные интересы, но учитывали бы еще один, более значимый в поведенческой сфере фактор, — трансценденцию, что в общем-то означает — безусловную ценность жизни. Потому что будущее — за человеком понимающим. Нынешняя цивилизация, основанная на господстве и потреблении, будет истреблена своими же «богами». Она лишена будущего.

Примечания

1. «Буквальный смысл показывает то, что происходит; аллегорический — что ты думаешь; моральный — что ты делаешь; анагогический — куда ты устремляешься» (Августин).
2. «Бытие, которое может быть понято, есть язык» (Х.-Г. Гадамер).
3. Gadamer H.-G. *Hermeneutik als praktische Philosophie*. In: Salamu №K. *Was ist Philosophie?* (Hrsg). Tübingen, 1987, S. 115.
4. Lipps H. *Untersuchunge №zu einer hermeneutische №Logik*, Frankfurt a. M., 1936, S. 134
5. Такую социологическую теорию понимания разработал Юрген Хабермас, назвав ее теорией «коммуникативного действия».
6. Философским родоначальником такой онтологии, оказавшей роковое влияние на специфику современной цивилизации, является И.Г. Фихте.
7. См. об этом Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997, с. 476-480.

Изучение парадоксальной реальности сознания как жизненно практический вопрос

А.В. Иванов, к. филос. н., МГУ, Москва

Нынешний этап развития цивилизации связан с радикальным антропокосмическим поворотом в мировоззрении человека, что наиболее зримо проявляется в наличии двух разнонаправленных, но неразрывно связанных тенденций в современной науке. Первая из них характерна для естественных наук и состоит в обнаружении факта имманентной и неустранимой включенности субъективно-антропологической составляющей в естественнонаучную картину мира, когда сквозь покров, казалось бы, сугубо объективных природных связей и законов начинает зримо проступать живой человеческий лик. Здесь достаточно вспомнить антропный космологический принцип в его сильной версии; разнообразные гипотезы биополей, «живого вещества пространства» и т.д., свойственные современным биофизическим и медицинским исследованиям. Словом, общая логика развития естествознания такова, что происходит как бы возврат на новом уровне к древнему взгляду на Вселенную как на живой и чувствующий организм, который тысячами нитей связан с человеческим телом и духом. Вторая тенденция специфична для современных исследований мозга и психики человека и в этой связи — с новым прочтением архаических психопрактических методик, в результате чего все больше подтверждается космически-трансперсональное измерение индивидуального человеческого бытия (См. экспериментальные исследования С. Грофа).

Показательно, что обе встречные и подпитывающие друг друга тенденции (от Космоса к человеку и от человека к Космосу) сходятся в одном ключевом пункте — в необходимости ясного и четкого понимания сущности и возможностей человеческого сознания. Но сознание оказывается столь сложным и парадоксальным феноменом, что порождает целый спектр трудноразрешимых методологических трудностей, как только мы пытаемся сделать его предметом систематического исследования. Общий источник этих трудностей, признаваемый большинством исследователей сознания, — сращенность наблюдателя со своим предметом и невозможность занять относительно него созерцательно-объективную позицию. Ситуация такова, словно мы стремимся описать поток, будучи органической частью этого потока, да еще без возможности созерцать неподвижный берег.

Так, если мы ставим вопрос «что есть сознание?», то тут же обнаруживается: сознание — которое всегда является интенционально-предметным, т.е. разворачивающимся в ряде конкретных предметных переживаний, образов и смыслов, — само по себе, в своей сущности, является бесконечно ускользающей предметностью, каждый раз без остатка растворяющейся в феноменальном содержании внешнего и внутреннего опыта, в своем «есть». Мы интуитивно не сомневаемся, что в нашем образе мира и самих себя сознание присутствует как нечто целое, но в качестве устойчивой самостоятельной реальности, которую я бы хотел рационально ухватить и осмыслить, оно постоянно не наличествует, т.е. прячет свой «лик» за «личиною» конкретных переживаемых предметностей. Словом, будучи частью потока сознания, мы неспособны описать его извне.

Данный парадокс «ускользающей предметности» является оборотной стороной парадоксальности логических средств его понимания. Известно, что рационально осмыслить нечто — значит это нечто определить, т.е. положить мысленный предел его бытию, указав, по крайней мере, на то, что этим нечто не является, и тем самым очертить внешнюю границу (предел) его бытия. Одна из важнейших функций сознания как раз и состоит в том, что оно всему полагает мысленные пределы и тем самым делает доступным для объективного и общезначимого понимания многими индивидуальными сознаниями. Но что является иным относительно самого сознания как мыслимого предмета? Что не есть сознание? Любая физическая, биологическая и социальная реальность есть вроде бы иные сознания, полагающие внешние границы его бытию, но ведь они сами всегда даны «в» и «сквозь» призму сознания! Они вообще существуют для нас постольку, поскольку есть реальность сознания. Выходит так, будто то, что всему полагает пределы, само не имеет внешних пределов. В арсенале сознания есть более или менее адекватные логические средства для рационального осмысления любой предметности, кроме него самого!

Вышеотмеченные философские трудности изучения сознания сопровождаются целым «букетом» методологических трудностей его научно-экспериментального исследования. Это касается проблемы объективности методов его анализа и адекватности языка описания. В первом случае сложности возникают в связи с невозможностью избавиться от субъективной составляющей. Какие бы точные приборы и строгие методики ни использовались, никогда не удастся

устранить факт включенности сознания ученого в изучаемый им предмет и, соответственно, в содержание получаемого им знания. Данная трудность присутствует при рассмотрении любого объекта, но в случае с сознанием она проявляется особенно зримо. Что касается языка описания феноменов сознания, то любой естественный язык своей семантикой и синтаксисом адаптирован к дескрипции конкретных предметностей сознания, и в первую очередь вещей и процессов внешнего мира. Но он обнаруживает свою неадекватность при использовании его для описания той системы, органической внутренней частью бытия которой он сам является. Отсюда следует или неизбежная метафоричность описаний явлений сознания на естественном языке, или проблематичность использования искусственных языков, всегда страдающих грубостью и схематизмом в силу их привязанности ко вполне определенным концептуальным моделям сознания и избранным методологиям его изучения. Относительно же особого языка восточных психотехник выясняется следующая картина: его осмысленное использование в рамках европейского научного менталитета наталкивается на необходимость лично-практического ознакомления с теми состояниями сознания, которые он описывает.

Недостатки рационального изучения сознания соблазняют избрать альтернативную — внерациональную — стратегию его исследования. Если нельзя взглянуть на сознание как на целостный предмет со стороны, и нет необходимых логических средств для его определения-осмысления, то может быть есть смысл глубже погрузиться в этот поток, дабы изнутри его созерцать и переживать? Отсюда вытекают многочисленные стратегии медитативно-мистического вхождения в реальность сознания. Им, в свою очередь, присущи две принципиальные трудности. Во-первых, неустранимый субъективизм и личностная окрашенность такого знания-опыта, зависящего от исторического, национального, биографического и прочих моментов. Во-вторых, невозможность интерсубъективной и общезначимой передачи полученного таким образом знания другому сознанию, а также невозможность его экспериментальной проверки. В случае же использования языка и экспериментальных методов — немедленно реанимируются все те проблемы, о которых речь шла выше.

Есть основания предположить, что все вышеотмеченные методологические трудности — есть отражение реальной антиномично-

сти бытия сознания. Эта антиномичность фиксируется в соответствующих парах полярных категорий, традиционно используемых для философского осмысления феномена сознания. Укажем лишь на некоторые из этих категориальных антиномий.

Так, мое сознание есть нечто глубоко **имманентное**, это «мое сознание», воплощающее и хранящее сокровенную тайну моей живой личности. Но одновременно сознание и **трансцендентно**, ибо лишь через него мне дано чувствовать и знать о существовании людей и вещей, отличных от меня самого. Сознание и удаляет, и связывает меня со всем миром; в нем я могу быть самым собой и в то же время отождествляться с тем, что есть не-я. У меня столько же оснований считать себя частью Вселенского Сознания, сколь и настаивать на уникальности своего духовного мира, т.е. я могу занять равно обоснованные позиции и персонализма, и имперсонализма.

Мое сознание есть нечто **субъективно-временящееся** в виде потока случайных образов, ассоциаций и воспоминаний, которые я никому, никогда и никак не смогу передать, точно так же как не могу питать надежду на вхождение в чужой субъективно-временящийся поток. Однако параллельно в моем сознании присутствуют и **объективно-сверхвременные** идеи и ценности, как бы парящие над стихией моих временных переживаний и безусловно существующие в качестве таковых в чужом сознании. Благодаря им, я не только нечто субъективно сознаю, но и объективно со-знаю одинаково с другими я. В свете этой антиномичности я имею полное право присоединиться как к платоническим, так и к экзистенциалистским онтологиям сознания.

Мое сознание свободно. Я управляю им изнутри и обладаю даром субъектного **конструирования** его конкретных предметностей, начиная с фантастических образов и кончая идеализированными абстрактными объектами теории. Но вместе с тем мое сознание и не-свободно, оно детерминировано извне, **объектно-аффицируемо** как со стороны вещей и процессов внешнего материального мира, так и со стороны других свободных я. Иными словами, я столь же **отражаю** мир, на чем настаивают сторонники реалистических теорий отражения, сколь и **конституирую** его образ в творческих актах сознания, о чем говорят последователи трансценденталистских традиций философствования, восходящих к Канту.

Мое сознание обладает **идеальным** содержанием в виде идей и образов, в которых, во-первых, нет ничего от физической телесности

объектов природного и социального мира; и во-вторых, в содержании моего сознания нет ничего от физиологической организации тела, мозга и тех материальных процессов, которые в них происходят при манипулировании с этим идеально-смысловым содержанием. Мой мир есть мир **идеально-сущей** мысли или, говоря современным научным языком, сфера оперирования с информацией в чистом виде без всяких ее вещественных и энергетических основ. При этом ясно, что мое идеально-сущее сознание каким-то тончайше-неуловимым образом связано с его материально-несущими (т.е. такими структурами, которые что-то на себе «несут», но являются несущественными с точки зрения переносимого содержания) явлениями: физиологической деятельностью тела и мозга, физическими действиями, вещно-энергетическими процессами в природном мире; наконец, с независимыми от моей воли условиями и влияниями социокультурного окружения. Без этих несущих параметров мое сознание попросту не может функционировать. Словом, при исследовании явлений сознания я могу с равными основаниями занять и идеалистические, и материалистические позиции.

Какие могут быть сделаны выводы, исходя из онтологической антиномической раздвоенности нашего сознания, особенно из последней категориальной антиномии? По-видимому, мы должны признать равноправие и глубокую взаимодополнительность двух стратегий его исследования, которые должны не конфликтовать (как это чаще всего случалось в прошлом), а гармонично взаимодействовать друг с другом. Первая из этих стратегий трактует сознание как вполне объективный феномен, проявляющийся в виде материальных процессов не до конца ясной природы, но которые в принципе могут быть экспериментально изучены и теоретически объяснены средствами естественных наук. Эта базовая установка подпитывает современные физические искания в русле гипотез о торсионных полях, биополях, тахионах, психонах и т.д., могущих выступить в роли материально-несущих оснований бытия сознания. Подобные изыскания следует признать исключительно важными. Однако при их проведении необходимо учитывать по крайней мере два обстоятельства: а) взаимодействие сознательных процессов с многообразными природными излучениями, ведь психическая деятельность человека — и этот факт получает сегодня убедительное экспериментальное подтверждение — является органической частью земной биосферы в целом; б) влияние идеально-смыслового состояния сознания экспе-

риментаторов и испытуемых на поведение физических приборов и на результаты интерпретации экспериментов. Более того, не исключено, что сознание — это та удивительная реальность, где научный успех в ее изучении, по-видимому, напрямую зависит от моральных качеств исследователя. К чистому «океану мысли» желательно прикасаться «чистой» мыслью. Возможно, что феномен сознания — единственная предметность, напрямую требующая пересмотра аксиологических оснований современной науки.

Вторая линия изучения сознания связана с непосредственным овладением идеально-сущим потенциалом сознания, его личностным самовоспитанием и самоконтролем. Вследствие этого необходимо тщательное психопрактическое изучение опыта традиционных мистических школ (индийской йоги, православного исихазма). При этом следует иметь в виду, что главным здесь является вовсе не медитативная техника как таковая (ее механическое культивирование ведет к чрезвычайно опасным для психики человека последствиям), а прежде всего контроль за нравственным **содержанием** своего сознания. В этом аспекте проблема сознания аналогична проблеме смысла жизни — ее решение зависит не столько от абстрактных рассуждений и умствований, сколько от нашего реального человеческого действия. Чем осмысленнее и ответственнее мы живем — тем глубже раскрывается перед нами смысл нашей личной жизни (См. блестящее обоснование этого тезиса в работе С.Л. Франка «Смысл жизни»). Соответственно, чем красивее и возвышеннее мы мыслим — тем ближе и понятнее становится нам бытие собственного и чужого сознания. Недаром в свое время С.Н. Трубецкой проницательно подметил, что проблема сознания — это не столько теоретический, сколько нравственно-практический вопрос человеческого жизнеустройства.

В ряде религиозно-философских учений высказывается также мысль, что качеству идеальных компонентов сознания (четкости и утонченности образов, их моральности, творческому потенциалу и т.д.) — должно соответствовать и качество их материально-несущих компонентов в виде увеличения или уменьшения интенсивности, амплитуды колебаний и т.д. соответствующих физических полей и излучений. Но эта гуманитарно-умозрительная гипотеза, в свою очередь, ставит задачу привлечения естественнонаучных средств и методик ее проверки.

В принципе, не исключено, и даже весьма вероятно, что существует много уровней бытия сознания во Вселенной в зависимости от качества его идеально-сущих и мощи материально-несущих составляющих, причем уровень сознания большинства землян — отнюдь не самый высокий. Вполне возможно, что и вышеотмеченная антиномичность сознания и парадоксальность его познания — есть лишь следствие несовершенного и превращенного бытия человека на Земле, и нас ждет переход на более высокую ступень космической эволюции.

Различие в уровнях бытия сознания можно попытаться понять, исходя из самой этимологии слова «сознание». Так, несовершенное земное сознание все со всеми потенциально со-знаёт, но отнюдь не все из этого может осознать; и не все, что оно сознаёт — ему бы хотелось, чтобы другие со-знали, например, какие-нибудь мелкие и гадкие мыслишки. Соответственно, на своих высших уровнях сознание абсолютно причастно ко всему сущему и само абсолютно прозрачно для него; оно ясно сознает свое со-знание со всеми живыми существами в Космосе, и потому отвечает за каждую свою мысль, посылаемую в пространство. Говорят, что такое сознающе-со-знающее (во втором слове ударение на *ю*) сознание обрели уже великие праведники и подвижники духа, продолжающие свою эволюцию уже в иных временах и пространствах. Однако эта тема выходит далеко за пределы данного сообщения. В любом случае очевидно, что изучение парадоксальной реальности человеческого сознания — есть та ключевая междисциплинарная область, где можно ожидать революционных прорывов в понимании окружающего мира и самих себя.

Космическая природа сознания

В.В. Казютинский, д. филос. н., Институт философии РАН, Москва

Научные и философские модели человеческого сознания, представленные в материалах 4-ой научной конференции «Алтай — Космос — Микрокосм», раскрыли перед нами целый блок очень глубоких и интересных проблем, связанных с пониманием феномена сознания человека — в его теоретическом и практическом аспектах

(докл. Ушаковой Е.В.), его функционирования — в феноменологическом (Кузнецов В.Г.), этическом (Фотиева И.В.) и жизненно-практическом (Иванов А.В.) аспектах, включая историко-философские модели понимания сознания в Западном и Восточном культурно-исторических контекстах (см. доклады Майорова Г.Г. и Григорьевой Т.П.). Однако, с другой стороны, концептуально резюмировав все сказанное, мы пришли к пониманию относительности наших представлений о сознании. Каждый из этих авторов согласился с мнением, что исчерпывающего, т.е. законченного и удовлетворяющего всех определения сознания нет, и по-видимому, определить сознание однозначно вообще невозможно в силу его имманентной фундаментальной антиномичности и парадоксальности (см. доклад Иванова А.В.). Такая точка зрения верна и мне очень импонирует, но мы должны попытаться пойти дальше, ибо как исследователи, пытающиеся понять какой-то феномен, мы не можем удовлетвориться данным результатом, оставаясь на уровне парадоксов и противоречивых, принципиально неизъяснимых высказываний.

Идея космопланетарной природы сознания, становящаяся все более популярной в современной научной философии и вынесенная для обсуждения в качестве направляющего идейного стержня данной конференции, ставит перед нами те проблемы, которые поставлены уже в египетской «Книге мертвых», а именно, что такое сознание? какова его природа и как можно ее объяснить? Эти проблемы, наряду с наукой и философией продолжала и продолжает сейчас решать мистика, способная порой достичь очень глубоких результатов. В этом контексте, я хотел бы вспомнить о Джордано Бруно, 450 лет со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Бруно учил, что возможность всего содержится в эфире, т.е. за пределами физических свойств этого мира; что Вселенная есть пустота, заполненная мирами, которые материальны; что существует Душа Мира, представляющая собой его духовную субстанцию, которая объединена тесной связью с материальным субстратом. Эта идея единства духовной и телесной субстанций должна и сейчас быть для нас направляющей. Для этого нам необходимо до конца преодолеть тот знаменитый декартовский дуализм двух субстанций — протяженный и мыслящий, который породил глубочайший концептуальный разрыв в современной картине мира, и который до сих пор не преодолен. Как это сделать? Прежде всего, современная физика буквально толкает нас прямо на этот путь. Мы знаем, например, что в кванто-

вой физике состояние микрообъекта не может быть отделено от позиции его наблюдателя. Так, пытаясь определить эту связь между физической и духовной реальностью в радикальной версии принципа соучастия, наука указывает нам реформы. Смысл этой радикальной версии состоит в том, что сознание наблюдателя неотделимо от образа той реальности, которую он наблюдает, и наоборот, реальность неотделима от сознания наблюдателя. «Мы не только продукт эволюции Вселенной, мы соучастники ее создания», — так знаменитый американский физик Уилер формулирует эту проблему. Таким образом, мы видим теперь, что сама наука уже наводит мосты между сознанием и физической реальностью, намечая выходы в решении тех парадоксов, основной «интеллектуальный казус» которых состоит в том, что в сознании есть духовная компонента, но есть и материальные процессы.

Пытаясь найти выход из глобального мировоззренческого кризиса современной техногенно-потребительской цивилизации в объединении этих двух реальностей, мы должны вернуться к древним мистическим идеям о единстве духовного и материального. Современная наука к этому уже разными способами приходит, например, в формулировках антропного принципа и принципа соучастия в квантовой механике и т.д. Но более глубокое и решительное преодоление картезианского дуализма может произойти только в том случае, если мы включим в картину мира психическую реальность, ибо в наличной сегодня картине физического мира сознание отсутствует. В этом смысле я бы хотел более решительно, чем это было сделано другими докладчиками, подчеркнуть роль идей швейцарского психолога Карла Густава Юнга и его аналитической психологии, которые, на мой взгляд, открывают существенно новые возможности не просто для постановки проблем, связанных с парадоксами феномена сознания, но и для их решения. Сознание, по Юнгу, имеет релятивную природу, ибо существует во взаимодействии с опосредованными материальными системами, различными сенсомоторными процессами, а также — с языковыми структурами. Внешний и внутренний мир связаны с помощью системы. Образно-психологическая реальность выступает промежуточным миром между физической и духовной сферами, которые друг с другом взаимодействуют.

Но самое ключевое для обсуждаемой проблемы положение Юнга состоит в том, что наряду с другими видами реальности существует поле смыслов, в котором есть идеи, мысли, наши знания. Во-

прос, где и как они существуют — это и есть важнейшая проблема, в решении которой мы существенно приблизимся к решению проблемы сознания. Согласно Юнгу, поле смыслов существует вне пространства и вне времени, оно не подчиняется причинным связям; с материей оно связано через психическую деятельность и через принцип синхронизма. Сознание, по Юнгу, — есть продукт бессознательной деятельности человека, но при этом важно учитывать, что психический процесс в человеке един и разделение на сознательные и бессознательные процессы условно. Если мы рассмотрим структуру сознания по Юнгу, то увидим, что в нем есть верхний слой (аристотелевский) — это рациональное, включающее логические процессы; есть слой фрейдовского индивидуального бессознательного и есть глубинные «архетипические» слои, глубинное бессознательное, которое не присуще лишь одному человеку, и которое связывает человека с Космосом. Таким образом, те мистические идеи, о которых говорил Дж.Бруно, практически реализуются в строгой научной форме в аналитической психологии.

Вопрос о том, каким образом существуют смыслы, в каком пространстве реализуется поле смыслов, по Юнгу, может быть решенным. Частично — это человеческое бессознательное. Его структурами, в частности, являются так называемые «архетипы». В свое время Кант говорил о существовании неких априорных структур в человеческом сознании, которые артикулируют мир, и которые позволяют нам его познавать. Сейчас мы можем с полным основанием эти априорные кантовские структуры идентифицировать с архетипами Юнга, ибо в бессознательной сфере бытия человека действительно существуют эти образы, которые позволяют нам артикулировать мир, усваивать его и познавать. Эти образы и индивидуальны и космичны (универсальны) одновременно.

Личная психическая реальность, по Юнгу, наиндивидуальна; она и принадлежит нам, и не принадлежит. И здесь нет антиномии. Таким образом, космическое (или космопланетарное) сознание, по Юнгу, существует. Оно реализуется в каждом из нас, оно объединяет нас друг с другом и с Космосом. Но в тоже время оно существует, и это существенно, вне пространства и времени. Это программа развития Вселенной. Подобные умозаключения могут показаться рискованными, но тем не менее современная наука именно на этом пути ищет решение тех парадоксов, которые связаны с проблемами сознания. Юнг следующим образом рисует программу преодоления

этого психо-физического дуализма Декарта с позиции аналитической психологии. Он пишет: «Рано или поздно ядерная физика и психология бессознательного должны будут сблизиться, по мере того как они, независимо друг от друга, и продвигаясь в противоположных направлениях, будут осуществлять прорыв на территорию трансцендентального. Одна — с помощью понятия атома; другая — с помощью понятия архетипа». И вот еще одно высказывание Юнга по этому поводу: «Психе (душа) не может быть целиком отлична от материи, ибо как она могла бы приводить материю в движение; но и материя не может быть чуждой психе, ибо как материя могла бы породить психе. Психе и материя существуют в одном и том же мире и каждая из них сопричастна другой. В противном случае невозможно было бы их сосуществование». Таким образом, физическая реальность существует, поскольку она всегда дана нам сквозь призму психики, которая поэтому не менее значима. Вот подход к разрешению антиномий сознания, представленных в докладе Иванова А.В.

Архетипы коллективного бессознательного проявляются также и в социокультурной сфере. В этой связи интересен вопрос: на каком основании, например, древнегреческие мыслители могли уже знать многие из тех идей, до которых современная наука с помощью такой тончайшей фундаментальной техники доходит лишь сегодня. Мне кажется, что идеи Юнга о коллективном бессознательном позволяют нам подойти к решению этого вопроса. В коллективном бессознательном, по Юнгу, потенциально, скрыто существует некий континуум смыслов. В терминологии В.В. Налимова они существуют в «нераспакованном виде», но культура данной эпохи «распаковывает» их, она придает им конкретный неповторимый смысл, транслируя их через свои фильтры. Таким образом, культура через фильтры выделяет в коллективном бессознательном то, что является общим для человеческого познания и адаптирует к культурным реалиям определенной эпохи — будь то восточная, западная или какие-то другие культуры. На этом пути мы можем понять, что единство проблематики, наблюдаемое в современной науке с проблемами, например, греческой философии и восточной мудрости проистекает из их взаимосвязи с тем первичным слоем архетипов, которые всегда существовали, существуют и будут существовать, и которые присущи нашему познанию. Аналитическая психология Юнга, на мой взгляд, не только позволяет истолковать сущность, которая обычно выносятся в надмировую сферу в качестве феноменов психической ре-

альности, и которая трансцендентна по отношению к физической реальности, но она позволяет раскрыть некоторые этапы творческой деятельности человека, в том числе и в науке. Например, известный физик Паули раскрыл на примере творчества Кеплера глубочайшую роль архетипов коллективного бессознательного в становлении самых точных структур современного научного знания. Он показал, что мистические построения Кеплера, которыми тот обосновывал свои законы движения планет, и которые написаны на специфическом языке и производят очень странное впечатление, в то же время глубоко физичны, и несомненно сыграли свою роль в становлении всего научного знания. Подобным образом роль этих юнговских архетипических структур раскрыл и Константин Эдуардович Циолковский — автор не только теории ракет, но и огромной по масштабности знания космической философии, в которой мы видим те же мистические, те же архетипические построения, те же прозрения глубинного бессознательного, которые полностью соответствуют идеалам К.Г. Юнга.

В современной культуре доминирующей является тенденция к единству картины мира — не только физической, но разных ее аспектов, поэтому полного понимания духа человеческого, полного понимания сознания можно достичь, по Паули, одновременно как сделав движение изнутри человеческой психики наружу, так и обратно. Таким образом, в современной культуре и науке существуют очень серьезные попытки преодолеть парадоксальность феномена сознания, синтезировать в рамках единой картины мира имеющиеся подходы и найти какие-то выходы. Ключевая проблема здесь заключается, конечно, в том, как именно взаимосвязаны психическое и физическое? и какова природа этой взаимосвязи? является ли психическая реальность порождением какого-то надприродного фактора, чем-то, следовательно, изначально первичным, или же она порождена физическим и биологическим мирами, или может быть они изначально сосуществуют как два взаимодействующих начала в рамках единого целого? Юнг благоразумно отказывался от обсуждения всего этого вопроса. Он считал, что это метафизические спекуляции, которые недостойны внимания современной науки. Но современная наука тоже ищет и находит некий выход в этом направлении. Этот выход мы видим в понимании коэволюции, единства человека и природы. В традиционной эпистемологии сейчас возникла новая программа, которая как раз изучает коэволюцию человека в природ-

ном мире. Можно сказать, что с точки зрения Юнга и эволюционной эпистемологии такие проблемы, как: возможно ли адекватное познание мира или оно невозможно? что такое трансцендентная реальность? что такое абсолютное? и т.п. — становятся гораздо более ясными. Абсолютными выступают те структуры коллективного бессознательного, которые предшествуют каждому индивидуальному опыту, и которые впечатаны в психику и подсознание каждого из нас. Но наш мозг не возник как орган познания, он возник как орган выживания, а поскольку знания все же полезны для выживания, мозг стал инструментом переработки информации, вычисления и подсознания. В мозгу возникли некие строгие структуры механизмов, которые посредством мутаций обращались и приспособлялись к окружающей среде. Это означает, что субъективные познавательные структуры должны в какой-то мере совпадать, быть изоморфными тем структурам, в которые вписан и сам человек.

Этот комплекс проблем, рассуждения по поводу которых можно продолжать бесконечно, позволяет мне сделать следующий вывод. Мы должны идти дальше простого формулирования парадоксов, возникающих перед нами при исследовании какой-то проблемы (в данном случае — проблемы сознания). И мне кажется, что идеи Юнга прежде всего, идеи Налимова, о которых было упомянуто вкратце, и в то же время мистические идеи Востока, в которых архетипические структуры явлены нашему подсознанию с особенной ясностью, — эти идеи позволяют нам совершить тот прорыв в глубины бессознательного, который и создает новое мышление, и который, может статься, единственно способен спасти наше человечество перед лицом глобальной катастрофы.

Феноменологическая сущность сознания

В.Г. Кузнецов, д. филос. н., МГУ, Москва

Сознание является специфическим свойством человека, его родовым признаком, который выделяет человека из царства животного мира. Животные, даже высоко развитые, не обладают сознанием. Сознание есть свойство социальное, возникающее в процессе долгой эволюции человека современного типа.

Если рассматривать сознание как феномен, укорененный в психике человека, то в нем можно выделить два основных уровня: чувственно-рациональный и эмоционально-ценностный. К первому уровню относятся познавательные способности и знание-информация, полученное с их помощью. К познавательным способностям относят также внимание и память.

Эмоционально-ценностный уровень включает в себя собственно то, что называют чувствами: любовь, ненависть, радость, горе, тоску и пр., а также аффекты, страсти, эмоции. К ценностным компонентам этого уровня относятся мотивация, целеполагание, воля, интересы, духовные идеалы личности. Сюда же относятся, аналогично первому уровню, способности, позволяющие создавать в мире личностного сознания указанные элементы.

Сознание как интегративно-целостное образование, как особую реальность нельзя представить без единства трех атрибутов, отличающих его от любых других форм бытия: чувство собственного существования, чувство присутствия в данном месте и в данный момент, идентификации себя в мире (различения себя и мира). Отсутствие хотя бы одного из указанных моментов справедливо расценивается как разрушение сознания¹.

При рассмотрении вопроса об имманентных свойствах сознания, следует четко выделить такие основные его характеристики, как: 1) соотнесенность его с миром знания; 2) возможность представления сознания как идеального мира; 3) интерсубъективность, т.е. понимаемость элементов знания живыми носителями сознания, что прямо выводит на понятие объективной истины; 4) предметность и направленность (интенциональность); 5) связь сознания с логикой и действительностью; 6) связь с бессознательным.

Рассмотрим лишь некоторые из этих свойств сознания. Уже сама грамматическая структура слова «сознание» (со-знание) наводит нас на мысль о том, что сознание тесно связано с областью знания, причем с такой его областью, которая понятна многим (совместное знание). Это есть часть фиксированного человеческого опыта. И такая его часть, без которой непосредственного практического опыта быть не может. Если бы было не так, то каждый раз, приступая к самым простым практическим действиям, человек был бы вынужден пере-

¹ Шошин П.Б. Пути концептуализации бессознательного // Бессознательное. Новочеркасск, 1994, с. 35.

открывать для себя каждый раз заново все содержание мира знания. Следовательно, сознание как основа опыта непосредственно связано с обширнейшим миром знания, начиная от обыденного мира знания (здорового смысла) и до науки.

Данное свойство сознания позволяет также говорить о мире сознания как об особой реальности, наполненной особыми сущностями, которые могут быть названы «идеями». Именно они составляют идеальное содержание мира сознания.

Поскольку сознание связано с областью совместных знаний человека, а существенной частью этой области является наука, представляющая собою объективное знание, то возникает вопрос, каким образом идея может быть объективной. Идея может быть объективной, когда она понятна для многих носителей сознания, то есть в определенной степени независима от внутреннего индивидуального, субъективного фактора. Именно тогда идея становится intersубъективной, т.е. доступной для понимания всех. Такая доступность для понимания должна иметь достаточное основание. В науке этим основанием может служить теоретическое доказательство истинности идеи или ее эмпирическая (опытная) проверяемость. В обычных житейских ситуациях объективность идеи закрепляется в практике ее употребления, фиксируется в лексике языкового материала, что и является достаточным основанием для ее принятия и понимания. Любые способы понимания идей, тем не менее, связаны с тем свойством, которое было названо intersубъективностью.

Соответственно, сознание связано с пониманием, их нельзя представить друг без друга. Что мы понимаем в идее? Во-первых, то, что идея, а вместе с ней и сознание, направлены на определенный предмет. Мы мыслим идеи для того, чтобы говорить с их помощью о предметах мысли (причем неважно каких, возможных или реальных, человек может рассуждать о любых вещах). Следовательно, сознание всегда направлено на определенный предмет. Оно всегда предметно содержательно. Не бывает беспредметного сознания. Представление сознания как беспредметного, бессвязно-созерцательного «потока мышления» противоречит сущности сознания как феномена, непосредственно связанного с объективным знанием. Именно принцип предметности дает нам возможность использовать слова естественного языка и стоящие за ними идеальные значения для разговора о той действительности, к которой относятся эти слова, которую они представляют, выражают, обозначают. «Поток мышления» относит-

ся к индивидуальному миру. Как только о нем кто-то захочет что-либо сказать или объяснить его другому человеку, то он вынужден будет воспользоваться обычным языком, его словами и стоящими за ними понятиями, то есть он перейдет в мир объективного знания и сделает предметом своего рассуждения «беспредметный поток мышления». Предметность и направленность сознания с содержательной точки зрения составляют вместе такое его свойство, которое принято называть **интенциональностью**. Внутренний мир сознания представлен не в виде не связанных друг с другом элементов, а в виде реальных актов, выражающих человеческую деятельность и отражающих представления, суждения и эмоциональные оценки. В таких актах присутствует направленность на объект сознательной установки, они даны одновременно. Феномен сознания нельзя даже представить себе без направленности на мыслимый предмет.

Идея всегда связана с содержательной стороной мыслительной деятельности. С этой точки зрения ее можно рассматривать как совокупность признаков предмета мысли, что составляет, как известно, содержание понятия, или смысл высказывания об определенной ситуации, или сущность конкретной концепции, теории, гипотезы. Естественно, что не бывает неоформленного содержания интерсубъективного предметного содержания. Мы подробно остановимся на логических и языковых средствах оформления содержаний сознания.

Прежде всего отметим, что содержание сознания, оформленное надлежащим образом, относится к субъективной реальности. Такие мысленные образования могут быть названы концептами. Их лишь в определенном смысле можно считать «существующими» в субъективной реальности. Нужно четко зафиксировать, что концепты имеют форму и содержание, но последние не могут быть выявлены «внутри» сознания. Для обнаружения сущности концептуального содержания сознания следует ввести несколько допущений. **Допущение первое:** содержание и форма концептов могут стать ясными и доступными для понимания только в коммуникативных актах, то есть актах обмена мыслями. **Второе допущение** связано с проблемой выражения мыслей в формах, доступных для восприятия. Этими формами являются языковые выражения. Идеальное содержание лексических единиц языка и есть то, что было названо концептом. Люди понимают языковые выражения, так как язык выступает носителем идеального концептуального содержания, которое является общим достоянием всех членов данного языкового сообщества.

Как же происходит наполнение языковых выражений идеальным содержанием? Средством для перевода идеальных концептуальных образований в материальные, чувственно воспринимаемые явления с давних пор выступает логика. Самое первое и довольно очевидное мнение, которое закрепилось в виде устойчивой традиции, характеризует логику в качестве метода перевода мысленного содержания в знаковые формы языковых выражений. Кстати, интересно обратить внимание на способы выявления логической формы мысли. Данная проблема является по сути дела обратной задачей по отношению к методу наполнения концептуальным содержанием языковых выражений. Форма мысли обнаруживается в процессе анализа языка.

Содержание концептов определяется, как уже было выше сказано, свойствами направленности и предметности сознания, а форме концептов соответствует понятие логической формы. Существенно при этом не сводить мысленное содержание к субъективному мнению. Содержание концептов для каждого субъекта коммуникации не может быть произвольным. Объяснение этого непростого момента должно опираться на категорию «понимание». Если бы содержание мыслей для каждого участника коммуникативных ситуаций было произвольным, то общение людей было бы невозможным, так как они не понимали бы друг друга. Но поскольку основной целью коммуникативных актов является понимание, то для достижения этой цели концепты должны выступать как мысленные образования, способные быть общим достоянием многих людей, принадлежащих к данному языковому сообществу. Всеобщность и одинаковость формы и содержания концептов являются необходимыми условиями понимания людьми друг друга в процессах общения. Понимание в коммуникативных актах обеспечивается общностью концептуального содержания сознания и универсальностью логических форм. Последнее свойство сознания, на котором нам хотелось бы остановиться, — это его связь с бессознательным.

Проблема бессознательного и его соотношения с сознанием не может быть поставлена, если понятия «сознание», «мышление» и «психика» считать равнозначными. Если же понятия «мышление» и «психика» считать более широкими, чем понятие «сознание», то возникает вопрос, что же может относиться к тем областям, которые принадлежат к мышлению и психике, но не относятся к сознанию.

Отвечая на этот вопрос, нужно отметить, что действительный субъект включает в себя обширнейшую сферу бессознательного и

подсознательного. Действия людей, в том числе познание, наука, творчество, осуществляются не только при содействии явно осознаваемых факторов, но и под влиянием инстинктивно-неосознаваемых и бессознательных сил. Эти силы нельзя игнорировать, преуменьшать их значение, поскольку они реально существуют. Их наличие дает методологический ориентир в поиске движущих причин деятельности людей. Осознаваемые и неосознаваемые факторы являются внутренними причинами или побудительными мотивами деятельности людей, а внешние причины и факторы связаны с социокультурными и материальными условиями. Все в целом составляет систему факторов, определяющих жизнь человека.

В философской традиции очень часто термин «бессознательное» вводился как отрицание термина «сознание». Такое отрицательное определение было практически бесполезным и не могло быть использовано для объяснения реальных психических процессов, в существовании которых редко кто сомневался. Поэтому необходимо дать позитивное определение бессознательного. Среди многочисленных вариантов понимания бессознательного, по нашему мнению, более предпочтительным оказывается тот, который говорит о том, что бессознательное «представляет собой функциональный компонент психики, «локализованный» вне сознания субъекта, оказывающий постоянное, иногда детерминирующее влияние на сознание и поведение субъекта, но тщательно и изоциренно скрытый как от вторжения внешнего исследователя, так и от внутреннего взора самого субъекта».

Существует множество терминологических способов обозначения бессознательного: «идеальные неосознаваемые побудительные силы действий людей» (Ф. Энгельс), «коэффициент сознания», «духовная коллективность», «консензус» (А.С. Лаппо-Данилевский), «типы духовных укладов» (Г.Г. Шпет), «оно» (З. Фрейд), «архетипы коллективного бессознательного» (К.Г. Юнг), «предпонимание», «предструктура понимания» (М. Хайдеггер), «предрассудки как условие понимания» (Х.-Г. Гадамер), «бессознательное в теории лучшего понимания» (Ф. Шлейермахер), «бессознательное в теории фреймов» (современная вычислительная лингвистика) и пр. Все они охватывают реальные аспекты осуществления бессознательного, но попытка целостного рационального объяснения бессознательных явлений в сознании — сложнейшая философская задача. Причинами могут быть: стремление к экономии «рассудочной энергии», времени

дискурса, и непроговаривание вследствие этого той информации, которая легко может быть в случае надобности восстановлена. С другой — более сложной для понимания — стороны, неосознаваемые моменты включаются в механизмы мыслительной деятельности людей. Действие этих механизмов обусловлено биологическими, психическими и социальными причинами. Сами эти механизмы могут быть даже заложены в генетическом наследственном аппарате человека и развиваться, «включаясь» в определенное время и в определенных условиях настолько, насколько последние позволяют это сделать. Но и этого еще оказывается недостаточно. Существуют приобретенные стереотипы мыслительной, творческой, познавательной и любой другой деятельности, функционирующие на всех уровнях бессознательного и отражающие особенности социальной, коллективной и индивидуальной психики людей.

Много внимания неосознаваемым факторам мыслительной деятельности уделяется в современной герменевтике и феноменологии. С точки зрения феноменологии, реальные вещи выступают в сознании как явления, они составляют «абсолютное имманентное бытие» — предмет феноменологии. Возможность его познания определена рефлексией, направленной на интенциональные переживания. Это бытие есть «идеальное бытие», и оно специфическим образом существует наряду с эмпирическим бытием, но совершенно «независимо» от него, поскольку из него «выключены все связи эмпирического мира». Идеальное бытие усматривается путем особого направления внимания или при помощи особой «установки».

Что же еще входит в содержание идеальной «вещи», кроме результатов абстрагирования? Все, что относится к миру идеального бытия, предстает для нас с определенным «коэффициентом сознания».

Действие «коэффициента сознания» не может быть снято абстракциями и идеализациями (предпосылками познания, предпосылками понимания) научной теории, т.е. теоретическая познавательная деятельность осуществляется не вместо актов сознания, а вместе с ними. «Коэффициенты сознания» сопровождают любые акты сознания. Если содержание актов сознания «заключается в скобки», то за скобками как раз и останутся «коэффициенты сознания». Связи «мира идей» с эмпирическим миром могут быть сохранены через систему обозначений индивидуальных предметов и конкретных личностей, выраженных в языке посредством единичных терминов и соб-

ственных имен, значением которых выступают индивидуальные сущности. В остальных случаях значение есть идея.

Феноменологическая методология исследования сознания и бессознательных предрассудков нисколько не противоречит психологическим опытам. Наоборот, она способствует четкой постановке проблемы. «Духовная коллективность», «духовный уклад», «тип эпохи», «тип народа» — понятия этнической психологии, наполняющие конкретным содержанием общую философскую категорию «коэффициент сознания». Оказалось, что феноменология, будучи теорией «абсолютного имманентного бытия», главной проблемой которой является специфика методов исследования чистого сознания и его выражения, может быть интерпретирована в терминах этнической психологии. И тогда становится ясным, что специфика логических рассуждений в этой области зависит от не выражаемой явным образом информации и глубинных структур (как их назвать — «коэффициенты сознания», предструктуры понимания или каким-либо иным образом — не имеет решающего значения) внутренних, имплицитных образований, не учитывать которые исследователь не имеет никакого права, так как они во многом будут определять специфику изучаемых явлений. Объективное содержание и субъективное выражение «продуктов культуры» едины, неразделимо слиты в познаваемом явлении, научные описания которого должны быть разделены, а следовательно, различны будут и логические основания, на которые опираются научные методики.

Для понимания объективного смысла предназначены феноменолого-герменевтические методы со свойственными им логическими приемами, а для «симпатического со-переживания» — психологические научные методики, логические основания которых, в свою очередь, имеют собственную специфику. Источники всякого конкретного действия и переживания находятся в духовном укладе. Именно он определяет жизнь не только отдельного человека, но и общества. Психологические методики должны «уметь» выявлять не только психологически осознаваемое, но и психологически неосознаваемое, так как действительный субъект не может быть тождествен абстрактному субъекту познания, в нем есть все сферы бытия, в том числе бессознательная и даже подсознательная.

Категориально-смысловые матрицы индоевропейского сознания: философско-герменевтический подход

И. Курикалов, МГУ, Москва

В последнее время все чаще и чаще в недрах философского знания встает вопрос о его истоках. Да и может ли быть иначе? Само предназначение философии, ее судьба — постоянно и повсюду стремиться к тому, чтобы достичь глубин, выведать первопричины, вскрыть последние основания. Среди всех возможных рефлексивных посредников, необходимых для самоидентификации философии, существует один, который способен заменить все остальные, поскольку только благодаря ему становится возможным любое опосредование в сфере духа; тот, чьи ресурсы безграничны и большей частью еще не познаны. Речь идет о **языке**.

Связь языка и знания, речи и мышления рассматривалась и рассматривается с самых разных точек зрения, но то, что никогда не подвергалось сомнению — само наличие такой связи. Для философии обращение к языку связано с осмыслением его средств и структур, с исследованием его конструктивных возможностей. Однако прежде всего необходим ответ на следующие краеугольные вопросы:

1) Какое влияние могла оказать логика исторического развития языка на возникновение философии?

2) Не существует ли фундаментальной связи между базовыми и наиболее архаичными структурами языка той или иной этнокультурной общности и ее основополагающими проблемно-тематическими интуициями, выраженными прежде всего в соответствующем категориальном аппарате?

Среди исследователей широко распространилось убеждение, что появление философии как особого рода знания следует напрямую связывать с особенностями культуры и истории древних греков. Но, вероятно, предпосылки возникновения философии стоит искать не столько в истории и культуре Древней Греции, сколько в древнегреческом языке. Ведь не что иное как язык является, согласно В. Гумбольдту, наиболее целостным и ярким выражением «духа народа», всего его культурно-исторического развития. Более того, ограничить круг рассмотрения только древнегреческим языком явно недостаточно. Не исключено, что решающее значение для восприятия и быстрого распространения философского знания имело то об-

стоятельство, что языки народов, унаследовавших от греков этот особый, философский, стиль мысли, были родственны древнегреческому языку. Язык, на котором говорили и думали греческие философы, равно как и языки их учеников и последователей в Западной и Восточной Европе, происходили из одного источника. Этот источник — некогда единый язык племени древних **арьев**, язык, получивший в исследовательской литературе название **индоевропейского**. И если философия в поисках своих истоков обращается к смысловым истокам языка, то искать их она должна именно здесь.

Восстанавливая язык и «жизненный мир» древних ариев, мы глубже проникаем в самих себя. Язык хранит самое ценное, что есть в культуре, ему культура доверяет свои самые сокровенные тайны. Он бережет живые ключи, в которых сосредоточена вся сила культуры. Эти живые ключи и образуют то, что я назвал **категориально-смысловыми матрицами** культуры. Что это такое? Это матрицы, состоящие из базовых идей и смыслов (категорий), которые: а) определяют развертывание во времени всех других многообразных идей и ценностей данной традиции (ключ, откуда вечно истекает «живая вода» смыслов), и б) дают ключ к целостному пониманию традиции (ключ во втором смысле — то, что открывает «замок» данной культуры); кроме того, эти базовые смысловые матрицы в) задают как бы сеть, сквозь которую данная культура пропускает все новое, что встречается на пути ее исторического развития. В категориально-смысловых матрицах воплощается «живая душа» культуры, или ее «прафеномен» (Гете), ее «архетип» (К.Г. Юнг), или ее «пра-символ» (О. Шпенглер) — словом, все то, что придает ей неповторимость и уникальность. Обнаружить и осмыслить их — значит уже сделать новый шаг к пониманию самих себя и заново обрести утраченную связь времен. В. Гумбольдт говорил, что «если бы... направленному на целокупность языков изучению удалось пробудить первобытные воспоминания — как бы приравнять слова к иероглифам, излить на нынешнее поколение часть духа изобретателей языка, который, конечно же, был новее, чище, ближе к происхождению вещей, проще и смелее в сочетаниях, — то жизнь стала бы совсем иной и совершенно иная свежесть распространилась бы на речь и — благодаря ее обратному влиянию — на мышление»¹.

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. 1985. С. 366.

Путь к обнаружению базовых категориально-смысловых матриц индоарийской культуры открывается благодаря исследованию **корней слов**, общих для всей индоевропейской языковой семьи, а также тех многообразных изменений, которые происходили с ними в каждом отдельном индоевропейском языке, воплотившем в себе уникальную культурную судьбу одного из народов — потомков и наследников древних арьев. Любой такой корень оказывается тем самым своеобразным «ключом», который служит и для понимания современного языка, в том числе категориально-философского, поскольку каждый скрывает коренную мировоззренческую интуицию, открывшуюся нашим предкам.

В данной работе рассматриваются семантические блоки, связанные с тремя древнейшими индоевропейскими корнями — **bhu**, **as** и **ar**. Почему мое внимание привлекли именно эти корни? Что касается корней **bhu** и **as**, то они покоятся в основании любого индоевропейского языка. И русский язык немыслим без слов «быть» и «есть». Однако для философии изучение данных корней важно еще и потому, что к корню **bhu** восходят такие значимые слова как «бытие», «былое», «будущее», «событие», «быт», а корень **as** дает «сущее», «сущность», «существование» и, вполне вероятно, «истину». Когда-то древние мудрецы произвели от корня **ar** множество ключевых понятий. Но и сейчас этот корень угадывается в словах «рост», «речь» и «порядок», в пришедшем из греческого «ритме» и из латинского «ритуале». И какой бы индоевропейский язык мы ни взяли, в каждом из них эти три корня занимают особое место и представляют интерес для философского исследования.

Изучение древних текстов (иранских «Гат» и индийских «Вед») дает яркое и неоспоримое свидетельство того, что первоначально в языке древних арьев идеи, воплотившиеся в корнях **bhu** и **as**, были глубоко отличны друг от друга. И потому полное отождествление восходящих к этим корням русских глагольных форм «быть» и «есть» можно рассматривать лишь как позднее явление, тем более, что даже будучи отождествленными они, тем не менее, употребляются и осмысливаются по-разному.

Бытие всегда предстает как нечто незаконченное и предполагающее последующее оформление и конкретизацию: «быть» можно или «кем-то», или «когда-то», или «где-то»; бытие без предикатов не несет никакого смысла. И напротив, то, что есть, что существует, предельно конкретно уже в силу своего существования, потому что

всякое существование требует наличия сущности, заключающей в себе все качественные определения существа. Принципиальное различие бытия и существования отчетливо проявляется и в осмыслении временных отношений. Бытию принадлежит то, что уже прошло, или то, что еще не наступило, иными словами, то, что «было», и то, что «будет». Былое и будущее сходны между собою тем, что ни то, ни другое не «существует», ни того, ни другого нет — былого уже нет, будущего еще нет. «Есть» только сущее, «существует» только оно. К тому, что есть, бытие переходит через точку «осуществления», в которой сходятся время и пространство, объединенные в конкретности данного существования. Бытие пусто, ко всему безразлично и непроницаемо для мысли, потому что оно не имеет никаких качеств и поглощает в себе всякую конкретность. Ошибочно при этом полагать, будто сущее — это нечто противоположное бытию. У бытия нет и не может быть противоположностей, поскольку у него нет сущности. Сущность есть лишь у сущего, но она проявляется только благодаря пространству бытия и через бытие. Осмысление слова «быт» помогает лучше понять, что же такое бытие. Быт — это сфера, в которой человек никогда не может полностью раскрыть свою сущность, сфера заботы о «несущественном» и преходящем. Быт описывает бесконечные круги вокруг того, что именуется «истинной жизнью» и «подлинным существованием», он готовит для них почву, но никогда не сможет ими стать. При этом, однако, без быта не обойтись. Недаром говорят, что сущность человека наиболее зримо проявляется в «бытовом обиходе». Существует гипотеза, что слова «есть» и «истина» происходят от одного корня. И действительно, только то, что есть, может по праву называться истинным, поскольку лишь в существовании может раскрыться полнота истины. С другой же стороны, всякое существование есть осуществление той истины, которую заключает в себе сущность.

Не только русский, но и другие языки индоевропейской семьи позволяют проникнуть в изначальный смысл категорий, закрепленных в корнях *bhu* и *as*, понять их принципиальную несводимость друг к другу. В «Гатах» говорится, что «первое сущее» «бывает», т.е. что нечто, стоящее на пути осуществления, может войти в пределы существования, только пройдя через точку бытия, отделяющую то, чего нет, от того, что есть. Из другого места ясно, что «быть» может и нечто ложное — там, «где бывает путаница», — но оно никогда не может «осуществиться», поскольку у лжи нет сущности. «Осущест-

виться» может только «понимание», достигшее истины. В «Риг-Веде» корень *bhu* в своей ведийской форме *bhû* обозначает не только бытие, но и становление, возникновение, вступление чего-либо в силу². Таким образом, и здесь наблюдается отношение к бытию как к «быванию», как к чему-то неопределенному и до конца не оформленному, как к тому, что то появляется, то исчезает, что случайно и неуловимо. И напротив, корень *as* служит для обозначения того, что существует, есть налицо, находится под рукой, устойчиво присутствует³. В древнегреческом языке корень *bhu* нашел свое воплощение в глаголе *phuei*№ — «рождать, производить, рождаться» — который сохранил изначальный смысл индоевропейского корня, поскольку рождение — это всегда точка перехода, мост между тем, чего нет, и тем, что есть. Поэтому греческое *physis* означает «природу» как то, что находится в вечном движении и изменении, в постоянном переходе от рождения к гибели и от гибели к новому рождению. Корень *as*, превратившись в древнегреческом языке в глагол *einai*, в известной степени соединил в себе значение как бытия, так и существования. Однако исконный смысл индоевропейского корня проявлялся в том, что к тому, что есть по-прежнему сохранялось отношение как к устойчивому в своей сущности, постоянному и не подверженному случайным изменениям. Как говорил Парменид: «оно не «было» некогда и не «будет», так как оно «есть» сейчас — все вместе... одно, непрерывное... ибо нельзя ни высказать, ни помыслить: «Не есть»⁴. Практически полное исчезновение из немецкого языка корня *bhu* привело к тому, что немецкая философская стала обозначать словом *das Sei*№ ту же самую категорию, которая обозначена русским словом «бытие», хотя чисто этимологически *das Sei*№ происходит от корня *as* и потому ближе русским «есть» и «сущее». У Гегеля *das Sei*№ лишено всякой определенности, пусто и отрицает любые устойчивые характеристики⁵. Однако М. Хайдеггер вновь возвращает понятию *das Sei*№ его изначальный смысл, заключенный в индоевропейском корне *as*: сопоставляя его с этимологически родственным греческим *to einai*, Хайдеггер рассматривает *das Sei*№ как бытие в

² См. Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Wiesbaden. 1915. S. 942.

³ *Ib.* S. 146.

⁴ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М. 1989. С. 290.

⁵ См. Наука логики // Гегель. Сочинения. Т. 5. М. 1937. С. 66-67.

осуществленности его истины, как то, «что собственно **есть**, т.е. живет и пребывает в **истине** как таковой», как «бытие в его существе»⁶.

Значение индоевропейского корня **ar** предельно широко, однако основополагающая идея, которую он выражает, — это идея движения, подчиненного определенному четко установленному порядку. Причем порядок понимается не как положенный чем-то внешним, а как имманентно развитый и организованный энергией, разворачивающейся из центра. В физическом мире аналогом такого движения выступает вращение вокруг собственной оси и движение по кругу. На глубинном же уровне — это поступательное закономерное саморазвертывание и самораскрытие внутренней сущности, стремящееся к полноте изначально заданной цели. Существуют веские основания считать, что именно от корня **ar** происходит русский глагол «расти». И действительно, источник роста всегда находится внутри растущего организма; в нем аккумулируются разнообразные энергии окружающей среды для того, чтобы впоследствии определенным образом организовать в единый процесс, в ходе которого реализуется витальный план, заложенный в организме с момента рождения. Более того, верхушка растущего дерева совершает спирально-круговые движения и как бы «ввинчивается» в небо. В текстах «Гат» и «Риг-Веды» мы находим два смысловых образа, которые являются абсолютно идентичными и обозначаются этимологически тождественными словами, происходящими от корня **ar** — Аша (aśa) и Рита (ṛta). Аша-Рита — это универсальный космический закон, понимание которого очевидно возникло еще в эпоху арийского единства и было исключительно важным для древних арьев, так что сохранилось и в Древнем Иране, и в Древней Индии. Закон Аши-Риты на вселенском уровне служит отправной точкой всеобщего упорядоченного движения и вносит это движение в каждое существо и в каждую вещь, давая раскрыться их сущности и одновременно связывая все изменения и превращения в мире в единое целое. Символом Аши-Риты выступает непрерывно вращающееся колесо, поскольку подобно колесу, в котором движение распространяется из центра по всей остальной площади, так что сам центр остается в покое, а каждая точка совершает вокруг него регулярные обороты, так и порядок, установленный Ашей-Ритой, сам оставаясь непоколебим, движет всем мирозданием и побуждает все сущее периодически обновляться в циклах

⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. М. 1993. С. 256.

времен года, дня и ночи, рождения и смерти. Русское слово «порядок», также происходящее от корня *ar*, в полном соответствии со смыслом, заключенным в нем, изначально понимается в двух аспектах: а) как временная организация существования, выраженная в непрерывной смене циклов, в постоянном воспроизведении и возвращении к началу; б) как упорядоченное расположение в пространстве, благодаря которому все сущее, с одной стороны, оказывается смежено, сопряжено одно с другим и скоординировано, а с другой стороны, пребывает в строгой соподчиненности и иерархии. От того же корня происходит, видимо, и греческое слово *rhythmos*, известное в русском языке как «ритм». Ритм — это определенная временная мера, вносящая порядок в ход существования и развития, организующая изнутри все движения сущности. Корень *ar* обнаруживается также и в латинском слове *ritus*, усвоенном другими европейскими языками и в том числе русским, где оно превратилось в «ритуал». Однако и исконно русское слово «обряд» происходит все из того же корня. В свете вышесказанного ритуал-обряд следует понимать как действенную конкретизацию того самого единого мирового порядка, который носит имя Аши-Риты: в ходе ритуала вновь и вновь повторяется и воспроизводится изначальное событие творения сущего, и благодаря этому мир каждый раз возрождается и начинает новый жизненный цикл⁷. И наконец, к корню *ar* возводится русское слово «речь». И это не случайно, поскольку речь обнаруживает себя не просто как артикулированное движение голосового аппарата, а как движение, особым образом встроенное в единый ритм всех мировых движений и вторящее ему, так что всеобщий порядок сущего отражается в речи, как в своем зеркале. В речевом действии происходит воссоединение двух миров — мира реальности и мира мысли, и благодаря этому впервые выговаривается истина каждой вещи.

⁷ См. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. 1988. С. 27.

Проблема сознания и современный глобальный кризис

Л.В. Лесков, д. ф.-м. н., РКА, Москва

Кризис, перед лицом которого оказалась сегодня мировая техногенная цивилизация, — планетарное явление, носящее многомерный и многоплановый характер. Ведущей проблемой этого кризиса является продолжающийся рост народонаселения Земли, который обусловил антропогенные изменения окружающей среды и близящееся исчерпание базовых природных ресурсов...

Как следствие этот кризис одновременно затрагивает почти все аспекты человеческой деятельности — систему хозяйствования, мировоззренческий комплекс, идеологию модернизаторства, концепцию субъекта и др. С точки зрения цикличной динамики и социогенетики речь идет о переходе к постиндустриальной цивилизации, а в более крупном плане — к третьему, информационному суперциклу в истории человечества.

Выход из этого небывалого по масштабам общецивилизационного кризиса должен носить, очевидно, также многоплановый характер. Одно из базовых направлений перехода к новой фазе регулируемого, устойчивого будущего состоит в смене технологического уклада. Важную роль в решении этих задач могут сыграть новейшие достижения в области теоретических и экспериментальных исследований проблем квантового, или физического, вакуума (1-4).

Другая предпосылка выхода из глобального кризиса состоит в отказе от традиционных стереотипов массового сознания. Онтология XXI века должна быть построена на преодолении тирании субъективности, которая составляла основу индустриальной цивилизации с ее активным наступлением на все живое (5). Преодолевая рецидивы деонтологизированного субъективизма, предстоит вернуть бытию центральное место в философии, осуществить прорыв к трансцендентному.

Для этого мировоззренческого поворота существуют научные предпосылки. Методы синергетики позволяют описать процесс эволюции как регулярное преодоление динамического хаоса и выход на иерархически все более высокие аттракторы самоорганизующейся системы человеческого космоса (6). Современные успехи теории квантового вакуума позволяют по-новому осмыслить включенность человека в единый интеллектуальный потенциал человечества, по-

зволяют предложить рациональные модели эффектов сверхчувственного восприятия (7-9). Тем самым может быть значительно смягчена острота проблемы одиночества человека, поставленная философией экзистенциализма.

Развивая этот подход, можно рассмотреть мэоническую модель сознания (9). В основе этой модели лежит функциональное определение сознания. Принимая это определение, следует выделить три наиболее характерных признака сознательной деятельности: операции с информацией, со смыслами (П.В. Симонов, В.В. Налимов); интроспективность, обращенность к собственному Я (И. Кант); динамизм (У. Джеймс, И.М. Сеченов).

Было бы однако ошибкой пытаться строить модель сознания, опираясь только на достижения физической теории, например, теории квантового вакуума. Такой подход был бы эквивалентен методологически бесплодному физическому редукционизму. Кроме того, следует иметь в виду недостаточную завершенность теории квантового вакуума. Более перспективной представляется предложенная автором ноокосмическая парадигма, в основе которой лежит концепция мэона — семантически насыщенной разновидности квантового вакуума. Преимущество такого подхода состоит в том, что он позволяет, избежав крайностей редукционизма, раскрыть глубинные взаимосвязи сознания с наиболее фундаментальными протоструктурами Вселенной.

Концептуальная модель мэона может быть представлена в виде нескольких теорем: 1. В силу квантовых флуктуаций отрицательной энергии мэона существует феномен антиэнтропии (Н.И. Кобозев, С.А. Улыбин). Эта теорема позволяет глубже раскрыть негэнтропийный принцип информации Шеннона и Бриллюэна. 2. Антиэнтропийные, или негэнтропийные, свойства мэона характеризуется спиновым квантовым числом. Вводя мэоновый квант антиэнтропии со спином $1/2$, будем называть его битионом. 3. Битион обладает магнитным моментом (следствие гиромагнитного соотношения). 4. Квантовый ансамбль битионов обладает свойством консистенции — информационного взаимодействия с объектами материального мира.

Из соотношений неопределенности Гейзенберга следует, что ансамбль битионов характеризуется $\Delta t < 0$. Поэтому их можно рассматривать в качестве физических референтов психонов, введенных Н.И. Кобозевым для объяснения эффекта компенсации роста энтро-

пии в процессе сознательной деятельности (10). Негэтропийные эффекты с участием битионов можно интерпретировать как проявление свойства сверхпроводимости информационных потоков, переносчиком которых служат битионные ансамбли мэона.

Эти теоремы мэоники можно положить в основу ноодинамики — концептуальной модели сознательной деятельности.

Теорема 1. Мозг взаимодействует с мэоном как целостная система. Взаимодействие с битионами как ансамблем виртуальных частиц может носить только коллективный характер. Механизм взаимодействия может быть обусловлен различными свойствами нейронной сети мозга: парамагнетизмом его структур, нескомпенсированным спином и др.

Следствие. Поскольку для мэона отсутствует стрела времени, субъективное время, обусловленное взаимодействием с мэоном, может обладать парадоксальными свойствами: многомерность, уход в прошлое, изменение темпа и др.

Теорема 2. При взаимодействии мозга с семантическим потенциалом мэона информационные и термодинамические потоки энтропии строго разделены.

Следствие: логические суждения строго однозначны, т.к. принципиально безэнтропийны.

Теорема 3. Возможно возникновение возбужденных состояний надконденсатных состояний битионов. Эти состояния возникают вследствие виртуальных фотонных взаимодействий в системе бозеконденсата, образованном парами битионов с противоположно направленными спинами. Возбуждение ансамбля надконденсатных битионов может происходить в процессе обратной связи мозга с мэоном. При этом в семантическое пространство мэона могут поступать пакеты новой информации, закодированной, например, путем перебора спиновых квантовых чисел.

Указанные механизмы можно использовать для теоретической интерпретации таких явлений СЧВ, как телепатия, проскопия, ясновидение, отдаленная перцепция, реинкарнация и др.

Теорема 4. Существует взаимодействие ансамблей битионов с ансамблем виртуальных физических частиц. При взаимодействии битионов — квантов антиэнтропии — с виртуальными частицами может происходить спонтанное выделение импульсов энергии квантового вакуума. Можно предположить, что именно эти процессы

проявляются в таких эффектах СЧВ, как психокинез, полтергейст и др.

Комплекс комбинированных информационных и энергоинформационных взаимодействий мозга с мэоном и другими разновидностями квантового вакуума можно также использовать для построения теоретических моделей явлений, описываемых уфологией.

Теорема 5. Семантические свойства мэона позволяют использовать информацию, закодированную в ансамблях битионов, а также хранящуюся в системах памяти любых материальных объектов, обладающих способностью обмена информацией с мэоном (свойство консиенции). Эта теорема позволяет рассматривать не подчиняющийся стреле времени мэон как динамическую категорию. Используя эту теорему, можно предложить простую интерпретацию интуиции, инсайта и тому подобных явлений. Возможность существования такого механизма угадывал А.Бергсон. Однако превращение этих потоков информации в текст, обладающий смыслом, возможно лишь путем ее «взвешивания» (В.В.Налимов).

Эти механизмы объясняют невозможность получения новой информации при медитации, возникновение феномена архетипов, исследованного К.Г. Юнгом, а также явление неограниченной памяти, наблюдавшееся А.Р. Лурией.

Теория 6. Существование семантического потенциала мэона канализирует вектор эволюционных процессов на всех уровнях — становления и развития сознания, возникновения и эволюции жизни и Вселенной в целом. Естественно предположить, что существование этого эффекта антиэнтропийного семантического давления предопределило возникновение нашей Вселенной в результате фазового перехода квантового вакуума в процессе Большого Взрыва. На этом пути можно также снять телеологическую окраску антропного принципа. С существованием семантического давления хорошо согласуется принцип направленной эволюции, сформулированный Л. Онсагером.

Теорема 7. Возникновение разумных существ с интеллектом, качественно превосходящим интеллект человека, в нашей Вселенной невозможно. Есть основания думать, что биологическая эволюция мозга человека закончилась, когда установилось равновесие между обоими его взаимодополняющими свойствами — изоморфизмом, т.е. способностью адекватно отражать реальность, и рефлексией, интроспективностью. Усиление третьего фундаментального свойства

психики — суггестии, основой которого могут быть ноодинамические эффекты, привело бы к резкому ослаблению креативного потенциала индивидуума (эффект контрсуггестии Б.Ф. Поршнева). Нарушение обоих условий означало бы эволюционный тупик.

Рассмотренная ноодинамическая модель сознания позволяет не только предложить интерпретацию ряда известных психофизических явлений, но и предсказать некоторые новые эффекты. С учетом теории физического вакуума Ю.А. Баурова (2) можно ожидать проявлений суточных и сезонных колебаний активности СЧВ. Можно ожидать также проявления зависимости СЧВ от магнитного поля. Возможен эффект типа инверсной реинкарнации — «вспоминания о будущем». Появление гениев, подобных Леонардо да Винчи, быть может, связано с подобным эффектом.

Нельзя исключить, что использование мэоновых технологий откроет в перспективе возможность решения таких проблем, как продление личностного существования на неопределенно долгий срок и автоэволюции вида *Homo sapiens* (9). Обсуждая эти возможности, следует с самого начала обратить внимание на проблему безопасности. Снижение барьеров аутизма вследствие мэонической суггестии может, например, отрицательным образом повлиять на сохранение личности.

Рассматривая в переписке с В.И. Вернадским проблему перехода к ноосфере, П.А. Флоренский указывал на возможность становления сферы духа — пневмосферы (11). Используя мэоновые каналы связи, можно в принципе говорить о возможности реализовать эту идею. В случае успеха появятся шансы перевода человеческого интеллекта на более высокий иерархический уровень развития, преодолев эволюционный тупик вида *Homo sapiens* путем усиления межличностных информационных потоков. Быть может, именно пневмосферный аттрактор в наибольшей степени удовлетворяет базовому принципу глобального мышления — полюбить не только ближнего, но и дальнего.

Решение этого круга ноодинамических задач может способствовать формированию того нового онтологического базиса, который позволит избавиться от крайностей современного мировоззренческого субъективизма и перейти к построению космической философии человеческой экзистенции.

Литература:

1. Акимов А.Е., Шипов Г.И. Торсионные поля и их экспериментальные проявления // Сознание и физическая реальность, 1996, №3, с. 28-43.
2. Бауров Ю.А. О структуре физического пространства // Сознание и физическая реальность. №4, с. 28-36.
3. Шипов Г.И. Теория физического вакуума. М., 1997, 450 с.
4. Laszlo E. The Whispering Pond. 1996, 242 p.
5. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997, 495 с.
6. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997, 285 с.
7. Лесков Л.В. На пути к новой картине мира // Сознание и физическая реальность. 1996, №1-2, с. 42-54.
8. Лесков Л.В. Реинкарнация с позиций науки // Наука и религия. 1996, №12, с. 24-27.
9. Лесков Л.В. Будущее человека: стагнация, гибель или эволюция? В кн.: Стратегия выживания — космизм и экология. М., 1997, с. 56-75.
10. Кобозев Н.И. Исследование в области термодинамики процессов информации и мышления. М., 1971, 278 с.
11. Флоренский П.А. Оправдание космоса. СПб., 1994, с. 202-206.

Три типа понимания философии в истории европейской культуры (Сознание у подножия Абсолюта)

Г.Г. Майоров, д.филос.н., МГУ, Москва

1. Философия есть изобретение чисто европейское; ее открытие и последующее развитие до полного воплощения ее идеи связано исключительно с особенностями менталитета и самосознания древних греков. У других древних народов ни собственной идеи, ни соответствующего автохтонного слова для ее выражения не встречается. Распространение философии в мире происходило путем простого заимствования ее и самого ее имени у греков другими народами. При этом заимствовании, попадая на почву иных менталитетов, идея философии претерпевала неизбежные деформации, которые, однако, не выходили, как правило, за рамки трех возможных ее толкований, предложенных самими греками: «софийного», «эпистемического» и «технематического» (названия от греческих слов: соφία, эпистέμα, тэхнема).

2. Приоритет в открытии идеи философии принадлежит, согласно античным сведениям, Пифагору. Он же дал и первое ее толкование: философия есть любовь (φιλία) к мудрости (соφία), откуда он произвел и ее название, означающее любомудрие. Так возникло со-

фийное понимание философии, самое верное и самое глубокое, максимально учитывающее ее духовную самобытность. Открытие Пифагором философии было итогом длительного процесса осмысления греками самой идеи софии=мудрости, понятой в конце концов как абсолютное знание, доступное только Богу (этот процесс мы подробно рассмотрели в свое время в специальной статье — «Логос», №2, 1991). Поскольку такое знание недостижимо для человека, а потребность в нем у мыслящих людей неискоренима, Пифагор заключил, что единственный выход из этого противоречия и есть любомудрие, ибо любовь к мудрости, если и не позволяет обладать абсолютной истиной (претензии человека на обладание ею были даже кощунством), все же позволяет находиться в ее свете, постоянно приближаясь к ней, просветляясь и все более уподобляясь Богу, в чем, по Пифагору, и состоит высшее предназначение человека. Таким образом, Пифагор поставил философию выше положительного знания, науки, и понял ее как всегда открытый в бесконечность, свободный процесс движения мысли за пределы установленного разумом, т.е. понял ее как непрерывное трансцендирование.

3. Дело Пифагора продолжил Сократ. Самой своей жизнью и даже смертью, своим беззаветным служением философии и своими открытиями в ней, Сократ настолько прославил философию, что после него она стала достоянием всей греческой культуры, а ее имя вошло в общечеловеческий лексикон. Сократ же ввел в культуру и слово диалектика (хотя не исключено, что сам термин изобрели софисты), которым он назвал разработанный им впервые собственный метод философии. Это был метод движения мысли к Абсолютной Истине путем выявления и преодоления антиномий познания, искусство мысленного и речевого диалога, сокрушающего самодовольство ума («ирония»), побуждающего ум к самопознанию («майевтика») и наводящего ум на просвет истинного бытия («эпагогэ́», т.е. индукция). Сократ первым понял философию как критику разума, доводя подчас эту критику до полного апофатического самоотречения разума в пользу истины («я знаю, что я ничего не знаю»). Истолковав диалектику как майевтику (ее принцип — «познай самого себя»), Сократ совершил еще одно великое открытие: он установил, что генеральное направление движения философской мысли к Абсолюту есть направление во-внутрь, а не во-вне, как думали его предшественники, включая Пифагора, и исключая, может быть, только Парменида. Исходя из этого, Сократ вывел за пределы философии изу-

чение внешней природы, предоставив ее исследование «физикам», и сделал существенной сферой приложения философии человека, так как он первым из европейцев понял, что ключ к разгадке всех тайн бытия, включая даже тайны Неба, находится в душе обыкновенного земного человека, который есть венец природы и потому ближе всего стоит в Абсолюту, к «Небесам Небес». В человеке Сократ видел прежде всего духовное существо, субъект морали. Поэтому высшей целью философского познания он считал начало нравственности — предельное Благо, Добро. А поскольку познание достигает своей цели в Абсолютной Истине, он сделал вывод о совпадении в Абсолюте Добра и Истины и проистекающем отсюда тождестве добродетели и знания. Таким образом, Сократ навсегда соединил с идеей философии нравственную идею, вне связи с которой философия из любви к мудрости превращается в пустую схоластику.

4. Наивысшее и самое полное выражение идеи любомудрия связано с именем Платона, которого одного только сама Греция справедливо назвала «божественным философом». Если говорить совсем кратко, главные заслуги Платона перед человечеством таковы: 1) приняв философию от Сократа в устной форме, Платон, вместе с другими сократиками, воплотил ее в форму письменную. Для этого он изобрел новый литературный жанр, самый подходящий для выражения мысли, — жанр философского диалога, в котором он достиг совершенства. Этим самым Платон сделал философию достоянием будущих поколений. 2) Платон раздвинул границы применения сократовской диалектики с человеческого бытия до бытия вообще и, различив «бытие» и «бывание», рассмотрел их сущность и установил их взаимоотношения во всех сферах: в сфере чистого мышления (мир идей), в природе, в человеке и в жизни общества. В результате он создал первую в истории целостную философскую систему. 3) Платон дополнил сократовское понимание Абсолюта как Абсолютного Добра и Абсолютной Истины идеей Абсолютной Красоты и тем самым впервые представил в полноте триединый софийный идеал, а следовательно, и трансцендентальный предмет всякой подлинной философии. 4) Включив в Абсолют Красоту, Платон внес новый, эстетический и экстатический элемент в понимание самой философии как любви к мудрости: пифагорейско-сократовскую (филию) любовь=дружество он преобразовал в любовь=эрос, в любовь=экзальтацию, любовь=порыв, непреодолимо влекущую ум философа из области рационального и конечного, временного и отно-

сительного в область мистического, бесконечного, вечного и абсолютного. Поскольку же для выражения так понятого любомудрия одной сократовской диалектики было недостаточно, Платон чрезвычайно расширил арсенал выразительных средств философии, введя в свои диалоги поэзию и художественную прозу, эпос и драму, трагедию и комедию. Замечательным изобретением Платона в помощь диалектике явился искусственный философский миф, который стал для него мощным средством подключения воображения к умозрительным поискам истины. Сочиненные им мифы, такие, как знаменитый миф о пещере или миф о колесницах, навсегда остались в человеческой памяти как образы самой высокой философии и как свидетельство правоты Платона, понявшего философию не только и не столько как логическое рассуждение, сколько как мысленное искусство.

5. После Платона софийная линия в истории греческой философии на несколько столетий прерывается. Наступает черед эпистемы. Начало эпистемического, т.е. научного, истолкования философии положил ученик Платона — Аристотель, хотя абсолютизация самой эпистемы, точно установленного (слово «эпистема» образовано от глагола «эфистеми» — «устанавливаю»), а значит, определенного и неизменно истинного знания, произошла еще раньше, у великого Парменида. Аристотель же только распространил деспотическую власть парменидовской эпистемы и на философию, чем подготовил тотальную экспансию научного мышления в будущем. Если Платон был философом-поэтом, то Аристотель был философом-ученым, собирателем и систематизатором знаний. Если Платон был гением диалектики и интуиции, Аристотель явился создателем науки формальной логики (имя, правда, ей дали стоики), а «диалектике» он оставил лишь незавидную роль орудия «мнимого знания», роль инструмента риторики. Сформулировав впервые основной закон формальной логики — закон недопустимости противоречия, он объявил его в то же время и главным законом всякого бытия, а следовательно, и бытия философии. Применяя свой «органон» (орудие мышления, т.е. созданную им науку логики) едва ли не ко всем тогда известным областям знания, Аристотель впервые привел это знание к обобщенному и систематизированному виду, став тем самым родоначальником большинства античных наук. Однако и философию он отнес к числу наук, поставив ее, правда, в своей классификации на самое высокое место: включенная Аристотелем в класс трех «теоре-

тических» наук, она занимает место над «физикой» и «математикой» и называется у него «первой философией». Поскольку под «второй философией» Аристотель, по-видимому, подразумевал «физику», при таком построении философия оказывается «мета-физикой». По этой причине позднее последователи Аристотеля и назвали ее метафизикой. От других наук метафизика отличается только своим предметом, каковым служит «сущее как таковое», то есть абстрактное бытие. Во всем другом она — обычная наука. Важно отметить, что Аристотель не делает также различия между философией и софией, что говорит о его полном игнорировании первоначального смысла философии. Более того, в его классификации наук от философии совершенно отделена этика, помещенная в классе наук «практических», а это означает полное изъятие из философии ее нравственного, софийного, ядра. Таким образом, философия у Аристотеля это не только абстрактная метафизика без плоти и крови. Поняв философию как эпистему, зажатую в тиски формальной логики, Аристотель лишил ее изначальной духовной самобытности, превратил из поэзии в скучную прозу, из творчества любви в работу рассудка, из вдохновенного самотрансцендирования в сухую схоластику. Для такой, эпистемически понятой философии он нашел и соответствующую форму изложения — форму научного трактата. В этой форме философия чаще всего и излагалась в последующие века.

б. Название третьего рода понимания философии — «технематическое», происходит от слова «техна», «технема», означающих в греческом языке умелость, мастерство, сметливость ума, ремесло, искусство, но также — уловку, хитрость, интригу, и еще то, что является результатом всего этого, например, произведение искусства, изделие мастера или проделка хитреца и афера интригана. В нашем употреблении термина «технематическое» участвуют сразу все эти смыслы, но главные из них — умелость и искусство, однако искусство не в смысле художества, а в смысле изощренного мастерства. В технематическом понимании философия представляется искусством мысленного конструирования, в котором сама умелость, сама техника мышления являются целью. Ясно, что речь идет о своего рода игре — игре ума. Поэтому такое понимание философии мы иначе называем «игровым». Именно к игре применимы все перечисленные выше значения «техны» и «технемы»: здесь требуется и умелость, и хитрость, и интрига, и мастерство, и все остальное. Однако игра не всегда бывает только развлечением, иногда она, как выражаются иг-

роки, бывает «на интерес». Также и технематическая философия бывает или просто самоцельной игрой ума, или же игрой ума, стимулируемой чем-то внешним, например, ожидаемым гонораром, желанием прославиться, прослыть оригинальным, просто привлечь к себе внимание. В истории философов такого типа было немало, особенно в наше время, однако далеко не всегда они достигали своих целей и немногие из них получали призвание.

7. Технематическое понимание философии, как и два других, начинает свою историю в Греции, в эпоху софистов и именно с них. Мы не знаем, называли они себя сами «софистами» или это их наименование внешнее, а сами они считали себя философами. Во всяком случае они были современниками Сократа, и значит, уже всем известное имя «философ» могло привлечь к себе их тщеславие. Но все это не так уж важно. Важно другое: софисты своим отношением к мудрости, своим способом мышления и всем своим поведением, дали образец, которому подражали или самостоятельно воспроизводили многие другие, которые уже определенно считали себя философами. Греческие софисты играли на деньги, их последователи играли ради тщеславия и удовольствия. Мудростью, по имени которой они были названы софистами, они считали многознание и умение доказывать и опровергать все, что угодно, то есть виртуозность логического мышления. Софист Горгий прославился тем, что умел блестяще опровергнуть сегодня то, что блестяще доказал вчера. Чтобы привлечь к себе внимание и удержать его, софисты все время должны были эпатировать и выглядеть экстравагантно. Отсюда максимализм и парадоксальность их суждений. Тот же Горгий учил своих слушателей, что ничего нет, или ничего нельзя познать, или ничего нельзя выразить. Софист Ксениад доказывал, что небытие прежде и главнее бытия. Глава софистов Протагор учил, что истин столько, сколько людей, и столько же существует миров, ибо человек есть мера всех вещей. Софист Фразимах у Платона доказывает Сократу, что несправедливость лучше справедливости, а другой софист Калликл убеждает, что справедливость придумали слабые, чтобы угнетать сильных. Впрочем, будучи релятивистами, не признавая никаких абсолютов и ничего не принимая всерьез, все эти софисты в другой раз могли, если нужно, доказать и противоположное. Они, как хорошие актеры, должны были всегда быть готовы играть любую роль. Всеядность, шутовство, актерство, отсутствие глубокой веры в то, чему они учат, рядом с обширной эрудицией, глубоким интере-

сом к языку и другим средствам выражения мысли, рядом с виртуозной техникой мышления — все это свойственно не только софистам, но и любому философу технематической ориентации. Поэтому данному пониманию философии может быть присвоено еще и третье имя — «софистическое».

8. Итак, мы рассмотрели все три основных способа понимания философии, фиксируемых в европейской истории, в их первоначальном виде как они сложились на родине философии в Древней Элладе. Если мы добавим к этому, что уже вскоре их окончательного утверждения в греческой культуре проявил себя еще и смешанный из этих трех, эклектический, способ ее понимания, который был характерен для эллинических школ (эпикуреизма, стоицизма, академического скептицизма и пирронизма), то мы исчерпаем те способы, которыми философия толковалась в античности, а затем и во все последующие эпохи.

О менталитете человека

А.А. Парахин, АГИИК, Барнаул

В настоящее время, говоря о духовности человека, многие исследователи часто используют понятие «менталитет». Одни считают, что менталитет — это прежде всего некое устойчивое отношение человека к миру и себе, духовная основа деятельности человека и его отношение к людям, обществу; другие полагают, что менталитет — это определенная картина мира человека с ее социальной историей, историей взаимоотношения людей, объединенных тем или иным способом в общественное производство. Так, например, говорят о русской ментальности, ее истории и т.д. Иногда его (менталитет) прямо определяют через такие понятия, как духовность, свобода, воспитанность, интеллигентность и т.д. Многие связывают это понятие в первую очередь с нравственностью. Есть такое определение менталитета как концентрированное выражение всей культуры личности. Конечно, во всех вышеперечисленных определениях менталитета есть рациональное зерно. Они — суть отражение различных сфер человеческой жизнедеятельности, и с развитием последних, конечно, будут дополняться и уточняться.

Исходя из вышесказанных определений данного понятия, попытаемся раскрыть его содержание и дать его интегральную характеристику.

В переводе с латинского *mentalis* — это ум, мышление, образ мысли, духовный склад. Само понятие «менталитет» предложено представителями историко-психологического и культурно-антропологического направлений Л. Февром, М. Блоком, Леви-Брюлем как констатация наличия у представителей национально-этнических и социокультурных общностей некоего общего «умственного инструмента», «психологического оснащения», которые способствуют своеобразному восприятию и осознанию как природного и социального мира, так и самих себя. Как видно, здесь менталитет понимается как устойчивое отношение человека к миру и себе, как духовная основа деятельности человека и его отношения к людям и обществу. Одним словом менталитет — это все проявления духовности, которая в свою очередь может быть определена как концентрированное выражение всей культуры личности. Духовность имеет чувственный и теоретический уровни и, по существу, является основой всей деятельности человека и его отношения к людям и обществу. И поскольку духовность выступает как менталитет человека, он (менталитет) будет выступать уже как духовная основа образа жизни и поведения человека, определяющая как осознанно, так и неосознанно всю линию его жизнедеятельности.

История страны, в которой живет человек, ее культура, традиции, обычаи народа, нормы поведения, стиль мышления, осознаваясь человеком, преломляются в его менталитете. В силу этих причин, менталитет в определенной мере инвариантен по отношению к биографии отдельного человека. Конечно, нельзя полностью исключать и личную активность, деятельность человека по освоению того мира культуры, в котором он живет. Следует иметь в виду, что менталитет человека это такое глубокое проявление его духовности, которое не только обуславливает сам характер духовного постижения человеком общества, его включенность в общественные связи и условия, но и активное преобразование самого себя, своей жизни. Так человек меняет свое бытие, изменяет условия своей жизнедеятельности.

Думается, что с позиции интегральной характеристики человека как космобиопсихосоциального существа, включенного во все явления природной и социальной жизни (биосфера и ноосфера), и следует рассматривать менталитет человека. Полное раскрытие всех сущ-

ностных сил человека (знаний, умений, навыков, способностей и т.д.) через культуру и посредством культуры — одна из главнейших задач в процессе формирования духовного мира человека, его менталитета.

Синдрому бездуховности, охватившему ныне наше общество может противостоять только высокая гуманистическая, духовная культура человека.

Становление Глобального Интеллекта на стыке тысячелетий

Н.С. Печуркин, Институт биофизики СО РАН, Красноярск, Академгородок

С каждым веком ускоряются темпы и возрастают масштабы перемен в мире. На стыке тысячелетий особенно остро ощущается необходимость «объемного» видения и понимания мира с позиций науки, философии и религии. Необходимость Всеединства все более осознается во многих подходах и оценках. Ощущается появление и рост нового качества, свойства, признака в развитии человечества и природы. Иногда это называют Сферой разума, «мыслящим слоем», оболочкой ума, коллективным разумом. Здесь мы будем называть это Глобальным Интеллектом. Он-то и есть новое свойство, которым не обладало человечество до сих пор.

Одна из главных задач Глобального Интеллекта — справиться с кризисами, которые ожидают планетарное сообщество. И что еще более важно — выработать правила поведения человечества без войн и столкновений [1].

Устойчивые взаимовыгодные решения или взаимовыгодные кооперативные соглашения могут быть найдены практически для всех типов конфликтов, характерных для существования и развития как общества в целом, так и различных его групп и даже отдельных индивидов [1].

Точнее говоря, все виды конфликтов в современном обществе и тем более в будущем могут быть переведены из разряда антагонистических в разряд так называемых «мнимых» (по Моисееву), т.е. устраняемых «разумным способом, с помощью логики и расчетов, показывающих прямую выгоду предлагаемых соглашений», ибо без

таких соглашений всем участникам конфликтной ситуации будет только хуже. Моя вера в это, иногда переходящая в уверенность, основывается на следующих постулатах.

1. Конец XX века убедительно показал нам, что само представление об «антагонизме» интересов людей является крупнейшим в истории мифом. Противостояние двух систем, а следовательно, их кажущийся «непримиримый антагонизм» исчез, растворился в истории, а с ним и самые ярые антагонисты — ортодоксальные марксисты. Глобальное противостояние отныне невозможно, хотя локальные конфликты, увы, пока существуют. Конечно, осознание «мнимости» конфликтов не будет происходить само по себе, здесь нужны усилия по «подъему образованности субъектов», повышение взаимоинформированности и т.д. Но это-то и есть одна из задач Глобального Интеллекта, причем не слишком сложная уже на его нынешней стадии развития. В случае же не нахождения компромиссного решения и реальной угрозы конфликта, Коллективный Разум должен вовремя забить тревогу и подключить все возможные силы для предотвращения перехода к периоду возможной опасной бифуркации.

2. Природа — не соперник человеку, не конкурент в рыночных отношениях, не раб или господин, а потому экологический императив гораздо богаче, чем рыночная или командная идеология. Человек — это естественная часть самой природы, хищник в большом биотическом круговороте, который, потребляя живую биомассу, тут же ее минерализует, возвращая в круговорот в виде питания главному производителю живого — растениям суши и воды. Между Человеком и Природой — явно «мнимый» конфликт и на понимание этого потребуется совсем немного времени. Если не хватит Разума, то на помощь может прийти Искусство, Красота. Да и сам конфликт Природа-Человек проявился в нашем сознании как глобальный, совсем недавно — буквально 30 лет назад.

3. Само понятие Глобального Интеллекта существенно шире, чем понятие Коллективного Разума (по Н. Моисееву). По моим представлениям, он включает Коллективный Разум как составную часть, на данном этапе наиболее важную, или точнее говоря, более продвинутую в смысле Глобальности. Много проблем стоят перед всеми ипостасями Глобального Интеллекта: Наукой, Философией, Религией, Искусством. Для формирования Глобального Интеллекта особое значение имеет не охватываемая Разумом Любовь, которая больше относится к религии и культуре, чем к Разуму.

Возможно, что для ускорения роста Глобальности общечеловеческого интеллекта именно в этой области — области развития Духа и нематериальной культуры — и понадобятся особые усилия.

Нынешнее положение можно назвать уникальным потому, что коллективный человеческий интеллект приобретает зримые черты Глобальности, общечеловеческого единства. Ранее такого никогда не было в истории человечества. В человеческой истории легко проследить развитие человеческого интеллекта от индивидуального, обособленного состояния к групповому, коллективному, но общечеловеческие его черты еще не были проявлены. Не было его объединения, «замыкания» на общечеловеческом уровне. Такое «недозамыкание» при резком возрастании его мощи и привело в XX веке к почти глобальному противостоянию, к образованию общемировых враждующих лагерей, к разрушительным мировым войнам. Грубо говоря, индивидуализм отдельных «нейронов» (разума и духа отдельных индивидов) не был преодолен, но остановился на полдороге, на уровне отдельных государств и межгосударственных политических объединений (идеологических лагерей). Осталось сделать маленький шаг, но очень важный для всего человечества (как говорил космонавт Армстронг, ступая на Луну). Теперь этот шаг практически сделан.

Фаза мирового противостояния, вообще говоря, очень неустойчивая, неестественная и потому особенно опасная, заканчивается. На пути к окончательному всемирному объединению больше нет реальных препятствий, хотя еще остались страшные призраки и даже реалии прошлого. И прежде всего, в виде разделения на отдельные государства. Но и тут хорошо заметен явный прогресс: ослабление абсолютной власти государственных деятелей, особенно тоталитарных вождей.

Мы можем с уверенностью говорить, что в наше время роль и влияние отдельной личности любого государственного деятеля существенно ослаблены даже по сравнению с недавним прошлым. Издавна существовала линия отношений: человек — государство (род, племя, нация) — человечество. Между человеком и человечеством всегда стояло сильное нечто, которое непосредственно разделяло их, делая их непосредственную связь если не ненужной, то не очень существенной. Ныне ситуация принципиально меняется: цепочка замыкается в треугольник — человечество и человек могут взаимодействовать непосредственно, напрямую, составляя вершины одной

стороны треугольника. А третья вершина треугольника — государство, соединяясь с двумя первыми, уже не является доминирующим, хотя и остается пока необходимым. Таким образом, «государственные интересы» перестают быть абсолютно приоритетными и начинают, по праву, соотносываться с общечеловеческими и биосферными.

Литература

1. Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму // Москва, ИзДАТ, 1993.

Пять этюдов о системной философии

*Ю.А. Урманцев, д.филос.н., к.биол.н., академик МАИ, Нью-Йоркской АН;
Институт физиологии растений РАН, Москва*

*Настанет время,
когда весь мир будет объят одной наукой,
одной истиной,
одной промышленностью,
одним братством,
одной дружбой с природой...
Это моя вера, это двигает, это крепит,
для этого стоит жить, есть что ждать.
Д.И. Менделеев*

Истинная цель этих этюдов — предложение такого Мирозрения, которому можно было бы безболезненно следовать при оптимальном построении системы «Человек — Общество — Природа». Каждый этюд, кроме последнего, — предварение последующего; все пять этюдов — Этюд нового мирозрения — Системной Философии (СФ), своего рода плана нового мироустройства.

Этюд первый о причинах возникновения, предпосылках, основных понятиях, категориях, законах СФ.

Причины возникновения СФ — те же, что и системного движения в целом. Это: 1) внутренняя логика развития Постижения, приведшая к необходимости представления и исследования Мира как Системы систем; 2) экспоненциально растущая дифференциация форм Постижения — науки, техники, искусства, философии, религии, мифологии, демологии, политологии, эзотерики и т.д., обер-

нувшаяся необходимостью дополнения мерологического подхода холистическим; 3) большой информационно-дезинформационный взрыв, который привел, с одной стороны, к поиску эффективных способов свертывания очень большого числа сложных знаний в очень небольшое число простых утверждений; к необходимости изобретения рациональных видов хранения и быстрой выдачи нужной информации; с другой стороны, к поиску эффективных способов борьбы с дезинформацией — с массовым обманом и зомбированием народа, к критериям отличения знания от псевдознания; 4) труднейшие задачи рационального управления современным сверхсложным обществом; 5) всепланетный кризис — экологический и неэкологический. В первую очередь последние две причины поставили Человечество перед фундаментальной проблемой определения путей развития цивилизации в 21-ом веке, лика ее будущего мировоззрения и мироустройства.

Еще одна причина разработки СФ — сугубо российская, связанная с преступным разрушением СССР, в результате которого десятки миллионов людей, в особенности молодых, оказались обезмировозрененными.

Все сказанное привело к острому социально-духовному спросу — во всем мире! — на новое мировоззрение, причем в идеале на такое, которое, с одной стороны, отвечало бы всегдашнему философскому (и нефилософскому) плюрализму человечества, с другой, в принципе оказалось бы способным преодолеть стратегически и практически возникшие грозные опасности. И последнее. Предлагаемая философия, пожалуй, первый случай разработанного в нашей стране за всю ее историю от «А» до «Я» нового мировоззрения.

Предпосылки СФ — те же, что и у ОТСУ (общей теории систем Урманцева). Таких предпосылок пять. Это категории: 1) существование; 2) множество объектов; 3) единое; 4) единство; 5) достаточность. Их главнейшие особенности — глубоко философская природа, всеобщность, интегративность; необходимость и достаточность для построения СФ — «Мира». Из предпосылок СФ выводятся и определяются ее основные понятия, категории, законы, С-принцип, С-идеал, С-метод, С-парадигма (С — от слова «система»).

Основные понятия СФ — те же, что и у ОТСУ. Их пять. Это: 1) объект; 2) пустая система; 3) объект-система; 4) система объектов одного и того же рода, или Р-система (Р — от слова «род»); 5) абстрактная система. Объект — любой предмет мысли. «Объект-

система» — объект, эксплицированный через его элементы, связи между ними, законы композиции — условия, согласно которым связи реализуются, а элементы объединяются в целостность. «Р-система» — система объектов-систем. Это понятие — центральное понятие СФ. Примеры Р-систем: натуральный ряд чисел, периодическая система химических элементов, «древо жизни», система социально-экономических формаций. «Пустая система» — обобщение любых случаев значимого отсутствия: «ничто» и «небытия» философии, «нуля» арифметики, «нелинейности» синергетики и т.д. Значимые отсутствия — это «небытийные» свойства объекта-системы, которым противостоят свойства бытийные — целостные, нецелостные, целостно-нецелостные. Других свойств у любого объекта-системы кроме названных 4 и только 4 классов не должно быть.

Целостные и нецелостные свойства известны с древних времен. Целостно-нецелостные и «небытийные» свойства эксплицированы впервые. Все 4 класса свойств объекта-системы образуют бесчисленное множество Р-систем (в частности, алгебраическую группу симметрии 4-ого порядка). Такие Р-системы — гиперхолистические и они, в свою очередь, обладают бытийными и «небытийными» свойствами, которые также образуют Р-систему — гипергиперхолистическую и так без конца... Но это означает, что природа эн-кратно гиперхолистических Р-систем не может быть в принципе постигнута без учета их не только целостных, но и нецелостных, целостно-нецелостных, «небытийных» свойств! Налицо глубочайшая зависимость всех свойств друг от друга. Надежда на постижение природы объектов бытия только посредством холистического подхода наивна...

Строгие определения приведенных понятий см. в моих книгах «Система. Симметрия. Гармония» (М., Мысль, 1988), «Эволюционика» (Пушино, ОНТИ НЦБИ, 1988) и в статье «Целостные, нецелостные, целостно-нецелостные, «небытийные» свойства объектов-систем» (Сб. 5-ый Международный форум по информатизации. МФИ — 96. М., 1996, с. 12-15).

Категории — обобщения обобщений — **СФ**. Их — 32, так что можно говорить о «большом категориальном взрыве — Биг категориал бенг», индуцированном развитии СФ. Одни из них, например, «система и хаос», известны с древних времен; другие, например, «системная противоречивость» и «системная непротиворечивость», — существенные видоизменения древних категорий «противоречи-

вость», «непротиворечивость»; наконец, третьи из них, например, «фирмы: изменения, сохранения, развития, действия, отношения материи и/или духа» предложены впервые.

Законы СФ. Пока их 14. В рамках СФ даны выводы, определения и доказательства следующих всеобщих законов: 1 — системности; 2 — системных (эволюционных и неэволюционных) преобразований; 3 — перехода количества в свое другое (с 8-ю переходами, а не с 1-им, как в гегелевском законе); 4, 5 — полиморфизации и изоморфизации; 6, 7, 8 — соответствия, системного сходства, системной симметрии; 9, 10 — системной симметрии и системной асимметрии (гармонии и дисгармонии); 11, 12 — системной противоречивости и системной непротиворечивости; 13, 14 — системной устойчивости и системной неустойчивости.

Этюд второй о системном принципе, системном идеале, системном методе, системной парадигме — обобщениях основных понятий, категорий, законов СФ.

С-принципы СФ содержат примерно 25 утверждений, каждое из которых доказано в виде теоремы. Согласно этому принципу «любой объект (вещь, свойство, отношение, процесс, явление, закон, понятие ... любой реальности) есть объект-система и любой объект-система принадлежит хотя бы одной Р-системе; любая система обладает целостными, нецелостными, целостно-нецелостными, «небытийными» свойствами; любая система обязательно полиморфична, диссимметрична, противоречива, неустойчива в одних отношениях и изоморфична, симметрична, непротиворечива, устойчива — в других, в ней всегда реализованы все или часть форм изменения, развития, сохранения, действия, отношения». Наглядная иллюстрация сказанного — атом: он является атомом-системой, принадлежит системе атомов (выраженной таблицей Менделеева), в которой мы находим все перечисленные в принципе «атрибуты» системности.

С-принцип — главный принцип СФ и одновременно Обобщение обобщений: все сколько-нибудь значимые общечеловеческие фундаментальные принципы — в первую очередь, стохастико-детерминистический, историко-эволюционный, структурно-функциональный — принципы С-принципа. Это означает, что С-принцип — это *Принцип принципов*. Поэтому он должен иметь и уже имеет стратегическое значение для развития человечества как в качестве кардинального средства и двигателя материального и духов-

ного, в том числе философского, производства, так и в качестве главного и очень надежного ориентира, основы планирования его будущего развития в 21-ом столетии — как цивилизации системно организованной и духовно-экологической, с существенным креном в область психологии и, как всегда, социально-экономической справедливости. Существуют очень серьезные основания для предположения о том, что в будущем веке лидерство в мировой науке перейдет к психологии, а практическое овладение так называемыми высшими психическими силами, ясноощущениями, ясновосприятиями, яснопредставлением и яснопостижением неизбежно обернется новой производственной — материальной и духовной — революцией, принципиально новыми технологиями.

С-идеал — это С-принцип в целеполагающей, телеологической формулировке. Следовательно, подобно С-принципу — Принципу принципов, С-идеал — *Идеал идеалов*, который, представленный в форме категорического императива, требует завершения С-подхода согласно утверждениям С-принципа в виде: 1) систем; 2) извлечения системной информации; 3) системной организации практической деятельности. Такое и только такое завершение С-подхода делает его истинно системным, истинно специфическим, никаким другим подходом не заменимым, а применительно к Мирозрению, Бытию, Постижению — и самым полным. Поэтому С-идеал можно эксплицировать также в виде наивысшего идеала исследования, объяснения, понимания, практической деятельности, а для многих — и в виде высшего смысла их жизни. Именно такие люди, перефразируя Демокрита, могли бы сказать: «Лучше найти хотя бы одно системное объяснение, чем занять царский престол».

С-метод СФ — метод удовлетворения требованиям С-идеала. Он состоит из большого числа частносистемных и небольшого числа — пока всего 5 — общесистемных (ОТС) алгоритмов реализации С-подхода. Поскольку специфика многих философских систем определяется не столько теми или иными началами, сколько используемыми ими методами (вспомним хотя бы метафизический и диалектический материализм), постольку специфика и СФ во многом определяется используемыми в ней С-методом — *Методом методов*.

С-парадигма СФ — это ОТСУ в качестве образца для подражания.

Этюд третий о системной онтологии — Системе Бытия и Бытия Системы.

Система Бытия — это система из 4-х и только 4-х реальностей: объективной, субъективной, объективно-субъективной, пустой.

Объективная реальность (атом, кристалл, Земля, течение, гравитация, $E=mc^2$) есть реальность материи и ее пустой системы — значимых отсутствий у каждого вида материи некоторых материальных и всех духовных свойств; субъективная реальность (идея красоты, гармонии, симметрии, точки, линии, плоскости) есть реальность духа (идеи) и его пустой системы — значимых отсутствий у каждого конкретного вида духа некоторых духовных и всех материальных свойств; объективно-субъективная реальность (человек и, может быть, все или часть организмов — телесно материальные, а духовно идеальные) есть реальность материально-духовного и его пустой системы — значимых отсутствий у каждого конкретного вида материально-духовного некоторых материальных и/или духовных свойств; пустая реальность (любые случаи значимого отсутствия — ничто в философии, пустая система в системологии, пауза в музыке) есть реальность ничто и его пустой системы — значимого отсутствия и материи и духа.

Представленные так Бытие-система и Р-система Бытия — первые по сложности и иерархо-неиерархические по структуре. Для объектов 4-х реальностей возможны и существуют 10 и только 10 следующих классов взаимоотношений: Ор-Ор, Ор-Ос, Ор-О=Ср, Ор-Пр, Ср-Ср, Ср-О=Ср, Ср-Пр, О=Ср-О=Ср, О=Ср-Пр, Пр-Пр, где Ор, Ср, О=Ср, Пр — обозначения соответственно объективной, субъективной, объективно=субъективной, пустой реальностей; тире между символами — знак взаимоотношения; сами парные отношения Ор-Ор, Ор-Ос, ... , Пр-Пр — обозначения взаимоотношений между объектами соответственно объективной и объективной, объективной и субъективной, ... , пустой и пустой реальностей. Похоже, что в традиционной гносеологии в течение тысячелетий исследовали не 10, а лишь 3 взаимоотношения — объект-объектное, объект-субъектное, субъект-субъектное. Особое, удивительное место в системе бытия принадлежит Человеку из-за его способности преобразовывать — творить и уничтожать — объекты любой реальности. В целом же вопрос о природе взаимоотношений 4-х реальностей друг с другом очень сложный и полного ответа в настоящее время не имеет.

Бытие системы — это Существование, покой и (или) изменение, системы. В плане признания или непризнания существования покоя и (или) движения в истории философии реализовались (очень рано) 4 и только 4 логически допустимые возможности: 1) Кратил из Афин признавал реальность только движения; 2) Зенон Элейский — только покоя; 3) Демокрит и Платон — и покоя, и движения; 4) Мадхьямики — только пустоты (ни покоя, ни движения).

В СФ признается реальность и покоя, и движения. Это тотчас приводит к 2[№] системным преобразованиям и к 3[№] системным антипреобразованиям — к Эволюционике, или общественной теории развития, частными случаями которой являются диалектика и синергетика. Едва ли не самым сильным результатом разработки эволюционики является математический вывод всех в принципе возможных классов форм изменения, сохранения, развития; строгое доказательство — впервые в мире — факта глубочайшей и разносторонней симметрии развития, эксплицированной в виде алгебраических групп тех или иных порядков.

Этюд четвертый о системной гносеологии — Системе Постижения и Постижении Системы.

Система Постижения эксплицируется в виде Постижения-системы и Р-системы Постижения.

Постижение как Постижение-система включает в свой состав 8 гносеологических и 8 реинкарнатологических (перевоплотительских) элементов, именно: 1 — познающего, 2 — познаваемое (прообраз), 3 — средства познания, 4 — познавательскую деятельность, 5 — познанное (идеальный образ), 6 — оценку на адекватность образа прообразу, 7 — деятельность по уменьшению различия образа от прообраза, 8 — создание более адекватного прообраза идеального образа.

Именно указанными 8-ью элементами ограничивалась традиционная гносеология. Однако СФ идет дальше и к отмеченным 8-ми гносеологическим элементам добавляется еще 8 реинкарнатологических: 9 — воплотителя, 10 — воплощаемое (идеальный образ), 11 — средства воплощения, 12 — воплотительскую деятельность, 13 — воплощенное, 14 — оценку материально воплощенного на адекватность воплощаемому как идеалу, 15 — деятельность по увеличению сходства между идеалом и его материальным воплощением, 16 — создание новых воплощений, более адекватных воплощаемому.

Видно, что главными целями постижения являются получение адекватного прообразу идеального образа — знания — и его материальное воплощение. Это означает, что постижение — телеологическая система, а поскольку оно включает в свой состав в виде частных случаев чувственные, рациональные, медитативные формы, познание и мышление в целом, то постижение — не просто телеологическая, а сверхсложная телеологическая система, к тому же — из-за наличия в ней прямых и обратных связей — и кибернетическая.

Таким образом, Постижение-система — это система не одной, а двух взаимносимметричных подсистем — гносеологической и реинкарнатологической, выводимых друг из друга простой заменой друг на друга слов «познание» и «воплощение». Именно поэтому в СФ используется понятие «Постижение», а не «познание» или «воплощение», его, «Постижения», частные случаи.

На онтологическом, сущностном, уровне формы постижения выступают как взаимно тождественные из-за воплощения ими каждый раз одного и того же архетипа, одной и той же кибернетической системы; а на феноменологическом уровне эти формы качественно отличаются друг от друга — из-за качественно различных реализаций этого архетипа. Если учитывать и их тождество и их различие, то науку можно определить как постижение в понятиях, технику — в технических изделиях, искусство — в художественных образах, философию — в категориях, религию — в откровениях, мифологию — в мифах, эзотерику в мистериях. При этом каждой форме постижения отвечает свой вид освоения, познания, изменения существующей и создание новой реальности в пределах 4-х реальностей Бытия.

Р-система Постижения. Такая система не построена, и она должна быть создана в виде системы всех теоретически возможных форм постижения, аналогичной системе химических элементов. Только в каждой клеточке будет «сидеть» не химический элемент, а «свое» постижение — либо уже известное (научное, техническое, художественное, философское, религиозное, мифологическое, парапсихологическое, эзо- и экзотерическое, демологическое, политологическое и т.д.), либо какое-то совершенно новое, предсказываемое... Движение по пути построения такой Р-системы плюс открытие в ней всех фундаментальных атрибутов системности (симметрии и асимметрии, устойчивости и неустойчивости, противоречивости и непротиворечивости, полиморфичности и изоморфичности и т.д.) неизбежно приведут также к n-сигнальным системам и n-формам по-

стижения, к старым и новым образам жизни. Сказанное — это, скорее, постановка вопроса, программа будущих исследований постижения.

Постижение Системы. Достигается оно посредством С-метода. Его использование приводит к принципиально новой технологии получения знания и системной организации практической деятельности. Новая — ОТС — технология сводится к следующему.

1. **К представлению любого объекта в виде объекта-системы**, что неизбежно сопровождается эксплицированием знаний о его «первичных» элементах, отношениях единства, законах композиции. Нередко такие знания являлись подлинными открытиями (например, протонов, электронов, нейтронов в случае атомов; системных эволюционных и неэволюционных преобразований в случае развития; уравнений для механической, кровотоковой, объемной временной структур сердечного цикла в случае млекопитающих).

2. **К построению Р-системы.** Стихийные и сознательные построения Р-систем (химических элементов, групп симметрии, форм развития), как показывает история науки, подытоживают результаты предшествующего этапа развития данной отрасли знания, существенно обогащают последнюю и дают начало новому этапу в ее развитии. Именно поэтому такие построения выступают целью, принципиально новым средством познания, гносеологически специфической формой отображения реальности, необычным объектом исследования. Примечательно также, что графические представления Р-систем являются новыми формами представления не только получения, выражения, развития, но и хранения знания. Очень наглядно сказанное подтверждает история построения Р-системы химических элементов. Интуитивно предполагавшаяся существующей естественная система химических элементов в качестве цели выступала для Б.де Шанкартуа (в 1862 г.), Ньюлендса (с 1864 г.), Л. Майера (в 1864-1870 гг.), а в особенности для Д.И. Менделеева (в 1869 г.). Она же была использована Менделеевым в качестве совершенно необычного, нетрадиционного средства познания и при открытии периодического закона, и при предсказании существования новых химических элементов [экабора (скандия), экаалюминия (галлия), экасилиция (германия)], и при обнаружении и исправлении ошибок в определениях атомных весов бериллия, индия, гелия, урана и других элементов. Далее короткая и длинная формы таблицы химических элементов, представленные им, выступали в качестве

совершенно необычных видов субъективного отображения объективной реально-сти, резко, качественно отличных от ранее известных его видов — понятий, суждений, умозаключений, гипотез, теорий и т.д. Наконец, и сама таблица Менделеева стала объектом исследования для многих ученых, предложивших уже около 600 ее вариантов!

3. *К извлечению фундаментальной информации* обо всех *тех «атрибутах» системности*, которые коротко перечислены в утверждениях С-принципа и которые обязательно должны быть реализованы в любой системе — в любом объекте природы, общества и мышления. Изучение и представление последних в виде объектов-систем в нерасторжимой связи с соответствующими им Р-системами и с точки зрения учений, законов, принципов, алгоритмов СФ неизбежно приводит к существенно нетрадиционным способам: открытия и формулировок законов Природы (например, периодического закона системы химических элементов посредством этой же системы), предсказаний и обобщений, решения задач и объяснения явлений, обнаружения и исправления ошибок, постановки новых вопросов и поиска ответов на них; математизации, диалектизации и системологизации всех форм постижения. В конечном счете все это приводит к фундаментальному познавательному и практическому выигрышу!

4. *К системной организации практической деятельности* в экологической и неэкологической областях с целью сохранения и преобразования систем той или иной природы в связи с оказываемыми на них и/или ими самими воздействиями. Достигается такая организация посредством специального алгоритма С-метода.

И система постижения и постижение системы — предметы интеллигентологии СФ (от лат. интеллигенцион, англ. интеллидженс — постижение), в свою очередь состоящей из традиционной гносеологии и нетрадиционной реинкарнатологии.

Этюд пятый и последний о Системе Философии и Философии Системы.

Система Философии. Она эксплицируется в виде Философии=системы и Р-системы философии.

Философия-система — это такое постижение-система, в качестве первичных элементов которого выступают: 1) познающий — философ; 2) познаваемое (прообраз) — Бытие, Постижение, всеоб-

щие и общие законы природы, общества, мышления; система «Человек — Общество — Земля — Бог»; 3) средства познания — всеобщие и общие категории, причины, законы, концепции; логика, метафизика, диалектика, эволюционика; 4) познавательная деятельность — деятельность по построению философских систем и систем философии, экспликация знания об элементах, отношениях и законах Композиции любой реальности и любого постижения, открытие и исследование всеобщих и общих средств постижения; бурная комментаторская и псевдокомментаторская деятельность — особенно традиционная на Востоке (ср. философию Веданты — «Брахмасутру» Бадараяны и комментарии к ней Шанкары и Рамануджи, «Йогу-сутру» Патанджали и краткий к ней комментарий «Йога-бхашья» Вьясы, философию вайшешиков — «Вайшешика-сутру» Канады — и комментарии к ней Вьетмашивы, Удаяны, Шридхары и др.); 5) познанное (идеальный образ) — философские картины Мира (мировоззрения), онтология и гносеология, логика, эстетика и этика, материалистические, идеалистические системы; всеобщие и общие — онтологические и гносеологические — категории, принципы, законы; знания об основных средствах постижения, о познавательном, ценностном, социально-политическом, нравственном и эстетическом отношении человека к миру и о многом, многом другом; 6) оценка на адекватность образа прообразу — эмпирические и теоретические критерии истины. В масштабе исторического времени в ходе ожесточенных споров, а нередко и трагических коллизий (вспомним смерть Сократа и сожжение на костре Джордано Бруно) такая оценка производилась практически всеми — философами и учеными, художниками и политиками, богословами и эзотериками, просто просвещенными людьми и обывателями. И в этом приобщении к оценке на адекватность «всех» — еще одна сторона своеобразия и уникальности философского постижения; 7) деятельность по уменьшению различия образа от прообраза — реализуется она в виде обратной связи с философом, а через него также со средствами и критериями постижения; 8) создание новых более адекватных прообразу философских систем.

С одной стороны, эта деятельность была вполне respectable и обычной (как в других формах общественного сознания) и приводила к разработке все новых и новых философских систем, например, диалектического и исторического материализма в 19 в., системной философии и интегральной веданты в 20 в., с другой сторо-

ны, она имела и некоторый комический оттенок в связи с бурным ростом после философских дождей всякого рода неопифилософских «грибов»: неогегельянства, неодаосизма, неокантианства, нео...конфуцианства, марксизма, пифагореизма, платонизма, позитивизма, рационализма, реализма, схоластики, томизма, фрейдизма и многих других «неоизмов». С третьей стороны, и снова вполне респектабельно и логично, эта деятельность приводила к дифференциации одного и того же философского направления на различные школы и течения: например, буддийского — на школы мадхьямиков (или шуньявадинов), йогочаров (или виджнянавадинов), саутрантиков и вайбхашиков; сократовского — на школы киников, киренскую, мегарскую, элидоэректрийскую, Академию Платона; схоластического — на реалистическое, номиналистическое и концептуалистическое течение и так далее, вплоть до самых крупных направлений материализма, идеализма, дуализма, нигилизма, четырех составных частей философии.

Таковы традиционно-гносеологические элементы философии-системы. Что касается нетрадиционных реинкарнатологических элементов — с 9 по 16, — то они следующие: 9) воплощение-философ. Воплощение не обязательно совпадает с познающим (см., например, Будду с его устными поучениями и его учеников, лишь через несколько столетий запечатлевших его учение в виде книжных текстов; другой пример — Сократ и Платон с его «Диалогами»); 10) воплощаемое (идеальный образ) — философские системы и системы философии; 11) средства воплощения — те же, что и в любых других областях человеческой деятельности, т.е. людские, финансовые, энергетические, материальные; 12) воплощательская деятельность — работа по материальной реализации идеального образа (философских систем и систем философии); 13) воплощенное.

Одни философские реализации у всех на виду и представлены книгами, статьями, институтами, обществами, конгрессами, конференциями философов, философскими журналами, энциклопедиями, справочниками, словарями, разного рода идеологиями. Другие не столь очевидны, потому что они реализованы в науке, технике, искусстве, религии, а посредством них — и в практике. Утверждая так, я имею в виду длинные цепочки вида: 1) философское учение об атоме — физическая теория атома — технические атомные разработки — производство атомных бомб, ледоколов, электростанций, меченых соединений, средств лечения...; 2) философское учение о

развитии — геологические, биологические, социальные, астрофизические, ..., системные концепции развития — прикладные эволюционистские исследования — производство новых сортов растений и пород животных, открытие и разработка месторождений полезных ископаемых; 3) четкая идея древнеиндийского философа — языковеда Панини (5 в. до н.э.) о языке-объекте и его описывающем формализованном метаязыке — идея Рене Декарта о построении дедукции посредством особой науки о порядке и мере — *mathesis universalis* (всеобщей математике) — идея Готфрида Вильгельма Лейбница о *calculus ratiocinator* — универсальном искусственном языке, формализующем рассуждения, — разработка математической логики в 19 и 20 вв. — техническая и производственная реализация в виде многочисленных электронных автоматов — ЭВМ, «искусственного интеллекта», «шахматного компьютера», интернета и т.д. Я ограничусь только этими тремя примерами цепочек реализации. При желании их можно дополнить сотнями других.

Последние три нетрадиционные реинкарнационные элементы — 14) оценка материально реализованного с точки зрения идеала, 15) деятельность по увеличению сходства материального воплощения с его идеалом, 16) новые материальные воплощения. Как и следовало ожидать, историческая оценка материально-воплощенного философского идеала была либо положительной, либо отрицательной, либо нейтральной и в ходе времени она изменялась, иногда неоднократно — вплоть до изменения знака оценки.

В плане признания или непризнания тех или иных философских систем — тех или иных «единственно истинных» философских идеалов — прослеживается следующая исторически закономерная последовательность событий: признание — канонизация — догматизация — насаждение и идеологизация — активное противоборство с другими, даже родственными философскими течениями, притеснения, запреты, осуждения — борьба против самих канонизированных, догматизированных и идеологизированных философских систем и идеалов — более объективная и более спокойная со временем оценка старых идеалов. Что касается «единственно истинных» новых идеалов, то их в дальнейшем ожидает та же «печальная» судьба, что и судьба ими вытесненных старых. И этой логической цикличности нет конца.

Почти однозначно эта закономерная цикличность прослеживается в истории развития ведического, аристотелевского и марксистско-

го мировоззрений. Например, в аристотелевском варианте в виде следующей временной последовательности событий: «Метафизика» Аристотеля — признание современниками — канонизация перипатетической школой — догматизация и идеологизация в средние века в рамках воинствующего европейского христианского религиозного мировоззрения — противоборства с адептами других картин мира, в том числе родственных — платоновских и неоплатоновских — критика канонизированного, догматизированного и идеологизированного Аристотеля философами эпохи Возрождения и Нового времени — ... — возврат к «очищенному» и «подлинному» Аристотелю, более объективная и спокойная оценка его наследия.

Последовательность развития событий марксистского мировоззрения математически изоморфна последовательности развития событий аристотелевского мировоззрения, а обе эти последовательности изоморфны последовательности развития событий самой древней религиозно-философской системы — ведической.

Таковы 16 «первичных» элементов философии-системы — особого рода объекта-системы (постижения-системы). Однако философия как объект-система определяется не только элементами, но и отношениями единства (связями) между ними, а также законами композиции, согласно, подчиняясь которым связи реализуются, а элементы объединяются в целостность.

В качестве отношений единства философии-системы выступают отношения принадлежности и причины-следствия, а в качестве законов композиции — требования получения адекватного прообразу идеального философского образа и его материального воплощения. Даже невооруженным «глазом» видно, что предложенное представление философии в виде философии-системы — совершенно оригинальное и, по существу, первое в ее истории.

В начале пятого этюда я отметил, что Система Философии эксплицируется двояко — в виде философии-системы и Р-системы философии. Представление последней в виде философии-системы реализовано. Поэтому ниже будут приведены наиболее значимые Р-системы философии.

Р-система философии. Признание каждой из 4-х реальностей Бытия — объективной, субъективной, объективно=субъективной, пустой — в качестве единственно возможной или «первичной» автоматически приводит к 4-ем и только к 4-ем логически допустимым мировоззрениям: 1) материалистическому (вульгарные материали-

сты, «научные материалисты», а также чарваки, Демокрит, Бэкон, Маркс, Энгельс, Ленин); 2) идеалистическому (солипсисты — йогочары, Брюнс, Беркли; объективные идеалисты — ведантисты, Платон, Гегель); 3) дуалистическому, признававшему и объективную и субъективную реальности как взаимно паритетные и не сводимые друг к другу (саунтрантики и картезианцы); 4) нигилистическому, отрицавшему существование обеих этих реальностей (мадхьямики и в какой-то степени Дионисий в «Ареопагитиках»). Дифференциация и восточной и западной философии на эти 4 мировоззрения произошла еще до нашей эры. Они образуют своего рода «первичные элементы» мировой философии. Посредством математических размещений или сочетаний этих элементов по 1, по 2, по 3, по 4 могут быть получены собственно 64 или 15 основных и производных мировоззрений. Они-то и являются собой Р-системы философии, которые вполне могут быть представлены и в виде таблиц — наподобие длинной и короткой таблиц химических элементов. Клетки же этих таблиц будут заполнять не химические элементы, а специфические мировоззрения, из которых 14-20 философий уже были разработаны человечеством в течение примерно 3-х тысяч лет, а оставшиеся 40-50 из них еще предстоит создать, по-видимому, тоже в течение нескольких тысячелетий... Есть что ждать!

История мировой философии выявляет еще одну систему — Р=систему форм ее развития из-за строгого ее подчинения требованиям основного закона СФ (закона системных эволюционных и неэволюционных преобразований) как эволюционных и революционных преобразований каждого из 4-х основных мировоззрений, так и их комбинативной изменчивости.

Эволюционные преобразования реализовывались и посредством дифференциации одного и того же философского направления на различные школы (например, буддийского в 1-5 вв. на уже упоминавшиеся школы мадхьямиков, йогочаров, саунтрантиков, вайбхашиков) и посредством модифицирования качественно различных мировоззрений в различного рода «неоизмы» (например, платоновского в неплатонизм, кантианского в неокантианство, марксистского в неомарксизм).

Революционные преобразования демонстрируют все 4 основных мировоззрения, например, в виде следующего исторического ряда: «наивный материализм — атомистический материализм — метафи-

зический материализм — диалектический материализм — системный материализм».

Посредством комбинативной изменчивости возникли, в частности, различные формы непоследовательного материализма и непоследовательного идеализма в виде, скажем, материалистического объяснения явлений природы («материализм снизу») и идеалистического объяснения явлений общества («идеализм сверху», французские материалисты 18 в.).

Еще один факт системности Философии — ее подчинение абсолютно всем законам ОТСУ: например, закону системности, поскольку любая философия действительно философия-система и она действительно принадлежит Р-системе философий, а шире — форм постижения бытия; системным законам соответствия, изоморфизма, симметрии, поскольку между произвольно взятыми философиями Φ_1 и Φ_2 действительно реализованы те или иные отношения системных эквивалентности, изоморфизма, симметрии. Именно из-за этого обстоятельства различные философии реализуют на онтологическом уровне один и тот же архетип — сложную кибернетическую телеологическую систему, что не мешает им же уже на феноменологическом уровне качественно отличаться друг от друга.

И последнее. Только СФ через представления о философии-системе и Р-системах философии адекватно отвечает всегдашнему философскому плюрализму Человечества.

Философия системы или, что то же, системная философия уже изложена в пяти этюдах, связанных друг с другом дискурсивно-логически. Последний раздел 5-го этюда — экспликация главного результата, пятой сущности нового мировоззрения. Квинтэссенция системной философии — это воззрение на Мир — микро-, мезо-, макро-, мега, и т.д. — как на Мир-Систему, Систему систем самого различного рода и самого различного ранга; системно сохраняющихся и системно преобразующихся; как на Систему в одно и то же время, но в разных отношениях организованную и хаотичную, иерархичную и неиерархичную, полиморфичную и изоморфичную, симметричную и диссимметричную, гармоничную и дисгармоничную, противоречивую и непротиворечивую, устойчивую и неустойчивую, с отношениями согласия и несогласия, взаимодействия, одностороннего действия и взаимонедействия. Объекты-системы Мира-Системы должны обязательно обладать и обладают целостными, нецелостными, целостно-нецелостными, «небытийными» свойствами

ми; в них всегда должны быть реализованы все или часть форм изменения, развития, сохранения, действия, отношения.

Онтология Философии-Системы — новое учение о Системе Бытия и Бытии Системы; ее интеллигентология («системная гносеология») — также новые учения о Системе Постижения и Постижении Системы. Системная философия качественно отличается от других философских систем, поскольку характеризуется специфическими предпосылками, основными понятиями, категориями, законами, С-принципом, С-идеалом, С-методом, С-парадигмой, С-учениями. В то же время Философия Системы есть философия Системы Философии, в частности, она — единственная, которая содержит Р-системы мировоззрений существовавших, существующих, возможных в будущем, и которая тем самым автоматически отвечает всегдашнему философскому плюрализму Человечества.

Для меня большую, иницирующую роль в создании нового мировоззрения как главного ориентира, стратегического средства и основы нового мироустройства сыграл Иван Иванович Остроухов. Ему-то я посвящаю системную философию.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 96-03-04525.

Экология сознания и философия здоровья человека и общества

Е.В. Ушакова, к.филос.н., Алтайский государственный университет, Барнаул

Конец XX века характеризуется целым рядом кардинальных изменений в жизни человека и общества. Перед человечеством встает важнейшая футурологическая проблема выбора наиболее оптимальных путей развития будущей цивилизации. Выдвигаются разные концепции и модели будущего развития, среди которых, по нашему мнению, наиболее обоснованной и реалистической является концепция ноосферы. Согласно ноосферной концепции, важнейшую роль в будущей цивилизации будет играть духовный фактор, сознание, определяющее саму суть человека и общества. Главным станет приоритет духовных потребностей при разумном ограничении материальных на базе всемерной экологизации научно-технического про-

гресса, с учетом реальных возможностей природы для удовлетворения материальных потребностей людей. Приоритет духовного фактора в социальной эволюции обосновывается, в частности, тем, что именно сознание, духовность представляют атрибут человека, отличают его от животного, а степень их развития во многом определяет и уровень всего социального прогресса [1].

Полагаем, что сознание может стать ведущим фактором ноогенной цивилизации лишь в том случае, если само изменится качественно, превратившись в новую, высшую форму (**ноосферное сознание**), более гармоничную и совершенную, чем преобладающая в настоящее время форма — **техносферное сознание** техногенной цивилизации. Характерными чертами техносферного сознания являются: узкая специализация, локальность в мышлении, предельная рационалистичность, прагматичность, антропоэгоцентризм, преимущественно потребительское отношение к миру, с резким преобладанием материальных потребностей над духовными. Ноосферное сознание, напротив, предстает как наиболее гармоничное и целостное с развитием всех своих сторон — эстетической чувственности, интуитивности, научной рациональности, высоко развитой нравственности, как альтруистическое, экологичное, то есть как целостное и космопланетарное, направленное на установление гармонии в человеке, в обществе, во взаимосвязях с природой планеты и с Космосом, на базе всемерной экологизации достижений научно-технического прогресса [2].

На рубеже веков и тысячелетий мы сталкиваемся с сосуществованием, а часто и с противоборством во многом противоположных форм сознания — уходящего техносферного и нарождающегося ноосферного. Поэтому для реального продвижения человечества к будущей цивилизации необходимо особое внимание обратить на условия становления лучших, важнейших характеристик ноосферного сознания, а также на наличие дисгармоничных, разрушительных характеристик уходящего техносферного сознания, искажающих, деформирующих саму сущность человека. При рассмотрении данной проблемы мы выходим на общую характеристику всех открытых, живых, диссипативных, то есть активных, систем, которую можно охарактеризовать как **экологичность активной системы**. Суть ее заключается в том, что любая активная открытая система связана материальным (вещественным и энергетическим) обменом с окру-

жающей средой, постоянно поглощает из среды необходимые вещества, и энергии и выделяет в нее продукты жизнедеятельности.

При рассмотрении человека как активной открытой системы можно сказать, что ему присущи два типа материального обмена со средой: 1) вещественный обмен со средой, осуществляемый прежде всего в процессе питания и дыхания, формирующий телесную часть организма (теоретически и практически он широко исследуется в экологии тела человека); 2) энергоинформационный обмен со средой, связанный с развитием, совершенствованием сознания, то есть духовной части организма человека (теоретически и практически он может исследоваться в экологии сознания, а более широко — в экологии души человека). Если с онтологических позиций рассматривать природу, сущность психики и сознания человека, то последнее предстает как сложнейшая энергоинформационная система, которая в онтогенезе, после рождения человека, в процессе воспитания, образования, накопления жизненного опыта индивида развивается, все более совершенствуется благодаря постоянному энергоинформационному обмену с окружающей средой. Принимая данный онтологический подход к субъективному в человеке, мы рассматриваем сознание как сложнейшую открытую активную энергоинформационную систему субъективной реальности, находящуюся в постоянном энергоинформационном обмене со средой. По-видимому, с онтологических позиций психика, сознание имеют электромагнитно-вакуумную природу [3]. Отметим, что в последнее десятилетие в области естественных наук формируется ряд интересных концепций о вакуумной энергоинформационной природе сознания [4]. Тогда, с указанных позиций, базируясь на общих свойствах открытых систем, можно говорить **об экологичности сознания** как открытой активной энергоинформационной системы. Следует отметить, что в 90-е гг. уже появился ряд публикаций по **экологии сознания**, по **экологии души** в основном в литературе по педагогике, психологии и философии образования [5]. Считаем, что это новое, перспективное, теоретически и практически необходимое направление, имеющее под собой прочную онтологическую основу.

К открытым активным системам применимы принципы оптимизации, широкое философско-теоретическое осмысление которых осуществляется в новом общенаучном и философском направлении — оптимологии, а также в гомеостатике [6]. Теоретический анализ оптимологических закономерностей применительно к экологичности

открытых активных систем позволил нам выделить основные режимы работы активной системы и основные виды управления системой. К режимам работы системы относим следующие. 1. Истощающий, неоптимальный режим, при котором система постоянно получает веществ и энергий меньше, чем расходует; в результате этого она все более расходует собственные внутренние резервы, истощается и в итоге погибает (если данный режим не снимается). 2. Нормальный, оптимальный, валеологический режим, при котором веществ и энергий поступает примерно столько же, сколько расходуется (плюс ресурсы на развитие); в результате система существует в состоянии здоровой жизнедеятельности, саморазвития. 3. Избыточный, неоптимальный режим, когда веществ и энергий в систему постоянно поступает больше, чем расходуются. На первый взгляд, это наиболее благоприятный режим жизнедеятельности. Но на самом деле, он также не оптимальный, поскольку система перегружается избытком веществ и энергий и в итоге саморазрушается изнутри. Полагаем, что О.С. Разумовский вполне справедливо выделяет два важнейшие полярные направления — оптимологию и дезоптимологию, отражающие, соответственно, закономерности оптимального, здорового состояния и напротив, неоптимального, конфликтного, распадного состояния систем [7].

Следует учесть также, что в социосфере постоянно действует субъективный фактор и активная преобразующая деятельность человека, разнообразно изменяющая социальные и природные системы. Тогда при рассмотрении экологичности систем необходимо выделить и основные виды управления, к которым мы относим следующие. 1. Развивающее управление — такое целенаправленное воздействие на систему, при котором она хорошо развивается, совершенствуется (например, педагогическое воздействие). 2. Стабилизирующее управление — такое целенаправленное воздействие, при котором система входит в гомеостатический, стабильный режим существования (например, организация здорового образа жизни). 3. Разрушающее управление — целенаправленное воздействие, разрушающее систему (например, воздействие преступной среды на человека и общество, деструктуризация экологически вредных производств). В целом развивающее и стабилизирующее управление вводят систему в оптимальный режим существования, а разрушающее управление — в неоптимальные режимы, истощающий или избыточный, или комплексно, в оба режима одновременно, но по разным пара-

метрам, с угнетением обменных процессов в одних частях системы и с перегрузкой в других.

Разворачивая тезис об экологичности сознания и раскрывая поставленные проблемы экологии и оптимологии–дезоптимологии сознания, мы приходим к выводу о важнейшем значении **качественного состояния энергоинформационной среды**, в которой существует человек и осуществляется социальный прогресс. Полагаем, что данная проблема весьма актуальна в связи с резким усложнением социальных и социоприродных взаимодействий во второй половине и особенно в конце XX века, с появлением массы экологических противоречий, с перегружающим стрессовым и болезнетворным воздействием среды на психику и сознание людей и с реальным приближением духовной и экологической катастрофы [8]. А потому решение данной проблемы не терпит отлагательства. По нашему мнению, она открывает широкие перспективы для новой теоретической и практической области — экологии сознания и души человека, духовной экологии общества. Приведем лишь основные типологические характеристики среды для существования сознания.

Энергетические характеристики. Хотя они часто не учитываются в праксеологии сознания, однако оказывают непосредственное воздействие на психику и сознание человека. Ключевое значение в исследовании экологичности сознания играют рецепторы органов чувств, которые, согласно кибернетическим представлениям, обеспечивают «вход» энергий и информации в сознание на границе раздела фаз «объективное–субъективное». Разнообразные энергоинформационные воздействия, идущие от предметов из окружающей среды (объективное), воспринимаются (поглощаются) рецепторами органов чувств, формируют в последних энергетические импульсы или энергоинформационные сигналы. От рецепторов по нервам (тканевым проводам организма) в мозг поступают электрические импульсы, которые уже на информационно-субъективном уровне представляют собой энергетически отраженные признаки предметов окружающего мира. Когда от предмета, за счет работы разных органов чувств и анализаторов, поступает целый ряд разнообразных энергоинформационных импульсов, в мозгу появляется ряд активных энергетических точек. Первичная энергоинформационная самоорганизация в психике и сознании приводит к тому, что между такими активными точками закономерно осуществляется процесс энергетического взаимодействия с образованием в мозгу человека

первичной, простейшей энергоинформационной системы восприятия, как целостной энергокопии, энергоголограммы воспринятого предмета. А далее идет целый ряд все более усложняющихся синергетических процессов, с самоорганизацией все более сложных энергосистем чувственного познания — воображения, рационального, интуитивного познания и т.д. [9].

Таким образом, в экологии сознания необходимо исследовать энергетические характеристики на «входе», то есть при их воздействии на органы чувств. А если энергетический фактор является проникающим (подобно проникающему радиоактивному излучению), то есть сразу на психику, минуя обычные нервные пути, то следует учитывать и такое воздействие, как, например, проникающее низкочастотное, вызывающее дезорганизацию психики и сознания, явившееся основой для разработки психотронного оружия [10]. Для каждого рецептора органов чувств существуют свои оптимальные и неоптимальные параметры энергетических воздействий, влияющих как на психику, на сферу бессознательного, так и на сознание.

Общий подход заключается в том, что неоптимальное занижение необходимого энергетического фактора блокирует работу органов чувств, в целом направляет деятельность сознания в истощающий режим работы, приводит в итоге к частичной или полной деградации сферы сознания, особенно в период активного интеллектуального развития у детей, подростков и молодежи. Например, для органа зрения это освещенность при чтении, визуальных наблюдениях: снижение данного энергетического фактора приводит к невозможности восприятия зрительной информации из окружающей среды; для органа слуха — понижение громкости звука и т.д. Напротив, неоптимальное завышение энергетического фактора приводит в итоге на входе к разрушающему воздействию на воспринимающую систему рецепторных клеток, а в психике и сознании создает избыточный неоптимальный и разрушительный режим работы (в виде стрессов, неврозов, а в тяжелых случаях и психических заболеваний). Например, свехяркий свет вызывает слепящее воздействие, болезни глаз, а в психике формирует стрессовое или болезненное состояние: вспомним широко освещавшееся в печати сообщение о массовом эпилептическом поражении психики детей в Японии при просмотре мультсериала, с показом в нем свехярких сменяющихся полос. Аналогично действуют и свехмощные звуки, например, в тяжелом роке, производственные шумы и т.д. Важное значение в экологии

сознания играет и такой энергетический фактор, как скорость поглощаемых энергий и информации, которая должна быть адекватна скорости процессов энергоинформационного преобразования в психике и сознании человека, с учетом возрастных, образовательных и других характеристик. А неоптимальные скоростные параметры ухудшают или даже блокируют работу сознания. Например, очень быстро поданная (даже весьма важная или интересная) информация усваивается лишь частично или вообще не усваивается. При очень медленно идущей информации внимание рассеивается и ее усвоение также блокируется. Таким образом, даже «чисто энергетические» характеристики энергоинформационной среды играют важнейшую роль в экологии сознания, влияя в целом на качество психики и сознания человека.

Кроме энергетических факторов среды, ведущее значение имеет информация, циркулирующая в определенной социальной среде и воспринимаемая субъектом. Внешняя информация окружающей среды, воспринимаемая субъектом, становится информацией субъективного мира человека и в значительной мере определяет качество его сознания, здоровье или нездоровье его духовного мира. Поэтому экологическое значение информации как определенных сведений, знаний, чувств и мыслей о чем-либо, имеет важное значение. По характеру воздействия на субъект можно выделить основные типы информации: 1. Полезная информация, практического, образовательного, эстетического или нравственного содержания; это валеологичная, духовная и иная информация, помогающая человеку верно самоопределяться в окружающем мире, войти в режим творческой активности сознания и эффективной практической деятельности. 2. Информационный мусор — бессистемная, малозначимая информация. Она не обеспечивает творческого развития и роста личности, а накапливаясь в сознании в большом количестве, засоряет его, препятствуя усвоению полезной информации. 3. Разрушительная информация, содержащая дисгармоничные, разрушительные образы, сведения и мысли; в целом дезорганизует работу сознания и разрушает его изнутри. Данная информация оказывает патогенное воздействие на сознание и душу человека. Например, сцены насилия, разрушения предметов содержат массу исходящих от них отрицательных (разрушительных) энергий. При накоплении большого (критического) значения таких отрицательных энергоинформационных воздействий

в сознании начинается самопроизвольная цепная реакция его самораспада, приводящая к разрушению и патологиям личности.

Практически необходимо знать не только оздоравливающие и формирующие сознание факторы энергоинформационной среды, но и комплекс дезоптимизирующих энергоинформационных воздействий, особенно в условиях противостояния эгоцентричного техносферного и космопланетарного ноосферного сознания. К дезоптимизирующим энергоинформационным факторам можно отнести следующие. 1. Информационное блокирование сознания — создание истощающего или закрытого режима для полезной информации, при которой нормальное развитие психики и сознания прекращается. 2. Информационная дезориентация сознания — наполнение энергоинформационной среды информационным мусором, блокирующим верную ориентацию субъекта в окружающем мире. 3. Дезинформация — особая форма дезориентации личности, целенаправленно наполняющая энергоинформационную среду неверными, лживыми сведениями о чем-либо. 4. Информационное насилие — насильственное встраивание в поток необходимой, полезной информации фрагментов информационного мусора или разрушительной информации (например, визуально не наблюдаемый эффект 25-го кадра с особым содержанием на киноплёнке, встраиваемые рекламные фрагменты и т.п.). 5. Информационное разрушение сознания (с помощью разрушительной информации). 6. Энергетическое разрушение сознания (с помощью разрушительных энергий социоприродной среды) и т.д. Комплекс большого количества вредных дезоптимизирующих факторов в энергоинформационной социоприродной среде делает ее патогенной для психики и сознания человека.

Таким образом, неоптимальные, энергоинформационные воздействия на сознание можно характеризовать как вредные факторы окружающей энергоинформационной среды. А наиболее разрушительные из них следует отнести к разряду энергоинформационных ядов, крайне опасных для здоровья психики, сознания, человека в целом, подобно тому, как вещественные яды, поступающие в организм в процессе питания или дыхания, крайне опасны для телесного здоровья человека и отнесены к разряду особо опасных, экстремальных социально-экологических факторов. Поэтому необходим соответствующий экологический контроль не только вещественной, но и информационно-энергетической социоприродной среды, с разработ-

кой научно обоснованных параметров по основным факторам энергоинформационного воздействия.

Полагаем, что путь к ноосферному сознанию и к ноогенной цивилизации невозможен без теоретической и практической разработки целостной, **ноосферной экологии человека**, как интегральной **экологии тел и экологии души (психики и сознания) человека**. А социальная экология общества должна выйти на **ноосферную экологию общества (ноосферную социальную экологию)**, как на синтез **экологии материальной жизни и экологии духовной жизни**.

Более пристальное философско-научное рассмотрение предмета экологии сознания, души и духовного в человеке и обществе приводит к другой, не менее важной для человечества проблеме — к **проблеме здоровья человека и общества**, не только в более конкретно-научном, валеологическом аспекте, но и в более широком, системном, общенаучном и философском плане. Такой более общий подход к проблеме здоровья с позиций философского и общенаучного знания органически дополнил бы конкретные валеологические науки и обеспечил бы человеку комплексные, практически необходимые знания. Обозначим отмеченный философско-общенаучный валеологический раздел знания как **философия здоровья**. Как нам кажется, данное понятие в целом отражает предельно общее содержание и сущность предмета. В него мы включаем три основных блока: философию здоровья 1) человека, 2) общества и 3) природы. Полагаем, что решение проблем выживания человечества на планете, стратегия построения новой ноогенной цивилизации с максимальной гармонизацией социальных отношений, предотвращения локальных и глобального экологических кризисов невозможно без решения глобальной проблемы здоровья общества, природы и человека, без экологии сознания и духовной жизни, без философии здоровья.

Литература:

1. Образованная Россия: Специалист XXI века. Проблемы Российского образования на рубеже третьего тысячелетия. Тезисы и доклады. СПб, 1997; Бобров М.Я., Ушаков П.В., Ушакова Е.В. Причины, пути и перспективы антропоного движения в социологии и философии XX века. Барнаул, 1996; Субетто А.И. Системологические основы образовательных систем. Ч. 1, 2. М., 1994; Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). М., 1994; Философия образования. Сб. статей. Барнаул, 1995; Философия образования. Сб. статей. М., 1996; Эволюция: человек и образование. Материалы конгресса. Новосибирск, 1996.

2. Ушакова Е.В. О сознании эпохи ноосферы // Аналитика сознания. Барнаул, 1998; Она же. Экология человека и ноосферное сознание // Экология человека: духовное здоровье и реализация творческого потенциала личности. Т. 2. Ч. 1. Новосибирск, 1998.
3. Ушакова Е.В. Общая теория материи. Ч. 2-3. Барнаул, 1992: ч. 2, с. 210-252; ч. 3, разд. 1, с. 99, 191-203, 242-275; ч. 3, разд. 2, с. 7-25.
4. Акимов А.Е. Эвристическое обсуждение проблемы поиска дальнодействий. М., 1991; Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1989; Шипов Г.И. Теория Физического Вакуума. М., 1993; Сознание и физический мир. М., 1995, и др.
5. Московский А.В., Мирзалис И.В. Сознание и физический мир: Разд. 13. Экология сознания // Сознание и физический мир. М., 1995; Ромашина С.Я. Экология сознания детей дошкольного и младшего школьного возраста как психолого-педагогическая проблема // Пути формирования нравственных основ личности школьника. Проблемы. Методики. Опыт. Барнаул, 1997; Янковский В.М. Создание новой духовно-социальной среды // Эволюция: человек и образование. Новосибирск, 1996.
6. Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем. Новосибирск, 1990; Горский Ю.М. Системно-информационный анализ процессов управления. Новосибирск, 1988; Горизонтов П.Д. Гомеостаз. М., 1976; Разумовский О.С. Закономерности оптимизации в науке и практике. Новосибирск, 1990.
7. Разумовский О.С. Оптимология и теория устойчивого социального развития // Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. Ч. 1. Новосибирск, 1994.
8. Казначеев В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование. М.–Кострома, 1997; Национальный конгресс по профилактической медицине и валеологии. СПб, 1996; Субетто А.И. Бессознательное. Архаика. Вера. СПб — М.-Луга, 1997.
9. Ушакова Е.В. Указ. соч. Ч. 3, разд. 1, с. 246-258.
10. Винокуров И.В. Психотронная война. М., 1994.
11. Сидоркин Ю.М., Лебединская Н.А., Левин В.Н. Экология сознания // Экология человека: Духовное здоровье и реализация творческого потенциала личности. Т. II. Ч. 1. Новосибирск, 1998.

Медитативное сознание как теоретическая проблема

П.В. Ушаков, Алтайский госуниверситет, Барнаул

Конец двадцатого века характеризуется нарастанием глобальных проблем — экологических, социальных, психологических и ряда других. Особенно остро стоит проблема, связанная с воздействием на сознание и манипуляции с ним. Система развитых средств информации, педагогическая система, семья и социальное окружение оказывают мощнейшее воздействие на субъективный мир людей. Это, наряду с положительным эффектом, порождает и массу отрицательных изменений сознания и психики. В результате последних возникают различные неврозы, психозы, неадекватное, девиантное

поведение и т.д. Формируются стереотипы общественного сознания и поведения, в основном экстравертного поверхностно-коммуникабельного типа.

Нарастание негативных последствий в сфере психических и духовных процессов приводит к потребности значительной коррекции сознания и поведения многих людей. Это обуславливает широкое распространение различных школ и направлений психотерапии, релаксационной терапии, транстерапии и пр., деятельность которых направлена на попытки улучшения психического здоровья людей. Кроме того, в современном обществе появляется огромное количество религиозных сект и объединений, ставящих своей задачей пропаганду особых практик духовного саморазвития, также с целью излечения людей, совершенствования их морального и нравственного облика. Особое место в этих практиках занимают **методы медитации** и связанные с ними практики, которые и являются предметом нашего исследования.

В настоящее время имеется обширная литература по медитации, разных авторов (Голмен, Гроф, Каптен, Тарт, Торчинов, Уилбер, Элиаде и др.)¹. Но, как правило, в этих работах раскрывается лишь описательная часть методик и лишь отчасти характеризуются особенности медитативных воздействий на человека. Теоретический же анализ медитативных процессов носит во многом односторонний характер. Это проявляется или в концентрированности теоретика на какой-то отдельной практике, или, напротив, в таком широком обобщении, при котором теряется специфика и цели медитации в разных аскетико-мистических течениях.

В связи с практической актуальностью и далеко не достаточным теоретическим осмыслением проблемы медитации, нами проведен определенный **философский анализ медитативных состояний в разнообразных аскетико-мистических религиозных практиках (АМРП)**. Это обусловлено тем, что медитация как особый метод совершенствования сознания и организации поведения человека сформировалась и развилась именно в данных практиках. Проведенное

¹ См. работы этого направления, изданные в последнее время: Голмен Д. Многообразие медитативного опыта. Киев, 1993; Гроф С. Космическая игра. М.; 1997; Джемс В. Многообразие религиозного опыта. СПб, 1993; Каптен Ю. Основы медитации. Самара, 1994; Классическая йога. М., 1992; Конзе Э. Буддийская медитация. М., 1993; Тарт Ч. Пробуждение. М.; 1996; Уилбер К. Проект Атман: трансперсональный взгляд на развитие человека. М.; 1997; Хемфрейс К. Концентрация и медитация. М.; 1994 и др.

исследование показало, что вначале необходимо рассмотреть особенности той культурной среды, в которых развивались та или иная АМРП.

Практики, связанные с медитативными приемами самосовершенствования, развивались практически во всех мировых религиозно-философских течениях. В русле данных течений, наряду с общим широким мирским движением, существовало также значительно более узкое, отшельническое направление. Именно оно и являлось тем центром, где формировались и углублялись практики религиозного совершенствования, или АМРП.

К АМРП, прежде всего, относятся: православный исихазм, духовные упражнения св.Игнатия Лойлы в католической традиции, суфизм в исламе, каббализм и хасидизм в иудаизме, бхакти-, тантра-, кундалини- и аштанга-йога в индуизме, нэй-дань в даосизме и, естественно, огромное количество разнообразных медитативных практик в буддизме, начиная от буддизма тхеравады и заканчивая ваджраяной².

Проведенное сравнительное исследование показало, что все практики носили выраженный целенаправленный характер. Целью данных движений было углубление религиозного опыта с помощью определенных религиозных упражнений и действий.

Нами выделены общие характеристики АМРП, присущие всем изучаемым практикам. К ним мы относим следующие: 1) **ситуация** (мировоззренческий контекст); 2) **этическая установка**; 3) сам **процесс делания**, нацеленный на достижение святости или **просветленности**. Проанализируем каждую характеристику АМРП в отдельности.

Ситуация (мировоззренческий контекст духовного делания). Здесь мы говорим о мировоззренческой ситуации, в которой находится практикующий человек, о его отношении к себе и окружающему Миру. К этому мировоззренческому контексту-ситуации можно отнести: взгляд на бытие в целом, сформированный данной традицией; понимание места и роли человека в окружающем мире; социальные стереотипы поведения и деятельности; сложившиеся представления о телесной и духовной составляющей в человеке и их взаимосвязи. Особенно следует отметить фактор свободы выбора

² См., напр.: Авалон А. Змеиная сила. М.; 1997; Малявина В.В. Молния в сердце. Дух пробуждения в китайской традиции. М., 1997; Хоружий С.С. Диптих безмолвия (Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении). М., 1991 и др.

человека и действия, т.е. установки на то, что человек волен оставаться в прежнем состоянии или же преодолевать обыденность и достигать более возвышенных состояний. Главные элементы деятельности и знания АМРП можно подразделить на несколько следующих видов.

1. Знание о потенциале духа, дремлющего в человеке. Общее понятие о духе и о его связях с телом. 2. Знание и осознание Бога и божественного присутствия. Представление об основных ипостасях Божественного начала: а) Бог как безликая, безатрибутная, пронизывающая весь мир, но не тождественная миру творческая сила (преимущественно восточные учения); б) Бог персонифицированный и личный, обладающий атрибутами и творящий мир, поддерживающий его и проявляющийся как в мире, так и в человеке (преимущественно западная иудео-христианская традиция). 3. Осознание как возможной полноты, так и пустотности бытия, причастности человека к ним. Иллюзорность повседневного эго, нацеленность на видение мира таковым, каков он есть на самом деле. Понятие микрокосма и макрокосма, взаимозависимость их строения и функционирования. 4. Знание о совершенных мистических способностях тела и психики, способах их пробуждения и управления, связанных прежде всего с образом Учителя.

Отмеченные основные элементы знания в АМРП служат стимулом подвижничества, формируя целевые установки деятельности. Без них не обходится ни одна практика. Но интенсивность ее может возрасти с нарастанием усилий самого адепта, укреплением его личной веры.

Этическая установка. Она является важнейшей подготовительной основой для всех АМРП. Здесь главным становится достижение определенных эмоциональных и чувственных состояний адепта. Это могут быть не только сугубо религиозные моральные принципы, но также и светские. Выделим следующие важнейшие этические установки.

1. Любовь к Богу и человеку. Любовь как высшее чувство является одним из самых сильных эмоциональных стимулов в АМРП. Во многих из них она является финальной целью всей деятельности. 2. Самоотверженность и ненасилие. Данная установка проходит лейтмотивом во многих АМРП. 3. Сострадание и сочувствие всему живому. Эти качества являются базовыми и подразумевают способ-

ность сопереживать окружающему. 4. Духовная чистота. Она является необходимым условием успешного осуществления практики.

Делание, или праксис. Это центральная характеристика любой АМРП. Она осуществляется в виде последовательных этапов деятельности, в результате которых достигаются высшие медитативные состояния. Это занимает обычно несколько лет жизни адепта, в результате чего происходит практически автоматическое достижение нужных состояний сознания. Для того, чтобы устранить путаницу, возникающую при рассмотрении этого главного типа деятельности, нами выделены следующие уровни медитативного праксиса.

Первый уровень — психосоматический. Он касается воздействия на физическое тело и психоматику. Здесь осуществляется целевое воздействие посредством особых положений тела на внутренние органы, на процессы дыхания и сердцебиения. Наиболее разработанные практики телесных поз, влияющих на физическое здоровье, и методики сознательного сосредоточения на физиологических процессах мы находим на территории Индостана. Количество поз в них огромно. Данные позы служат не только для укрепления физического здоровья, анализа физических ощущений и отстранения от них, но и являются определенными символическими образами, помогающими адепту вообразить определенное состояние и вжиться в него. На этом уровне используются также динамические фигуры и действия. Особенно в традициях дзенских и даосских школ (тайцзицунь, цигун, боевые искусства типа ушу и т.д.). Существуют и методы, связанные с танцами и музыкальным сопровождением, как, например, в суфизме и в индуизме.

Особое значение придается дыханию. Важность и ценность этого процесса заметили еще в древности. Оно давало возможность влиять на процессы внимания и регулировать психическое самочувствие. Увеличение и понижение интенсивности дыхания, продолжительности вдохов и выдохов и т.п. используется адептами практически всех АМРП — как на Западе, так и на Востоке. Своеобразным ритмом, посредством которого «настраивается» дыхание, выступает сердцебиение. Концентрация на деятельности сердечной мышцы и связь этой деятельности со всем человеческим существом являлись основой многих дыхательных практик. Все отмеченные методы служили для сознательного контроля чувственной и физической составляющими человеческого организма и представляли особый способ достижения бесстрастия (в религиозном понимании).

Второй уровень праксиса — психотехнический. Это наиболее сложная область самосовершенствования. Основным компонентом здесь является внимание или внимательность. Хотя внимание присуще всем видам деятельности человека, здесь оно приобретает особую, сверхволевую окраску, охватывая по сути все существо человека. Здесь мы переходим к основному процессу медитативного делания: это концентрация, или фиксирование внимания на определенном объекте. По сути (в европейской терминологии) это и есть **медитация**, или **сосредоточение**. В классических йогических текстах этому соответствует термин «**дхарана**».

Под **объектом** концентрации понимается **предмет**, на который особым образом направлено сознание медитирующего адепта. Объекты концентрации могут сильно варьироваться, представляя предметы или внешнего (объективного), или внутреннего (субъективного) сосредоточения.

Значительно различается также интенсивность практики. Можно выделить как относительно мягкие по активности воли, так и более жесткие АМРП. Когда техника концентрации становится более совершенной, наступает **собственно созерцание**, или **медитация**. В классических текстах это определяется как «**дхияна**». Здесь интенсивность внимания резко увеличивается, а роль воли снижается. Объект концентрации фиксируется вниманием уже как бы самопроизвольно, без участия волевых усилий.

В процессе углубления медитативного сосредоточения объект становится все более прозрачным и понятным. Наступает такой момент, когда объектом начинает выступать сам процесс медитации, неотделимый от самого предмета, на который он направлен. Затем приходит черед следующего этапа, определяемого как **контемплация**, а в йогических текстах как **самадхи**.

При этом отмечается потеря собственного эго и осознания собственного глубинного я. Объект сосредоточения охватывает уже все сознание и кроме него ничего не существует, сознание как бы окрашивается этим объектом. Это состояние классически делится на два уровня: когда еще сохраняется дискурсивная и рефлексивная деятельность сознания (дихотомия психического акта и предметности, выбор объекта интеллектуальной деятельности, определенный взгляд на мир), и когда чувство эго исчезает полностью, адепт перестает отождествлять себя со своими конечными мыслями, эмоциями, чувствами. Это и есть конечная цель: объект и субъект, психический

акт и предмет этого акта сливаются воедино. Наступает освобождение сознания адепта от предрассудков и ложных разделений обыденной психической установки.

Важно отметить в АМРП особую роль духовного наставника и духовного ученичества. Практически во всех практиках первоочередной фигурой выступает учитель, который определяет для ученика цель практики, метод, анализирует ощущения ученика и в прямом смысле наставляет на путь истинный.

Проведенный анализ позволяет нам дать следующую общую характеристику медитации. **Медитация** — это специфический субъективный процесс, при котором наблюдается непрерывное течение сознания к определенному объекту, до полного в нем растворения, и связанное с ним особого рода интуитивное постижение сути объекта. Происходит естественное углубление образа действительности в целом, при котором объект и субъект сливаются воедино и человек непосредственно переживает целостность бытия. Весь окружающий мир как бы преломляется через его собственный субъективный опыт, становится частью самого человека. Вследствие этого возникает особое сочувствие и сопереживание всему окружающему.

Как результат — формируется гуманное и доверительное отношение ко всему сущему — к людям, к обществу, к природе, столь необходимое для гармонизации социоприродных отношений на рубеже третьего тысячелетия.

Здесь возникает особо сложная проблема творческого освоения АМРП на данном этапе развития цивилизации, где учитывались бы как рациональные достижения современной науки, так и специфика национально-культурного контекста при попытках практического использования медитативных психотехник.

Мораль как фокус эволюции сознания

И.В. Фотиева, АГИИК, Барнаул

Можно без преувеличения сказать, что из всех аспектов сознания человека наименее изучено моральное сознание. Это, очевидно, не только теоретический, но и важнейший практический вопрос — вопрос нравственного выбора, и не случайно он находился в фокусе

всей русской литературы. Герой Достоевского в «Подростке» спрашивает: «Да зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество... Нет ничего труднее, как ответить на вопрос: «Зачем непременно надо быть благородным?» Вы говорите: «Разумное отношение к человечеству есть тоже моя выгода», а если я нахожу все эти разумности неразумными?.. Да черт мне в них, и до будущего, когда я один только раз на свете живу!»

И от того, как сегодня отвечает на этот вопрос большинство людей, без преувеличения, зависит само существование человечества. Все чаще предсказываемый глобальный кризис западной потребительско-техногенной цивилизации напрямую связан с моральной ориентацией каждого человека. Какие бы политические, экономические, социальные, экологические программы ни были приняты, исполнение их всегда зависит от конкретных людей, и в первую очередь от их нравственной ориентации, гражданского чувства, ответственности и так далее. Недооценка этого простого факта многими учеными, социальными и политическими деятелями отражает недостаточную изученность сферы морали и специфики морального сознания, несмотря на многовековую историю развития этической мысли. В частности, основной вопрос этики — о природе морали — как правило, остается в стороне в практических исследованиях, хотя очевидно, что то или иное его решение напрямую должно влиять на методику исследований и интерпретацию результатов. В итоге выработанные схемы оказываются мало применимыми к практике. И вполне закономерно в современной педагогике нравственное воспитание как система, не подкрепленное теорией, практически исчезло. Показательна также ориентация некоторых психологических школ на принципиальное разделение психологии и нравственности: нравственность в ее упрощенном понимании выглядит здесь чем-то условным и даже инородным.

Необходимо на новом научно-философском уровне поставить ряд вопросов, берущих начало еще в древности. Первый и основной из них: какова природа морали, объективен ли моральный закон, или, прирождена ли мораль природе человека. Основные этические концепции, при всем многообразии, можно разделить на два типа, в зависимости от ответа на этот вопрос. Первый тип постулирует объективность морального закона, являющегося, соответственно, и законом природы человека — либо ее биологической составляющей, либо духовно-трансцендентной, если таковая признается. Вторая

группа в целом сводит мораль к правилам, выработанным обществом для примирения индивидуальных и общественных интересов и меняющимся в зависимости от эпохи, экономических, социальных и иных условий. Очевидно, что практические выводы из этих двух позиций будут принципиально разными. На второй из них логически можно обосновать моральный произвол, право сильного и пр., о чем с такой остротой и точностью писал Достоевский. Тем не менее, она более популярна, особенно в обыденном сознании. Вплоть до последнего времени этот основной вопрос этики решался почти исключительно в сфере философии.

Но сейчас накапливаются данные, на основании которых можно говорить о привлечении естественных наук к его решению. Во-первых, это данные социобиологии, проявления пра-моральных задатков у животных, или так называемых социальных инстинктов. Многие выводы социобиологии подверглись справедливой критике философами-этиками за неоправданные обобщения и этический редукционизм. Но здесь нельзя выплескивать с водой и ребенка. Многие этологи говорят о том, что некоторые аспекты поведения вышших животных невозможно объяснить без предположения о наличии у них зачаточных морально-оценочных структур психики. В других работах (1) на основе сравнительного анализа множества данных — экономических, демографических показателей, данных о преступности, психических и нервных расстройствах ряда стран делается вывод о прямой связи нравственного состояния общества с общим уровнем «качества жизни».

Все большее число доказательств дает современная психология. Так, А. Леонтьев пишет: «Особое место в теории мотивов деятельности занимают открыто гедонистические концепции, суть которых состоит в том, что всякая деятельность человека подчиняется принципу максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций... Несостоятельность их состоит... не в том, что они преувеличивают роль эмоциональных переживаний в регулировании деятельности, а в том, что они упрощают реальные отношения. Эмоции не подчиняют себе деятельность, а являются ее результатом и механизмом» (2). Эту позицию развивает в своих работах В. Франкл. Обобщая свою богатую практику психотерапевта, он делает вывод о том, что переживание счастья неразрывно связано с самотрансценденцией человека, приобщением его к миру, другим людям в акте творческого давания, вложенности в другого человека, в любимое

дело, иными словами — антагонистично эгоизму. Этому очень близка позиция другого крупнейшего психотерапевта-философа Э. Фромма. Можно упомянуть Р. Ассаджиоли, создателя практики психсинтеза, направленной на восстановление внутреннего единства личности с опорой на ее духовно-нравственный фундамент, использовавшего в своей практике восточные философские воззрения на природу человека. Одна из самых известных психоаналитиков К. Хорни пишет: «Теперь все больше и больше признается, что действительная причина ... психических расстройств лежит в нарушениях характера... Мы живем в культуре соперничества и индивидуальности» (3). Это способствует, по К. Хорни, формированию соответствующих черт характера — черт, которые с точки зрения морали оцениваются как негативные, а с позиций психологии порождают неврозы. В другой своей работе она связывает некоторые виды неврозов с неспособностью любить, т.е. «спонтанно отдаваться другим людям, делу или идее, вместо того, чтобы в эгоцентрической манере подгрести все под себя» (4).

Обобщая подобные результаты, можно выдвинуть предположение о том, что основные моральные нормы отражают те ориентиры мышления и поведения человека, которые наиболее благоприятны (оптимальны) для его бытия и развития, а нарушение их, переходящее в личностные качества, вызывает нарушения психического, а, как следствие, часто и физического здоровья. Таким образом, есть все основания говорить об объективности морального закона, или о природности морали.

Как согласовать это с фактами жестокости, насилия, эгоизма? Во-первых, отмечая негативные проявления, часто забывают о том, что та же конкретно-историческая практика дает, постоянные, пусть меньшие по числу, но тем более впечатляющие примеры нравственных подвигов, высочайших взлетов человеческого духа. Концепции гедонистического типа и социологизаторский подход не дают ответа на вопрос, почему даже в самом безнравственном обществе, вопреки, казалось бы, непреодолимому влиянию среды, всегда появляются люди, всей своей жизнью утверждающие нравственный идеал, часто даже ценой жизни. По-видимому, объяснить такие противоположные факты нельзя на основе механистического подхода к морали — когда из утверждения о ее природности делают вывод о том, что в поведении она должна проявляться спонтанно, автоматически. На таких механистических позициях стояли, например, французские

просветители, как Руссо, который считал, что ребенок рождается нравственным, добрым, и задача воспитателя — «не мешать» природе. Педагогическая практика показывает несостоятельность этой теории.

Ответы на подобные вопросы, по-видимому, нужно искать в специфике морального сознания.

Во-первых, логично предположить, — и это распространенная точка зрения, хотя и не получившая пока достаточных экспериментальных доказательств, — что «от природы» дана не нравственность, а задатки к ней, как и ко всем остальным способностям человека, и они нуждаются в правильном, систематическом развитии — воспитании, в индивидуальном подходе к ребенку. И сами задатки также у всех различны. Таким образом, для полноценного развития морального сознания необходим целый ряд факторов: достаточные задатки, правильное, индивидуальное воспитание и, наконец, соответствующая социальная среда, закрепляющая полученное воспитание. Поскольку на протяжении истории человечества редко можно было найти сочетание этих условий, то и получалось, что мы имеем только малое, хотя и достаточно постоянное число людей, моральные задатки которых были настолько велики, что торжествовали и над воспитанием, и над средой.

Во-вторых само моральное сознание изучено больше с «внешней» стороны. Практически не исследован вопрос эволюции морального сознания, или, как говорят, нравственного совершенствования. Моральное воспитание связывается — особенно в обыденном сознании — просто с усвоением, часто почти механическим, ряда общепринятых норм и правил, к которым, собственно, и сводится мораль. Такой подход неизбежно породил еще одну проблему этики — невозможность построить законченную систему нравственных норм «на все случаи жизни» и основанный на ней интуитивизм как методологический принцип, утверждающий уникальность каждой моральной ситуации, невозможность рационального объяснения морали.

По-видимому, здесь, как это часто бывает, истина лежит посередине. Если принять утверждение о разных формах постижении бытия, по формулировке Ю.А. Урманцева (5), то можно говорить о двух аспектах познания и, соответственно, сознания — интуитивном и рациональном. Интуитивная форма постижения, культивировавшаяся на Востоке, сейчас все более признается и исследуется, в ча-

стности, в той же психологии. Но хочется отметить, что здесь часто делается ошибка: не фиксируются уровни развития этой способности. Если мы говорим о задатках и развитии логического, рационального мышления, то так же естественно говорить и о задатках к интуитивной форме познания и об их развитии, этапах и т.д.; если мы понимаем, что любое рациональное представление всегда неполно, отражает какую-то грань истины, то то же естественно предположить и об интуитивном познании. И, наконец, естественно предположить, что только синтез этих двух сторон дает максимально адекватную картину на каждом этапе познания. Все сказанное, очевидно, должно относиться и к моральному сознанию как аспекту сознания в целом, и моральному познанию. Во-первых, моральное познание — это действительно познание, то есть, не механическое усвоение условных норм, а постижение неких граней бытия; во-вторых, оно развивается в единстве двух форм — интуитивной и рациональной, и в третьих — в идеале носит творческий характер, как и любой другой вид познания.

Если теперь попытаться определить его специфику, то нужно отметить прежде всего следующее. Верность морального выбора напрямую связано с верностью оценки сложной конкретной ситуации (достижимой, повторяем, в единстве рационального и интуитивного познания). Простой пример: сообщать ли онкологическому больному его диагноз? Это, очевидно, моральная проблема, так как от ее решения может произойти очевидное зло или добро — человек может либо мобилизовать свои силы, либо, напротив, «сломаться». Очевидно, что сделать правильный выбор можно только при условии знания всех обстоятельств — семьи, характера человека, его состояния, настроения, в данный момент; внутренних психологических резервов и т.д.; а самое главное — от способности найти равнодействующую всех этих обстоятельств, принять максимально правильное, «оптимальное» решение.

Таким образом, можно сделать обобщающее предположение о том, что **моральное познание синтезирует все другие формы познания с целью все более адекватной — системной — оценки себя, людей, мира в их сложнейшей взаимосвязи и принятию все более точных — «оптимальных» решений.** При таком подходе то, что мы называем моралью, оказывается фокусом сознания в целом, и более того, вектором, указывающим направление его развития. Не случайно на Востоке этика не была выделена в отдельную область

философии; нравственное совершенствование являлось фундаментом совершенствования и преобразования человеческой природы в целом, все более адекватного поведения и преобразования мира.

И, наконец, последнее. Если суммировать, во-первых, все сказанное, во-вторых, то что основное содержание морали — единение людей друг с другом, обществом и природой, и, в третьих, выводы ряда авторов, как, например, А.И. Субетто: «Закон прогрессивной эволюции сопровождается усложнением систем, усилением роли закона кооперации», то можно предположить существование фундаментального эволюционного принципа, или закона, который — в терминах системно-философского подхода — осуществляет отбор эволюционирующих систем по принципу кооперации, или гармонизации, которая в психике и сознании человека преломляется как сотрудничество, братская любовь, единение.

Литература:

1. Гундарев И.А. Почему умирают в России, как нам выжить? (факты и аргументы). — М.: «Медиа Сфера», 1995. — 99 с.
2. Леонтьев А.Н. Мотивы, эмоции и личность // Психология личности. Тексты. — М.: изд-во МГУ, 1992. — С.71-79.
3. Хорни К. Женская психология. — СПб: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1993. — 220 с.
4. Хорни К. Культура и невроз // Психология личности. Тексты. — М.: изд-во МГУ, 1992. — С. 97-98
5. Урманцев Ю.А. Формы постижения бытия — их тождество и различие // Тез.докл. I Междунар. конф. «Алтай — Космос — Микрокосм». — Барнаул: Ак-кем, 1993. — С.120-125.
6. Субетто А.И. Закон кооперации как основной закон развития мировой цивилизации в XXI веке. Возрастание роли аграрного сектора жизни в развитии мировой цивилизации // Субетто А.И. Библ. опубл. работ. Избранные статьи. — СПб-М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1977. — 246 с.

Значение ноосферной педагогики в формировании космопланетарного сознания человека

*С.В. Хомутцов, Барнаульский государственный педагогический университет,
Барнаул*

Процесс перехода от техногенной цивилизации к ноосферной духовно-экологической цивилизации связан прежде всего с изменением самого человека, как главной движущей силы общественного прогресса [1].

Смена двух эпох существования человечества (техносферной и ноосферной) — это преобразование характера цивилизации, переход от техногенной (конфликтогенной) к ноогенной (наиболее гармоничной по сути) цивилизации. В основе этого процесса должно лежать изменение качества сознания — от техносферного (эгоцентрического, логико-дискурсивного, потребительского, дифференцированного, локального по сути) к ноосферному — космоцентрическому, синкретическому, глобальному сознанию, основу которого составляет высокий уровень духовности [2].

Необходимость преобразования сознания как отдельных людей, так и всего социума должно быть признано глобальной целью ведущих государств мира, в том числе, России. Но все сказанное останется лишь благим пожеланием, если не будет, соответственно этой стратегии изменена система воспитания и образования, где формируются основные качества личности, раскрываются возможности сознания и мышления.

Исходя из того, что современная педагогическая парадигма в силу целого ряда причин не соответствует характеру и уровню стоящих перед ней задач, считаем необходимым стратегию становления ноогенной цивилизации и космопланетарного сознания дополнить концепцией адекватной ей ноосферной, системно-синтетической педагогики.

Основной целью ноосферной педагогики станет развитие здоровой психики и целостного сознания человека, высокой творческой активности как в сфере предметно-преобразующей деятельности, так и в практике внутреннего духовного совершенствования.

Главным содержанием ноосферной педагогики, по нашему мнению, станет разработка методологии, теории и практики гармоничного развития как рационального, так и «иррационального» в человеке, основное отличие от современной (традиционной) педагогики — развитие и воспитание не только человека разумного, рационально мыслящего, но и человека целостного, духовного, сочетающего высокий уровень рационального знания с нравственным сознанием, раскрывшим в себе интуитивные, творческие начала.

Иными словами, это не только педагогика рационального и эгоцентрического, но и педагогика «иррационального» и трансперсонального. Новая синтетическая педагогика — это единство двух тесно взаимосвязанных и взаимозависимых сторон — 1) традиционной классической педагогики, достигшей серьезных результатов в работе

с рациональными и отчасти чувственными сторонами бытия человека и 2) нетрадиционной педагогики, охватывающей глубины бессознательного и интуитивного, включая базовые психические паттерны рационального и эмоционального мышления, тесно связанные с духовными уровнями бытия человека, глубинными смыслами и мотивами.

На данный тезис обычно отвечают возражением, что воспитанию не следует вторгаться в глубинные сферы субъективного. На это, в свою очередь, можно ответить, что подобные сферы сознания составляют психическую основу рационально обусловленного отношения человека к миру и самому себе, являются основной поведенческих стереотипов. Образно выражаясь, «иррациональное» — это подводная часть айсберга, а рациональное — его видимая надводная часть. Если основа устойчива и гармонична — устойчив, гармоничен и творчески активен сам человек. И наоборот: если дисгармоничны глубинные слои психики, то они формируют внутренне конфликтного — разрушительного и разрушающегося — человека.

К тому же, усложняющиеся социальные и социоприродные взаимодействия активно влияют не только на рациональные уровни сознания, но и на глубинные его слои, задевая «иррациональное» пока что в качестве разрушительного и дестабилизирующего фактора психики.

Поэтому, если не охватить сферу «иррационального» целенаправленным педагогическим воздействием, направляя его в сторону творческой самоактуализации и культуризации, то на нее будут действовать разрушительные силы техногенной массовой культуры, дезорганизирующие целостное сознание личности и провоцирующие различные психосоматические расстройства организма. Примером тому могут служить рост алкоголизма, наркомании, асоциального поведения в результате массового увлечения рок-культурой, учениями тоталитарных сект и практикой различных психотехник. Низкая психическая культура и незнание в области духовной эволюции человека не могут служить веским аргументом, оправдывающим пассивность педагогики в данном направлении. Интерес к «иррациональным» уровням психики является неотъемлемой реальностью наших дней, а педагогический вакуум неизбежно заполняется суррогатом, неблагоприятным для духовного и психо-физического здоровья личности.

Новая ноосферная педагогика призвана подготовить учителей, комплексно владеющих методами становления как гармоничной «иррациональности», так и разума человека. Если педагогика рационального в значительной мере разработана, то педагогике иррационального еще только предстоит доказать свое право на существование, разработать теорию и практику, пути интеграции с классической педагогикой.

Выделим четыре основных источника, на основе которых может происходить становление новой ноосферной педагогики: 1) разработка концепции философско-педагогического знания, соответствующего нынешнему этапу цивилизационного развития [4]; 2) систематизация уже существующих педагогических практик, в которых содержатся интересующие нас аспекты [5]; 3) теория и практика таких новых направлений психологии, как трансперсональная, гуманистическая, аналитическая, логопедия, психосинтез [6]; 4) психолого-педагогический потенциал ряда духовных традиций Востока (дзэн-буддизма, даосизма, индийской йоги).

Отметим в заключении следующие основные черты ноосферной педагогики: императив человека осознающего, как педагогический идеал; педагогика духовного саморазвития и самосовершенствования; педагогика высокой психокультуры, сочетающей культуру рационального и «иррационального»; педагогика всеединства, предполагающая гармонизацию взаимосвязей окружающего мира и человека; педагогика не только научения, но и педагогика прозрения, приобщения к интуитивному постижению истины; педагогика единства и сотворчества ученика и учителя, в котором процесс самореализации целостной личности ученика происходит одновременно с самореализацией целостной личности учителя; экологическая педагогика, направленная на практическую гармонизацию социоприродных отношений на основе космопланетарного сознания.

Полагаем, что настало время для формирования холистической ноосферной педагогики, как практике становления космопланетарного сознания человека духовно-экологической цивилизации.

Литература:

1. Алтай–Космос–Микрокосм. Материалы 3 Международной конференции. Алтай, 1996; Ушакова Е.В. Экология человека и ноосферное сознание // Экология человека: Духовное здоровье и реализация творческого потенциала личности. Т.2.Ч.1. Новосибирск, 1998.
2. Психология с человеческим лицом. М., 1997; Иванов А.В. Сознание и мышление. М., 1994.

3. Философия и педагогика. Проблемы взаимосвязи. Свердловск, 1988; Философия образования. М., 1996; Философия образования. Барнаул, 1994 и др.
4. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике. Рига, 1995; Куринский В.А. Автодидактика. 1994; Яковлева Е.Л. Психология развития творческого потенциала личности. М., 1997 и др.
5. Капло Р. Три столпа дзэн. М., 1996; Конзе Э. Буддийская медитация. М., 1993; Даосская йога. Бишкек, 1993 и др.

Осень Кюль-тегина

Андрей Иванов

Первый воин Великой Степи — Кюль-тегин —
Черный смерч для китайцев, гроза для уйгуров —
Над потоком священной Катунь-реки
Одинок безмолвствует, кутаясь в шкуру

Барса-ирбиса; рядом томится скакун —
Белый ветер с вершин и озер улаганских —
Сколько раз увлекал он навстречу врагу
Не страшась гибели нукеров ханских.

Сколько раз опрокидывал навзничь в бою
Чужеземных коней и подковами сек их,
Ведь не даром о нем с восхищеньем поют
У вечерних костров в теленгитских сеоках.

Он не дрогнул, когда его властно взяла
За косматую холку рука Кюль-тегина,
Только вспыхнул смарагдом косящийся глаз,
Только вырвалось ржанье подобием гимна

Всем грядущим сраженьям; бессонным ночам;
Диким скачкам над кручами в мыле и пене;
Сладкой дрожи, когда обжигает камча
И встаешь на дыбы в боевом исступленьи.

... Тонет солнце в разломах базальтовых глыб,
Вечереет — алтайские зори недолги.
Обернувшись, коня подзывает алып,
Обнимает и гладит по холке, но только

Одряхла рука, притупилось копьё,
Ослабели колени и выцвела бурка —
Ведьма-старость подкралась, и тень от нее
Опустилась на плечи великого тюрка.

Как он ждал курултая в родимых горах,
Как мечтал, чтобы бодрым прибыть к достархану,
А похоже — с войсками прощаться пора
И верховный штандарт возвращать Бильге-хану.

Прав обычай: под старость альпу нельзя
Гарцевать впереди теленгитского строя.
По щеке Кюль-тегина катилась слеза...
...Но всходила звезда молодого героя.

1998 г.

II. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ НООСФЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Факторы формирования и изменения «пространственно-исторического ландшафта» существования этносов

А.В. Иванов, к.филос.н., МГУ, Москва

I.

Написание данных тезисов стимулировано, с одной стороны, профессионально-философскими исследованиями автора в русле русской софиологии, а с другой, интересом к этнологическим изысканиям, как они представлены в работах Л.Н. Гумилева и В.П. Казначеева. Прежде всего следует более точно определиться с понятием «этнос», как базовым для построения целостной этнологии. Как мне представляется, его следует четко отличать от демографического понятия «человеческая популяция» и от культурно-исторического понятия «народ». По нашему мнению, этнос — есть *народ*, но с поправкой на телесно-экологические факторы и условия его существования; с другой стороны, этнос — есть *популяция*, но с поправкой на социальные и духовно-культурные условия ее существования и воспроизводства. С этих позиций, этнос — есть категория комплексного биосферно-ноосферного подхода к изучению человека и цивилизации, синтезирующая методы естественных, гуманитарных наук, а также философского знания. Соответственно, этнология — должна, без сомнения, стать одной из фундаментальных составляющих духовно-экологического мировоззрения III тысячелетия.

II.

Исходя из такого комплексного подхода к категории «этнос», возникают три принципиальных теоретических проблемы: а) какова

совокупность факторов, влияющих на становление и существование этносов в истории?; б) какова связь и субординация этих факторов?; в) можно ли выделить субстанциональную порождающую основу существования этноса, связывающую воедино все многообразие факторов его бытия?

Отвечая на первый вопрос, следует, по-видимому, выделить шесть основных факторов, влияющих на возникновение, существование и изменение этноса:

1) экологическая ниша обитания этноса в единстве биосферных и космических условий его существования;

2) генетические, фенотипические и психологические характеристики членов этноса, в значительной мере передающиеся наследственным путем;

3) демографический (половозрастной и брачно-семейный) фактор существования и воспроизводства этноса;

4) хозяйственно-экономические и социально-политические (традиции, правовые нормы, механизмы социального управления, методы образования и воспитания подрастающего поколения) факторы существования и воспроизводства этноса;

5) духовно-культурный фактор, существующий в виде семантики и синтаксиса языка, внеязыковых символических систем (архитектуры, музыки, танца), архитипических сюжетов народного творчества, а также религиозных, научных, художественных и философских текстов;

б) влияние других этносов и суперэтнических общностей.

III.

Можно предположить, что совокупность действия этих факторов образует *«пространственно-исторический ландшафт»* существования этноса, где сами факторы могут быть классифицированы следующим образом:

— факторы 1 и 6 образуют «экологическое» и «культурно-этническое» *пространство* существования данного этноса, выступая в виде факторов внешнего давления на него;

— факторы 2 и 5 отражают экологическую (телесно-психическую) и духовно-культурную *историю* (время) этноса, т.е. факторы внутреннего сопротивления пространственному давлению на него. Проявление этих факторов — условие устойчивости и исто-

рической жизнеспособности этноса. Благодаря им сохраняются основные качественные особенности этноса, отличающие его от всех других этносов. Гегель был глубоко прав, говоря, что сущность — это прошлое бытия;

— факторы 3 и 4 являются механизмами популяционного (3) и социального (4) воспроизводства этноса в потоке настоящего времени, опосредующие исторические и пространственные факторы его существования. Это наиболее гибкие и подвижные «валентности» (используя терминологию В.П. Казначеева) существования этноса.

IV.

Если история столь важна для сохранения этноса, для его настоящего и будущего, то возникает естественное предположение о наличии чего-то вневременного и субстанционального, что лежит в основе и филогенетических психо-энергетических характеристик этноса, и в основе его духовной культуры. Это субстанциональное основание можно связать с существованием идеально-смыслового замысла (идеи или эйдоса) этноса как информационно-полевой структуры до конца не ясной природы, которая выступает порождающей эталонной матрицей телесно-психической и духовно-культурной жизни этноса. В мифологических представлениях этот эйдос (идея) именуется тотемом, духом народа, великим предком и т.д. У алтайских кайчи (сказителей) существует два Алтая: земной, обыденный и горный, небесный. В учении Агни-Йоги говорится о заложенных высокими духами идеально-целевых небесных «магнитах», в значительной мере определяющих эмпирическую земную судьбу государств, народов и целых континентов.

С этих позиций эйдос этноса может трактоваться как его целевая причина (энтелехия) существования во всемирной истории; как та цивилизационная задача (малая ли, большая ли — здесь не суть важно!), которую может решить только данный этнос с присущими ему духовно-культурными и психологическими характеристиками. Отсюда земной «пространственно-исторический ландшафт» существования этноса определяется: по-видимому, общим «небесно-духовным эйдосным ландшафтом» всего человечества, что заставляет вновь, на новом уровне обратиться и к идее «соборно-софийного человечества» у С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева и братьев Трубецких (1); и к идее «симфонической личности» Л.П. Карсавина (2); и к

«небесным затомиссам» Даниила Андреева (3). Возможно, что на ранних стадиях этногенеза, как предполагает в своих работах В.П. Казначеев, был возможен непосредственный контакт членов этноса и с этой информационно-эйдической реальностью. Впоследствии «информационная пуповина» порвалась, однако эйдосы продолжают оказывать на этносы опосредованное влияние: через бессознательно-телесные слои психики и особенно через пра-символические матрицы культуры данного этноса (у индийцев — это Веды; у китайцев — И-цзин; у евреев — Тора; у скандинавских народов — Эдда; у русских — славянская азбука). В пра-символах культуры закодированы основные ценности и исторические цели существования данного этноса. Их утрата или забвение — влечет распад этноса; их осознание и творческая реконструкция силами культурной элиты — залог уверенной исторической поступи и духовного здоровья этноса. Одновременно расцвет этнос связан, по видимому, с восстановлением на новом уровне утраченного прямого психо-энергетического контакта с эйдосом через актуализацию латентных ноосферных ресурсов человеческого организма и гармонизацию взаимоотношений с окружающей средой обитания.

Не исключено, что расцвет и сохранение малых этносов связан с упрочением и расцветом соборных суперэтносов (например, российского и, шире, евразийского), ибо в рамках соборно-единящего суперэтноса легче расшифровываются узкоэтнические пра-символы и восстанавливаются утраченные эколого-психологические связи. Культурно-цивилизационное самосознание суперэтноса и восстановление им единства с природой — условие восстановления и укоренения входящих в него малых этносов. И наоборот, прораствание в национальное — есть условие гармоничного вхождения в сверхнационально-суперэтническое, а через него — во вселенское.

V.

Исходя из вышеизложенного прорисовываются две тесно связанные линии создания целостной этнологии как синтетической дисциплины:

— экспериментальные космобиопсихические исследования информационно-полевой эйдетической реальности, с которой взаимодействует этнос и определение путей восстановления единства с ней;

— теоретическая культурно-философская реконструкция (точнее было бы сказать, выведывание) смысловых эйдетических глубин пра-символической памяти евразийских этносов, ее анализ с позиций современной науки.

Полученные теоретические и практические результаты могли бы стать твердым основанием российской и общеевразийской политики на пороге III тысячелетия, а также помочь в реализации конкретных духовно-экологических проектов.

Литература:

1. См. по этому вопросу Иванов А.В. Философско-богословская идея Софии: современный контекст истолкования // Вестник МГУ, серия 7. Философия, 1996, №2.
2. См. Карсавин Л.П. Философия истории. С.-Пб., 1993.
3. См. Андреев Д. Роза мира. М., 1991.

Геоэкосистемы как объекты анализа и картографирования единства и взаимодействия природы и социума

Б.И. Кочуров., д.г.н., Институт географии РАН, Москва

Взаимодействие человека с природой происходило в исторический период и происходит в настоящее время на конкретной территории, и оно обусловлено главным образом материальными и духовными потребностями человека. Это взаимодействие с точки зрения удовлетворения материальных благ составляет основу хозяйственной деятельности человека. В природе человек черпает знания, приобретает опыт и мудрость, становится духовно чище и богаче.

Поэтому выбор человеком места (территории) для постоянного проживания всегда являлся ответственным и связан он в первую очередь с теми экологически ценными свойствами природной среды, которые обеспечивают ему (человеку) выживание и развитие.

Изучение выбора человеком мест проживания, его связи с природой и конкретной местностью представляет исключительный интерес с точки зрения гармонизации общества и природы. Эти исследования должны опираться на учение о ландшафтах, как природных системах, вмещающих всю разнообразную деятельность человека и при этом претерпевающих значительные изменения позитивного и негативного характера.

Взаимоотношение общества с природными ландшафтами обуславливает формирование сложной системы «социум-территория» или геоэкосоциосистемы, где человек существует и развивается в природной, технической, экономической, социальной и этнокультурной сферах. В подобной системе территория служит базисом размещения всех элементов среды обитания человека, своеобразной подсистемой жизнеобеспечения человека. Важно оценить состояние этой среды обитания, потребности населения в ресурсах и возможности их удовлетворения при условии сохранения или улучшения качества среды.

Таким образом, геосоциосистема — это территориальное образование, охватывающее системы разной степени сложности: природные, природно-антропогенные, демо- и этноэкологические, социо-культурные и характеризующиеся определенной общностью: единством территории, тесным взаимодействием между собой и целостностью выполняемых функций.

Каждая геоэкосоциосистема территориально ограничена, иерархически соподчинена и открыта, обладает определенной структурой, имеет характерное время развития и является управляемой. Территориальное сочетание элементарных геоэкосоциосистем образует геоэкосоциосистему более высокого иерархического уровня: локального и регионального. Они могут выполнять несколько функций. Однако, если главной в формировании такой системы является одна из функций, а другие занимают подчиненное положение, то условно ее можно считать системой монофункциональной. Например, геоэкосоциосистемы преимущественно рекреационного, горнопромышленного, селитебного и т.п. направления. К элементарной геоэкосоциосистеме можно отнести освоенную территорию выдела природной фации, более-менее однородный в природном отношении участок с определенным видом и способом природопользования. Сочетание элементарных и локальных геоэкосоциосистем образует сложную иерархическую структуру. В качестве таксономических уровней этих территориальных сочетаний могут выступать предприятия и хозяйства, административный район, область и республика.

Изучение геоэкосоциосистем на примере Горного Алтая предполагает анализ и картографирование природно-ландшафтной дифференциации территории, видов использования земель, размещения и плотности населения, антропогенной нагрузки, исторических и этнокультурных особенностей территории (1, 3, 4).

Природно-ландшафтная дифференциация территории рассматривается нами как некая заданная основа, обладающая определенными региональными особенностями, проявляющимися в экологически значимых свойствах ландшафтов, то есть тех, которые могут способствовать или не способствовать проявлению экологических проблем (например, слабый водообмен, легкий механический состав почв, антициклональный тип погоды и т.д.), или которые имеют важное значение для жизнедеятельности человека: удобное местоположение, наличие природных ресурсов (водообеспеченность, кормовые угодья, древесина, плодородные почвы); местообитания птиц и животных, ценные для охотничьего хозяйства; транспортные артерии; эстетические свойства ландшафтов, их уникальность и неповторимость; наличие «святых» мест и т.п. Отбор свойств является одним из ключевых моментов в ходе исследования, поскольку необходимо определить причины, по которым произошло заселение и освоение данной территории, а также своеобразный нуль отсчета при установлении уровня изменения этих свойств, свидетельствующих о возникновении экологической проблемы.

Наряду с изучением природно-ландшафтной дифференциации, анализ антропогенной нагрузки на ландшафты имеет решающее значение для определения состояния и тенденции развития геоэкосоциосистемы. Антропогенная нагрузка на ландшафт оценивается по видам использования земель и характеру заселения территории [1].

Рассмотрение современного использования земель строится на основе схемы экологического ранжирования отдельных видов использования территорий. Они делятся на 4 крупные категории, принципиально отличающиеся по характеру и степени антропогенного воздействия: 1) застроенные, 2) возделываемые, 3) используемые в естественном виде и 4) неиспользуемые земли.

Таким образом, основным содержанием карты геоэкосоциосистем Горного Алтая является оценка использования территории (ландшафтов) с точки зрения условий жизни человека (населения), обеспеченности его ресурсами, отношения к природе и окружающему миру.

Выявление геоэкосоциосистем происходит при сопоставлении карт природно-ландшафтной дифференциации, использования земель, плотности и размещения населения. Привлекаются другие картографические материалы, аэрокосмические снимки, а также статистические и литературные источники, в первую очередь характери-

зующие историю освоения территории, ее этнические особенности и традиционный характер природопользования.

Следующим шагом после выявления геоэкосоциосистем является отнесение их к той или иной группе и объединение в территориальные сочетания.

Особое место займет изучение зон с активным геокосмическим разменом энергии и астрально-ментальных структур [2, 5], и их связи с видами использования территории. Это позволит подойти к изучению и выделению природно-духовного каркаса (сети), сопряжению с экологическим каркасом территории.

Необходимо отметить следующее. Освоения русскими территории Горного Алтая произошло сравнительно недавно (исполнилось 240 лет присоединения Алтая к России). Сформированные локальные структуры поселений и инфраструктура не получили еще своего завершения. Взаимодействие русского этноса с этносами, населяющими Горный Алтай, происходило сложно и неоднозначно. Возможно «оседлание» чужой культур.

Характерной чертой современной жизни Горного Алтая является неустроенность и необустроенность территории. Незавершенный процесс культурогенеза породил несовершенную организацию территории и слабый интерес к ее обустройству.

С организацией территории связано формирование перспективных геоэкосоциосистем, нового эколого-хозяйственного и этнокультурного ландшафта Горного Алтая, который значительно отличается от существующей организации, в которой живет население региона.

Литература:

1. Антипова А.В., Жеребцова Н.А. Изучение и картографирование современного использования территории в целях прогноза природоохранных проблем // Географическое прогнозирование природоохранных проблем. — М.: ИГАН, 1988.
2. Жуков С.А. Духовная сеть планеты (поэтическая концепция) — Алтай–Космос–Микрокосм. Пути духовного и экологического преобразования планеты. Тез. докл. 2-й Междунар. конф. — Алтай, 1994.
3. Кочуров Б.И. Баланс экологии и хозяйства // Земля и Вселенная, 1995, №4.
4. Кочуров Б.И. Механизмы реализации устойчивого развития горных территорий // Тез. докл. участников II Междунар. конф. «Безопасность и экология горных территорий». Владикавказ, 1995.
5. Шишин М.Ю. Астрально-ментальная линза как особая структура Мира Высшей реальности над территорией Алтая // Алтай–Космос–Микрокосм. Пути духовного и экологического преобразования планеты. Тез. докл. 2-й Междунар. конф. — Алтай, 1994.

Космические сюжеты и персонажи в наскальных изображениях Алтая

В.Д. Кубарев, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Изучение наскальных рисунков Алтая ведется вот уже второе столетие, но даже и сейчас нельзя назвать точное число петроглифических памятников на территории этой уникальной горной страны. Может быть потому, что наскальные рисунки — это самый многочисленный и широко распространенный вид памятников древнего искусства Центральной Азии. Отдельные попытки систематизации и учета подобных объектов предпринимались и ранее (Хороших, 1947; Ешелкин, 1974; Шер, 1980; Кубарев, 1980; Окладникова, 1984; и др.). В недавно опубликованной сводной работе (Кубарев, Маточкин, 1992) о петроглифах Алтая дается археологическая карта всех известных на тот день пунктов с наскальными рисунками (172 местонахождения), и полный библиографический список публикаций. Но накопление петроглифических материалов Алтая идет столь быстрыми темпами, что нашу сводку, вышедшую 6 лет назад можно считать уже устаревшей. За прошедшее время, только усилиями одной экспедиции на плато Укок открыто и обработано около 30 пунктов с неизвестными ранее петроглифами (Молодин, Черемисин, 1995).

Серьезной проблемой на сегодняшний день остается неравномерная изученность памятников. Если некоторым местонахождениям наскальных рисунков (Елангаш, Куюс, Калбак-Таш) посвящены монографические работы, то материалы других, не менее крупных и уникальных памятников (Чаганка, Кок-Узек, Жалгыз-Тобе, Каракол и т.д.) известны только по небольшим статьям и сообщениям. Такой редкий комплекс, открытый автором еще в 70-х годах, находится близ с. Кош-Агач, на правом берегу р. Чаган-Бургазы. Он заметен по одиночной горе Жалтыс-Тобе, резко выделяющейся в южной части Чуйской степи (координаты: 77°41'29'' в.д. и 49°52'26'' с.ш., высота над уровнем моря 1882 м). Скальные песчаниковые останцы горы образуют естественный амфитеатр. Внутри него построен современный зимник, хорошо защищенный от ветра и непогоды в любое время года. Несомненно, это удобное во всех отношениях место было выбрано кочевниками еще в глубокой древности. Свидетельство тому — обломки керамической посуды и каменные орудия раннего бронзового века, подобранные нами прямо у подножия горы. Наскальные рисунки, одна руническая надпись, несколько стел и древ-

них погребений вокруг возвышенности только подтверждают наше предположение. Явное сходство этого комплекса с «амфитеатром» в Туру-Алты (р. Барбугазы) наблюдается в еще больших акустических возможностях уникального древнего святилища. Надо полагать, подобное природное явление было подмечено древними людьми и может быть использовалось для каких-то ритуальных действий. Наше открытие ученые восприняли по-разному. Одни согласились с нашим предположением, другие не без оснований сомневались, апеллируя к тому, что эхо в горах обычное явление.

Второй необычный петроглифический памятник находится в юго-западной части Чуйской степи, в верховьях реки Елангаш (лев. приток р. Чуи). Его координаты: 88°05'13'' в.д. и 49°51'09'' с.ш, высота над уровнем моря 2515 м. Долину р. Елангаш можно считать археологической заповедной зоной. Комплекс сформировался на протяжении многих веков, подвергаясь воздействию самых различных культур. Расположение рисунков непосредственно у высокогорных перевалов через высочайшие хребты Алтая, их концентрация в определенных местах еще раз подтверждает наш вывод о существовании культовых центров, которых, выражаясь образным языком, можно назвать горными храмами под открытым небом. Здесь древний художник (жрец-шаман-медиатор), изображая обычных животных, часто наделял их сакральными функциями. Несложными каноническими элементами, повторяющимися многократно в сотнях изображений, подчеркивалась связь животного с небом, светилами, а в более широком смысле со всем космосом. Особенно много сакрализованных рисунков появляется в эпоху древних кочевников (V-III вв. до н.э.). В основном это символы в виде дисков, колец и спиралей, помещенных рядом с изображениями, или диски с лучами на рогах и хвостах животных (Рис. 1). Совершенно такие же сакральные элементы присутствуют и в мелкой скульптуре из курганов Уландрыка и Юстыда. Но они сочетаются иначе: символ светила (солнце или луна) в виде диска зажат между копытами летящего оленя или рельефная окружность вписана в бедро барана; а также шаровидного подстава для фигурки коня, являющегося украшением женской шпильки для волос. Связь деревянных изображений различных животных с солнцем и небесной сферой также подчеркнута покрытием их листовым золотом. Вместе с тем рисунки «небесных» коней в петроглифах Алтая встречаются редко. Можно указать на один петроглиф в Калбак-Таше, где на кончиках задранных хвостов двух ко-

ней изображены шары с лучами (см. Рис. 1), и еще на один рисунок коня в Елангаше, на спине которого обозначено крыло.

Другая проблема алтайских петроглифов — их доступность любому человеку. И если другие памятники археологии: курганы, поселения и т.д. скрыты под толщей земли и охраняются законом, то наскальные рисунки постоянно разрушаются и занимают последнее место в реестре памятников древней культуры. Поэтому «изучением» их занимались люди разных профессий: геологи, ботаники, метеорологи, учителя-краеведы и многие другие. Дилетантские попытки объяснить содержание рисунков часто приводят к различного рода профанациям и «сенсациям». Например, в статье О.Г. Обуховой (тезисы III конференции «Алтай–Космос–Микрокосм», с. 127) сообщается, что в окрестностях с. Усть-Кан «обнаружены громадные наскальные изображения в виде глаза, еще не получившие своего объяснения». Археологам подобные памятники неизвестны, хотя петроглифы Усть-Канского района давно обследованы и учтены. Конечно, открытие новых памятников древнего искусства будет продолжаться и в дальнейшем, но последнее слово в атрибуции рисунков должно быть за археологами. Специалистам известно, как иногда сложно интерпретировать отдельные изображения, «выпадающие» из привычного ряда однотипных и широко распространенных рисунков. Иногда это удается, в других случаях рисунки остаются загадочными. Петроглифы — сложный археологический источник, требующий от исследователя значительных усилий, большого опыта, а самое главное, объективности в выводах и осторожности в интерпретации полученных материалов. От ошибок не застрахованы и сами археологи. Так, Е.А. Окладникова странные схематичные фигуры (Рис. 2, а, б) из Калбак-Таша (Онгудайский район) трактует как «изящные рисунки архитектурных сооружений типа пагод», или как «чум» и даже «срубные» постройки (1981). Но затем уже в другой работе, она предлагает новое толкование «решетчатых» фигур как изображений волокуш или архаических саней (Окладникова, 1987). При этом ею совершенно игнорируются синхронные рисунки женских фигур, выполненные на плитах каменных саркофагов Озерного и Каракола. Нахождение их в закрытых погребальных комплексах, а также сравнительный анализ с подобными рисунками Алтая, Монголии, Тувы и Хакасии убеждает в единственно правильной версии объяснения этих фигур как изображений женщин.

Перепроверяя себя и свои выводы, мы часто обращаемся к людям, не имеющим опыта «расшифровки» древних рисунков. Их первые впечатления в отдельных случаях очень разумны, но бывают и совершенно фантастические заключения. В фигурах из Калбак-Таша (см. Рис. 2, а, б) они видят какие-то космические конструкции и корабли, а рисунки из Цааган-Салаа и Карагола напоминают им космонавтов в скафандрах (Рис. 2, в, г). Так рождаются сенсации. Как же объяснить подобный феномен? Думается, во многом мнение людей, не занимающихся наукой, уже сформировано под влиянием околонушной литературы, а также так называемыми научно-популярными фильмами. В связи с этой проблемой вспоминается нашумевший фильм «Воспоминания о будущем», сделанный немецкими кинематографистами примерно 20 лет назад. В нем демонстрируются циклопические сооружения Южной Америки. Великолепные и впечатляющие кадры отсняты с самолета, хотя на земле эти археологические объекты человеком не воспринимаются. Комментируя планиграфию этих культовых выкладок из камней, авторы фильма делают вывод о космических пришельцах... Известный археолог, академик А.П. Окладников, оценив художественные достоинства фильма, назвал концепцию весьма сомнительной и вредной для археологической науки.

Таким образом, накопленный наукой опыт легко разрушает подобные сенсационные открытия, ничем не аргументированные и не подтвержденные фактическими данными.

Пути стабилизации человека

М.Г. Красильников, Барнаульский гос.педагог.ун-т,

П.И. Кузьмин, Алтайский институт мониторинга земель и экосистем,

Барнаул

Двадцатый век подводит черту под достижениями и неудачами, победами и поражениями человечества в течение последних столетий. Последние 500 лет прошли под знаком все ускоряющегося научно-технического индустриального прогресса общества, в результате которого изменились представления об окружающем мире, изменился мир, в котором мы живем, изменилось само бытие человека.

С завершением эпохи великих географических открытий человек становится всеприсутствующим существом. Он освоил для своего обитания земную поверхность, поднялся в воздух, проникает в глубины океана и земных недр. Транспортные средства предоставили возможность физического всеприсутствия, средства связи — информационного, обеспечивая этим деятельное всеприсутствие человека на планете. Всеприсутствие означает и покорение времени. Развитие транспорта сокращает потери времени при перемещении, средства аудио- и видеозаписи сохраняют прошедшее в чувственно-воспринимаемом виде, успехи медицины отодвигают неизбежное — старость, болезнь, смерть. Однако всеприсутствие человека не лишено парадоксов и противоречий. Пространство и время становятся квантованными, теряя свою непрерывность и однозначность. Все чаще всеприсутствие оборачивается полуприсутствием, отрывом от реальности.

Выходя за пределы знакомого мира в своем познании и деятельности, человек открыл новые миры. Он вступил в область микро- и мегамира. Проникновение в глубины материи привело к открытию атомной энергии. Выход в космос привел к тому, что человек физически ощутил себя космическим существом. Открытие мира микроорганизмов существенно повлияло на развитие медицины и здравоохранения. Успехи цитологии и генетики привели к появлению генной инженерии. На исходе века продолжается интенсивное вторжение в глубины человеческой психики и сознания. К тому же люди не только открывают неизвестные миры, но и сами создают новые, искусственные миры, опираясь на технику.

Однако, несмотря на очевидность достижений современной цивилизации, столь же несомненен факт «крушения человека». Доктрина возрожденческого гуманизма о самодостаточности, субстанциональности человека, лежащая в основе идеологии современной научно-технической цивилизации, оказалась несостоятельной. Подтверждением тому является экологический, социально-политический и духовный кризис современного общества. Человек открыл новые миры, но потерял себя.

Культура предыдущих веков была ориентирована на ситуацию изменяющегося человека в стабильном мире. Сейчас эта стабильность утрачена. Человек оказался в зыбком, постоянно меняющемся мире, когда, по сути дела, единственной его проблемой становится проблема выживания. Он не успевает меняться, не поспевает за сво-

ей эпохой, оказываясь рано или поздно выброшенным на обочину жизни круговертью перемен, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общества. От сознательного отношения к происходящему человек все чаще переходит к эмоциональному и инстинктивному восприятию, а подчас и к агрессивному отторжению новой действительности. Иначе говоря, он «дичает». Теряя свой универсализм, человек редуцируется до простейшего, превращаясь в частичного человека, человека толпы, человека без свойств. Потому мы и говорим, что человек, открыв новые миры, потерял себя.

В этих условиях возрастает значимость деятельности работников культуры и образования, направленная против проявлений технократической ограниченности, националистического угара, различных форм изуверства и идеологической истерии. Но борьба с подобными социальными явлениями не должна заслонить от нас понимание их вторичности, их объективной обусловленности самой ситуацией современного человека. В качестве симптомов они говорят о том, что человек потерял в жизни точку опоры, не нашел системы ценностных установок, которая обеспечила бы ему эффективную ориентацию в меняющемся мире при сохранении своего достоинства. Современная ситуация человека в мире свидетельствует о необходимости реанимации культуры, реанимации души, т.е. стабилизации внутреннего мира человека, обретении им точки опоры.

Когда все заслоняющей проблемой для человека становится проблема выживания, растет популярность рецептов на все случаи жизни. В сфере духовной культуры появляется спрос на учения о спасении, каковыми традиционно выступали различные формы религии. Возрождение религии в эпоху НТР — объективный процесс, обусловленный многими причинами, в том числе и самой логикой научно-технического развития общества. Как правило, в современном обществе религия возрождается первоначально в экзотических формах. Когда же начинается массовое обращение, происходит возврат к вере отцов. Здесь стремление к обретению точки опоры реализуется как органическое соединение религии с национальными традициями, обращение к которым уже осуществлялось в ходе прагматического использования различных рецептов выживания.

В деле возрождения национальных традиций и религии свою роль должны сыграть просветительство и популяризаторство, задача которых — перекинуть мостик между прошлым и современностью. С другой стороны, просветительство и популяризаторство являются

необходимыми посредниками между человеком и современной наукой, более широко — современной системой теоретических и практических знаний. Помочь человеку стать вровень со своим веком, помочь в усвоении многообразия современного знания, — значит соединить человека с настоящим.

В более общей форме проблема состоит в переориентации культуры. Если в древнем обществе господствующей формой культуры были традиции, обеспечивающие социальную стабильность, то в индустриальном обществе доминирующей формой стали новации, обеспечивающие прогресс общества. Сейчас же более всего культура нуждается в сохранении целостности, и основной ее формой выступает синтез старого и нового, традиций и новаций. Добиться органического вхождения нововведений в ткань культуры путем систематического «сшивания» новаций и традиций в единое целое означает обеспечить устойчивость и стабильность общества в его развитии, означает преодоление роста отчуждения индивида от потока меняющейся жизни.

Решение проблемы стабилизации внутреннего мира человека не сводится к изменению сознания индивида, поскольку необходимо и преобразование самой действительности в соответствующем духе. Возрожденные традиции должны найти свое воплощение в обычаях, поведении, в искусстве и архитектуре, короче, в повседневной жизни людей.

Человеку, потерявшему себя, необходимо вернуться к истокам собственного бытия. Однако современному человеку нелегко это сделать. Возвращаясь к местам, где протекали его детство или молодость, он попадает в чужой для себя мир, общий с миром его детства только абстрактными географическими координатами, поскольку все остальное, даже природа, изменено за его жизнь до неузнаваемости. Человек без родины — это уже не человек, остановить же освоение, а значит, и дальнейшее преобразование окружающего нас мира мы не в силах. В этих условиях в целях того, чтобы дать — пусть символически — человеку родину, нужны зоны без изменений, которые могли бы служить символом вечности, символом родины для отдельного индивида.

Таковыми зонами могут служить, с одной стороны, сохраняемые культурно-исторические комплексы, а с другой — природоохранные зоны, защищенные от антропогенных воздействий. Наиболее подходящими для этого являются истоки рек. Как родина одной из вели-

ких сибирских рек, Алтай заслуживает особого внимания. Богатство его природы, его горы, леса, реки во главе со своенравной Катунью способны выполнять не только традиционную оздоровительную функцию, благотворно влияя на физическое состояние человека, но и сохранить человека для вечности, выполняя работу по реанимации его души.

Подводя итоги, выделим главное. Мы исходили из того, что темпы изменений внешнего мира опережают динамику внутренней эволюции современного человека, адаптационные ресурсы которого истощены. Из этой ситуации есть, по крайней мере, два пути. Первый путь — развитие адаптационных способностей человека. Второй — уменьшение адаптационных нагрузок путем создания внутренних и внешних точек опоры. Рассматриваемое нами движение по этому второму пути осуществимо за счет:

- 1) возрождения национальных традиций и религии;
- 2) активизации роли просветительства и популяризаторства в качестве посредников между человеком и культурой прошлого и настоящего;
- 3) воплощения возрожденных традиций в повседневной жизни людей;
- 4) создания с целью стабилизации внутреннего мира человека зон вечности, к которым относятся, с одной стороны, социокультурные исторические комплексы, а с другой стороны, природоохранные территории.

Архетипические образы в изобразительном искусстве Горного Алтая

*Е.П. Маточкин, к.искусств.н., Республиканский краеведческий Музей,
Горно-Алтайск*

Изучение изобразительного искусства Горного Алтая в полном хронологическом объёме наводит на мысль о том, что в нём, начиная с глубокой древности, периодически возникают и функционируют близкие по своей сути художественные образы. Об этом свидетельствуют и многочисленные наскальные рисунки, и скульптурные изображения. Вряд ли можно утверждать, что создание современными жителями этих территорий произведений, в художественной образ-

ности и изобразительных приёмах которых прослеживаются аналогии со времён эпохи камня, связано с непрерывающимися традициями. Тогда как же объяснить подобные феномены? Наиболее плодотворной можно считать идею К.Г. Юнга об архетипических, или изначальных образах. Юнг выделяет в коллективном бессознательном определённые устойчивые феномены, которые имеют тенденцию периодически возникать из небытия и наполняться живым содержанием. При этом, хотя содержательная сторона образов в какой-то мере меняется, но их архетипическая сущность остаётся в целом неизменной. Архетип по определению формален, реально и визуально не представим, архетипическая форма его скрыта, непроявлена. Само понятие формы у Юнга имеет иной смысл, нежели это принято в искусствоведении. Здесь надо учесть, что Юнг видел в архетипах не сами образы, а лишь формальные схемы. К тому же он всегда подчёркивал различие между архетипом и архетипическим образом. Тем не менее, когда мы фиксируем факт существования архетипического образа в произведениях искусства, то, как правило, можем говорить о наследовании как содержательной стороны архетипа, так и его художественной формы, то есть о возрождении и развитии определённых стилистических приёмов. Фактически подобные процессы как раз и наблюдаются в современном искусстве. Нам важно подчеркнуть, что архетипический образ наполнен живым содержанием, представляет собой художественное явление и отражает процесс определённой исторической преемственности.

Проблема изучения архетипических образов на материале искусства народов России, насколько нам известно, ещё не ставилась современными исследователями. Наша попытка собрать и проанализировать материал изобразительного искусства населения определённого региона от древности до наших дней в этом ключе, по видимому, является первой, не имеющей аналогов. Задача в данном случае облегчается лишь тем, что мы имеем дело с цельной языческой культурой. Горный Алтай — один из немногих регионов мира, где в большом количестве встречаются наскальные рисунки — основной материал для изучения изначальных мифологических образов. Петроглифы в нашей стране исследуют по сложившейся традиции археологи. Для создания полной картины мы использовали петроглифический материал, добытый археологами, собственные открытия, материал по изучению современного народного искусства чабанов и детских рисунков. Однако в связи с петроглифами возни-

кает сложная проблема, связанная с выяснением семантики древних образов. Наскальные рисунки в большей своей части остаются нерасшифрованными, и только в редких случаях удаётся предложить им более или менее обоснованную интерпретацию. Здесь мы опираемся, в основном, на собственные исследования и привлекаем для этой цели мифы, легенды, предания народов Сибири, известные по этнографической литературе, как это делал в своих трудах А.П. Окладников. В ситуации же, когда семантика образа остаётся неизвестной или многозначной, мы исходим из того, что символическая нагрузка изображения могла иметь смысл, в какой-то мере близкий к тому, который она имела у подобного же изображения, созданного ранее или позднее. В таких случаях наша задача вообще сводится к достаточно формальному пути — найти созданный в тот или иной период времени образ, который бы вписывался в определённый художественный и смысловой ряд. Нередко этот ряд в изобразительном отношении однороден. Чаще временная линия архетипического образа, обладая неким семантическим единством, представлена разными иконографическими вариантами.

Для каждого архетипического образа мы стремились обнаружить его самые древние истоки, начиная с эпохи камня по наше время. Конечно, в построенных хронологических цепях неизбежно возникают пробелы; некоторые же архетипические образы вообще представлены во времени фрагментарно. Тем не менее, мы считаем важным поставить проблему существования в искусстве Горного Алтая архетипических образов в самые различные периоды историко-художественного процесса. Юнг не определял, какие и сколько архетипов должны быть выделены в культуре того или иного народа: архетипов существует столь же много, как и типичных ситуаций жизни (Юнг, 1997, С. 343). Широко практикуемый в постюнгианской психологии подход (Броум, 1978 и др.) состоит в подразделении архетипов на четыре типа: «мелкие» архетипы (персона и тень); архетипы «души» (анимус и анима); архетипы «духа» (мудрые старик и старуха); «самость». (Самуэлс, 1997, С. 64). Но важна не столько эта классификация архетипов, относящихся к человеку и процессу его индивидуации, сколько архетипы, имеющие отношение к коллективному бессознательному этноса. Здесь нас интересует проявление изначальных мифологических образов в историко-художественном процессе. Принято считать, что первичный и неизменный язык архетипических моделей — это метафорический язык

мифов (Самуэлс, 1997, С. 381). Именно эта метафоричность мифов органично претворяется в произведениях искусства и во многом определяет содержательный строй архетипических образов. И хотя основные архетипы носят общечеловеческий характер, но своеобразие архетипических образов, надо полагать, в большой мере определяется условиями жизни и способом существования населяющих данную территорию народов. Мы рассмотрим цепочки изобразительных образов, относящихся к наиболее известным и распространенным архетипам: Великой Матери, мудрого старца, солнца, духа, божественного ребенка, героя, страха.

Архетип Великой Матери. На Алтае Великая Мать, воплощающая Мать-Землю, до сих пор почитается в образе рожаящего божества — верховного духа — Хан-Алтая. Образ его замечательно описывается в народной лирике: «Для алтайцев-язычников Алтай — живой дух, щедрый, богатый, исполин-великан... Он — живой кормилец — отец несметного народа, несметного зверя, птиц. Сказочно красив своей многоцветной одеждой лесов, цветов, трав» (Г.И. Чорос-Гуркин). В знаменитой картине Г.И. Чорос-Гуркина «Хан-Алтай» (1907) нет антропоморфизации, однако величие верховного духа выражено достаточно убедительно. Изобразительный образ его соответствует народной лирике: «Треуголен, ты, Хан-Алтай, когда взглянешь на тебя с высоты». Образ Хан-Алтая даётся в своём многогранном представлении, в котором присутствует как позитивный, так и негативный аспект архетипа Великой Матери. На скалах Карбана нами обнаружен рисунок древнетюркского времени, который можно интерпретировать как воплощение представлений о рожаящем божестве (Маточкин, 1990а, С. 158). Отправным моментом к расшифровке замысла служит число деревьев, равное четырём. Именно у четырёх священных берёз в алтайском эпосе происходит зарождение новой жизни. С помощью четырёх деревьев в ритуальной практике локализуется место порождающего центра. Надо полагать, в этом центре на рисунке изображено женское божество — подательница жизни. Оно предстаёт в образе оленя с подчёркнутой иконографической прорисовкой, с древовидными рогами, у которых вместо отростков показаны листья. В эпоху бронзы Великую Мать изобразили в гроте Куйлю в образе крылатой маралухи с пуповиной. Под её животом показаны рождённые ею козлик и глухарь (Маточкин, 1988, Рис. 1). Здесь же находится ещё один, по всей вероятности более древний архетипический образ Великой Матери — гермафро-

дитическое существо, сочетающее в себе ещё и звериные, и птичьи черты. Это, по-видимому, древнейшее божество Азии — громовник.

Архетип Мудрого Старца. В древнем искусстве Алтая он проходит в образе шамана. Его древнейшее изображение обнаружено возле ручья Карбан (Окладникова, 1984, Рис. 26-4). Изображён антропоморф в костюме, имитирующем птицу. Время этого петроглифического памятника датируется эпохой энеолита. Ко времени рубежа новой эры относятся изображения в гроте Куйлю камлающего шамана и его полёт вдоль мирового древа (Маточкин, 1998, Рис. 1-3). Здесь же можно видеть негативный аспект архетипа в виде трансформированного образа медведя, которому приданы устрашающие черты, и, под которым иногда представляется шаман. Известны изображения камлающих шаманов в древнетюркских граффити и в рисунках алтайцев этнографического времени на бубнах и скалах, опубликованных С.В.Ивановым (Иванов, 1954, Гл. IV, Рис. 80, 86). В своей картине «Ночь жертвы (Камлание)» (1895). Гуркин изображает шамана во время его ритуального танца, которому внимает группа алтайцев. В послереволюционное время шамана рисовал Н.И. Чевалков. Рисунки шамана в процессе камлания и картину маслом на тот же сюжет в 80-е годы нарисовал лесник из Чемала Н.М. Чедоков — «алтайский Пиросмани». Несколько изображений шаманов для книжных иллюстраций сделал в те же годы профессиональный график И.И. Ортонулов. Во время полевых исследований искусства чабанов Усть-Коксинского района в конце 80-х годов нами в аиле Бортулган было обнаружено изображение шамана, сплетённое из нитей. Фигурка эта подвешивалась, а с оборотной стороны в неё была вставлена спичка для того, чтобы ноги были сильно разведены в стороны. Популярен архетип мудрого старца и в современных детских рисунках. Талашев В. из Улаганского района изобразил алтайца с бородкой и добрыми глазами, сидящего на лугу среди цветов в окружении деревьев. В акварели школьника из тех же мест нарисован сказитель под деревом на берегу озера. Кажется, величие его кая внимают и камни переднего плана, и гладь воды, и горы на горизонте, и высокое небо. Замечателен детский рисунок из Музея Этнографии (Санкт-Петербург), где изображён алтаец с красным конём. На руке его спокойно сидит белка, яки приветствуют его. На переднем плане яркие цветы. Деревья с диковинными ветвями образуют что-то вроде портала языческого храма.

Архетип Божественного Ребенка. Нам трудно выделить его изначальный мифологический образ среди самых древних петроглифов Алтая, поскольку антропоморфных изображений того времени дошло очень немного. Возможно, этот архетип обретал свою форму ранее на анималистическом языке. Впервые отчётливое изображение ребёнка можно обнаружить среди петроглифов Бош-Туу скифского времени (Кубарев, Маточкин, 1992, Рис. 4). Он выбит там рядом с женской фигурой и огромным оленем, возможно, тотемным предком. В древнетюркское время фигура ребёнка представлена на известном валуне из Кудыргэ рядом с женщиной в короне — Богиней Умай, как считают исследователи. Архетипический образ божественного ребёнка очень популярен в алтайском героическом эпосе. В связи с этим он появляется в иллюстрациях И.И.Ортоңулова 60-80-х годов к «Маадай-Кара», где младенца несёт на своей спине старуха — символический образ архетипа Великой Матери. В рисунке Юли Табулгиной из Чибиля (9 кл.) воспроизведён эпизод из эпоса «Алтай-Буучай», где мать нянчит младенца в колыбели. Как отмечают исследователи, предвечный образ всех богов-младенцев, и аллегорическая ценность природных явлений как таковых (восход солнца и возникновение новорождённого младенца) взаимосвязаны и равны (Кореньи, 1997, С. 59). В этой связи нельзя не отметить, что мотив восходящего из-за гор солнца часто встречается в современном искусстве алтайских чабанов, а также в детских рисунках.

Архетип Солнца представлен в искусстве Алтая в богатом разнообразии изобразительных образов. Юнг отмечал, что древнейший архетипический образ солнца запечатлён в виде родезийского колеса — круга, разделённого на четыре или восемь частей. Он известен с палеолита на протяжении всей истории человечества. (Юнг, 1994а, С. 33) Подобные знаки встречаются среди разновременных петроглифов Елангаша (Окладников и др., 1980, Рис. 81-7). Кроме того, как пишет Юнг, хорошо известным символом животворящего солнца является бык (Юнг, 1994б, С. 107). На скалах Карагема нами обнаружено изображение быка эпохи бронзы, у которого хвост оканчивается диском. Из индоевропейской мифологии известно, что Боги Солнца часто выезжают на небо в колесницах, запряжённых лошадьми, которые также становятся символами Солнца (конь-огонь). Среди петроглифов Карагема обнаружена пароконная колесница эпохи бронзы с дисковыми колёсами. Олень-солнце представлен среди петроглифов Карагема, датировку которых можно отнести к

эпохе бронзы. Его рога аккуратно выбиты в форме двух кругов с лучами-отростками. На одном роге 22 луча, на другом — 23. С помощью числа 45 древние жители Алтая могли производить счёт времени подобно известному кельтскому календарю, в котором было 8 месяцев по 45 дней. В эпоху раннего железа на скалах Карагема был создан сюжетный рисунок с лучником, стреляющим в птицу. Этот рисунок интерпретирован нами как астрономическая композиция, в которой древнейшее божество Азии — громовник — управляет с помощью стрелы движением солнца в образе сокола. Мелкая и тщательная выбивка позволяет определять углы наклона и характерные размеры рисунка. Выяснилось, что в композиции многократно фигурирует угол эклиптики. Сам рисунок обретает смысл упорядоченной, следующей по воле громовника смены времён года (Маточкин, 1997). В знаменитой картине Гуркина «Хан-Алтай» (1907) также можно обнаружить архетип солнца в образе орла (Штеренберг, 1925, С. 715). Как нами выяснено, в трети детских рисунков школьников Улаганского района присутствует солнце. В замечательной по исполнению и внутренней экспрессии акварели В. Талашев вновь воплощает мифологический образ солнца как мчащегося красного коня (конь-огонь).

Архетип Героя. В наскальном искусстве Алтая широко распространён один мифологический сюжет — человек, стоящий на олене. Трудно дать точную датировку подобным петроглифам. Наиболее позднее изображение древнетюркского времени недавно обнаружено нами в Калтаке. Самое же раннее на скалах Карбана относится к энеолитическому времени (Окладникова, 1984, Рис. 26-5). Антропоморфная фигура здесь олицетворяет, надо полагать, богатыря, культурного героя. В скифское время архетипическим образом героя можно считать лучника, стреляющего в птицу (Маточкин, 1997, Рис. 1). Подобный стрелок широко известен в Евразии как сказочный персонаж — жених, пускающий стрелу в свою будущую невесту. Три лучника скифского, древнетюркского и этнографического времени представлены на скалах Бош-Туу и опубликованы в нашей книге (Кубарев, Маточкин, 1992, Рис. 92). Древнетюркские изваяния Алтая олицетворяют собой архетипический героя, почитаемого воина-предка. Многопланово представлен архетип героя в профессиональном станковом искусстве. Это и «Сартакпай» в многочисленных рисунках Г.И. Чорос-Гуркина 1910-30 годов, и «Сидящий батыр» (1980) В.П. Чукуева, и богатыри героического алтайского эпоса в

иллюстрациях И.И. Ортонулова 1960-80 годов (в том числе и своеобразный персонаж эпоса — Тастаракай, являющийся к тому же архетипическим образом трикстера), и образ Ленина в творчестве Ортонулова тех же лет. В искусстве кучерлинских чабанов архетип героя воплощается в образе охотника из аила Куган, молодого кайчи из аила Мойнок, в современных изваяниях с перевала Шараш и Мойнок (Маточкин, 1989, Рис. 2). Тот же скульптурный образ богатыря вырезают наряду со взрослыми и дети (Слава Ченчубаев). Школьники Улаганского района любят рисовать богатыря, летящего на коне в поднебесье, Алып-Манаша и Малчи-Мергена, Сартакпая и молодого алтайца, играющего на комузе на фоне восходящего солнца.

Архетип Фертильной (Рожающей) Женщины. Образ женщины, воплощающей идею плодородия, способной принести новую жизнь, известен в мировом искусстве с самых ранних палеолитических «Венер». В наскальном искусстве последующего времени пышнотелые беременные женщины практически не встречаются, зато появляются роженицы, условные изображения женщин и эротические сцены. Кроме того, не исключено, что в самых ранних неолитических петроглифах Алтая фертильная женщина мыслилась в зооморфном виде. В сцене бега лосей из грота Куюс, самка с маленьким лосёнком, изображённом в животе лосихи, вероятно, олицетворяла такой архетипический образ (Окладникова, 1984, Рис. 9-2). В эпоху бронзы в Калбак-Таше женщины выбивались схематичным образом с поднятыми вверх трёхпалыми руками, маленькой головкой и прямоугольной юбкой в виде решётки (Кубарев, Маточкин, 1992, Рис. 22). Одна из этих женщин накладывается на фигуру лося. На центральном алтарном панно Калбак-таша есть и более реалистичное изображение рожающей женщины, причём рядом с быком (Кубарев, Маточкин, 1992, Рис. 19-2). В Кеми-Кечу нами обнаружено изображение рожающей женщины на рогах козла. Дуга этих рогов и фазы луны позволяют рассчитать цикл беременности и время рождения ребёнка. В древнетюркское время схематичное изображение женщины с подчёркнутым признаком пола было вырезано на камне у речки Карбан (Маточкин, 1990а, Рис. 3-1). Яркие образы полных обнажённых женщин создал в своих произведениях Н.И.Чевалков. Это его картины «Мечты дикарки» (1921) и «Купальщицы» (1920-е годы). В наше время кучерлинские чабаны записывают в аилах эротические стихи и также рисуют обнажённых женщин (более всего в

аиле Мойнок). В детских рисунках Улаганского района встречается образ зрелой девушки-невесты. Это своеобразный национальный идеал. Его рисуют девочки (Таня Ч. 5 кл., Оля Б. 6 кл.).

Архетип Мирового Древа. Пожалуй, древнейшее на Алтае изображение дерева обнаружено нами в гроте Куйлю (Маточкин, 1988, Рис. 1). Оно выбито там рядом с маралухой-прародительницей и, возможно, является продолжением её древовидного рога. В позднескифское время в гроте Куйлю выбито два дерева. Одно из них представлено в сцене камлания. Вдоль другого дерева отправилась в полёт душа шамана (Маточкин, 1998, Рис. 1, 3). В древнетюркскую эпоху образ дерева был особенно популярен. Особая смысловая роль отводится образу кедра в знаменитой картине Г.И. Чорос-Гуркина «Хан-Алтай» (1907). Традиционный образ мирового дерева представлен в иллюстрациях И.И.Ортоңулова к алтайскому героическому эпосу «Маадай-Кара» (1979). «Портрет» шаманского дерева нарисован в картине «Сосна «шаман»» (1988) народного художника Н.М. Чедокова. Изображения деревьев часто встречаются в современном искусстве алтайских чабанов. Мы обнаружили рисунки деревьев в аилах Кулагаш, Чох-Чох, Ороктой. Среди рисунков детей Улаганского района есть один очень оригинальный, где нарисовано дерево с двумя уходящими вверх и в разные стороны ветками. И над каждой веткой повисло дождевое облако. Ребёнок словно задаётся вопросом: облако ли питает листву или листва создаёт влагу. Во всяком случае тут просматривается взаимосвязь земного и небесного, как и в изначальном мифологическом образе.

Архетип Духа. Этот важный человеческий архетип сформировался давно, однако его изначального изобразительного образа мы пока не представляем. Возможно, что ранее к нему имел отношение архетип мудрого старца. По Юнгу, архетип духа в образе людей, гномов и животных возникает в зависимости от обстоятельств, когда крайне необходимы благоразумие, добрый совет, решимость, замысел и т.п., которые однако не могут быть порождены собственными силами (Юнг, 1996, С. 92). Такую роль помощника в алтайском героическом эпосе прежде всего играет конь богатыря. Юнг отмечает: «Легенда приписывает лошади свойства, психологически присущие бессознательному человеку: лошади обладают даром ясновидения и сверхъестественно чуткого слуха; они играют роль проводника, выводящего заблудившегося на верную дорогу; они имеют дар прорицания» (Юнг, 1994б, С. 278). Действительно, конь богатыря в алтай-

ском эпосе обладает всеми этими способностями. Потому не случайно образ богатыря со своим конём стал любимым образом детского творчества. В профессиональном станковом искусстве всадники на летящем коне изображены в рисунке Г.И. Чорос-Гуркина «Охота» (1930), в иллюстрациях к алтайскому героическому эпосу А. Каланакова (1940), А.А. Таныша и И.И. Ортоңулова. Замечательный резной рисунок обнаружен нами в 1987 году в избе в Тюңгулюке. Там изображена композиция с мчащимся конём, на которого пытается напасть волк. Сверху над конём вырезан кинжал и три белки, а в правом нижнем углу жуткая личина. Вероятно, здесь ярко воплощён архетипический образ свободы духа в его психологическом взаимодействии с препятствующими обстоятельствами. Кинжал, как известно, символизирует мужское начало. Этот глубокий символический образ сродни мужественному духу алтайского героического эпоса.

Архетип Страха. В архетипический образ страха, по-видимому, можно включить мифологические образы нижнего мира, колдовского демона и фантастических хищных животных. Таким выразительным архетипическим образом эпохи бронзы является страшный зверь из центрального панно Калбак-Таша (Кубарев, Маточкин, 1992, Рис. 14). Страшный и такой же зубастый зверь, выполненный в технике граффити, обнаружен на плите из погребального сооружения в селе Бешозёк (Кубарев, Маточкин, 1992, Рис. 57). В эпоху раннего железа в искусстве алтайских скифов фантастические образы хищников были необычайно популярны (львиный грифон, сражающийся с тигром, получеловек-полулев — аппликация на войлочном ковре, рогатый тигр с гусями в пасти на бляхе из Пазырыкских курганов). В древнетюркское время VII-VIII вв. был вырезан страшный зубастый зверь на скалах Бичикту-Бома. В шаманском изобразительном искусстве известен страшный зверь нижнего мира — кара-ютпа. В наши дни рисунок кара-ютпы сделал народный художник Н.М. Чедоков. Он же нарисовал образ Эрлика в виде страшного зверя. В профессиональном искусстве образ Эрлика появляется в рисунках Г.И. Чорос-Гуркина, в основном, дореволюционных лет, в акварелях М.П. Чевалкова 1980-х годов, в многочисленных иллюстрациях к алтайскому героическому эпосу И.И. Ортоңулова. Личину Эрлика вырезал в аиле Кулагаш в детском возрасте Михаил Каймаштаев из Кучерлы. Страшного зверя в образе огромного медведя с большими когтями нарисовал в своей картине маслом Слава Матве-

ев из с. Тюнгур Усть-Коксинского района. Архетип страха редко встречается в детском творчестве; среди рисунков детей Улаганского района он вообще отсутствует.

Итак, на материале изобразительного искусства Горного Алтая, взятого по возможности в наиболее полном объёме, было прослежено бытование определённых архетипических образов в разные исторические эпохи. В целом получившаяся схема говорит достаточно убедительно в пользу действительного существования архетипических образов. И хотя они со временем меняются как по форме, так и по содержанию, тем не менее их изначальная, базовая основа всё же продолжает существовать. Это подтверждает мысль Юнга о том, что «пропасть, будто бы отделяющая древний мир от нашего современного, очень легко сходит на нет» (Юнг, 1994в, С. 207) и что образы прежнего языческого символизма «возвращаются вновь, чтобы компенсировать односторонность современной ориентации сознания» (Юнг, 1996, С. 131). Более того, чем больше мы открываем древних изображений на скалах и проникаемся их мудростью и красотой, тем больше мы, говоря словами Юнга, «обнаруживаем, что всё по-настоящему ценное уже было высказано на самом прекрасном языке» (Юнг, 1991, С. 107). Юнг отмечал, что «все архетипы имеют как позитивный, благоприятный, светлый, вверх указующий аспект, так и указующий вниз, частично негативный и неблагоприятный, частично лишь хтонический, но в дальнейшем — нейтральный» (Юнг, 1996, С. 99). Конечно, этот вопрос в нашем случае нуждается в дополнительных исследованиях, однако в настоящее время можно сделать вывод, что в искусстве Горного Алтая преобладают позитивные, светлые аспекты архетипов. Возможно, что такова вообще тенденция искусства, оперирующего архетипическими образами, ведь не случайно Юнг сам был уверен, что «первая функция художника перед лицом общества — функция целителя. Архетипы дают художественному творчеству способность исцелять» (Юнг, 1991, С. 152).

Литература:

1. Броум. Цит по: Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. — М.: ЧеРо, 1997. — С. 64.
2. Елин В.Н., Соёнов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катуні. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 161-176.
3. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о Вселенной // Советская этнография. — 1935. — №2. — С. 145-160.

4. Кореньи К. Цит. по: Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. — М.К.: ЗАО «Совершенство» — «Port-Royal», 1997. — 384 с.
5. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск: Наука, 1988. — 172 с.
6. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. — Новосибирск: Институт Археологии и Этнографии СО РАН, 1992. — 123 с.
7. Маточкин Е.П. Петроглифы грота Куйлю — памятник древнего искусства Сибири // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 80-88.
8. Маточкин Е.П. Традиционные образы в искусстве алтайских чабанов // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии, 1989. — Вып.1. — С.68 — 71.
9. Маточкин Е.П. Граффити Карбана // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск: Наука, 1990а. — С. 150-160.
10. Маточкин Е.П. К расшифровке петроглифов грота Куйлю // Первобытное искусство. Семантика древних образов. — Новосибирск: Наука, 1990б. — С. 35 — 53.
11. Маточкин Е.П. Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири, 1997. — №3. — С. 57-63.
12. Маточкин Е.П. Шаманистические композиции грота Куйлю // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — Т. 1. — С. 367-378.
13. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. — Новосибирск: Наука, 1980. — 140 с.
14. Окладникова Е.А. Петроглифы средней Катунь. — Новосибирск: Наука, 1984. — 111 с.
15. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. — М.: ЧеРо. 1997. — 416 с.
16. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов. — Л., 1925. // Сборник Музея антропологии и этнографии. — Т.V, вып. 2. — С. 717-740.
17. Юнг К.Г. Архетипы и символ. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.
18. Юнг К.Г. Аналитическая психология. — СПб.: МЦНК и Т. «Кентавр», 1994а. — 132 с.
19. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. — С.-Пб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994б. — 416 с.
20. Юнг К.Г. О современных мифах. — М.: Практика, 1994-3в. — 252 с.
21. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. — М.: Наука, 1996. — 269 с.
22. Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. — М.: Серебряные нити, 1997. — 368 с.

Принцип индивидуальности в организации особо охраняемых территорий

В.Е. Мельченко, к.г.н., МГУ, Москва

В ландшафтном проектировании, в системе охраны природы, при организации сети особо охраняемых территорий используется типологический принцип подхода, доминирующий в естествознании в настоящее время. Он имеет достоинства, в виде достаточно простого способа получения информации, не требующего углубленных

полевых непосредственных исследований, возможность сравнения различных ландшафтов и определения их веса и значимости на больших пространствах, а также удобство в использовании количественных методов и компьютерной обработки.

Но при этом, казалось бы, удобном подходе, мы сталкиваемся с проблемой проявления нетипичности каждого ландшафта; то есть при дистанционном, мелкомасштабном, отчужденном подходе ландшафт рассматривался как типичный, а при конкретных исследованиях он становится в определяющей мере *индивидуальным*, а не типичным.

И дело тут не только в том, что конкретный ландшафт сложнее абстрактного типичного, а в том, что у каждого ландшафта свойства, определяющие его развитие, и, возможно, определяющие развитие этноса, будут связаны не с типичностью, а с *индивидуальностью* ландшафта. В этом случае в действие вступают особые свойства ландшафта, связанные с его местоположением на планете, в космическом плане.

И правомерен ли типологический подход для ландшафтоведения — науки, имеющей дело с целостными образованиями? Представляется, что доминирующий в настоящее время подход, оперирующий свойствами типическими, отчужденными от индивидуальных объектов, себя в значительной мере исчерпал. Во всяком случае, этими методами нельзя решить сущностные проблемы генетического ландшафтоведения.

Подходы индивидуальный и типологический глубоко различны в методологических позициях. При индивидуальном, ландшафт предстает как целостное естественно-историческое образование. Типологический подход, наоборот, оперирует отдельными, отчужденными от индивидуальности свойствами и характеристиками, не привязанными к месту. Еще Лейбниц отмечал, в дискуссии о принципе «индивидуации», что индивидуальность заключается в самом существовании, прикрепляющем каждую вещь к некоторому определенному времени и месту, которые не могут быть общими для двух однородных вещей. Эти положения в значительной мере относятся и к ландшафтам. Н.А. Солнцев выдвигал положение о неповторимости ландшафта, но оно было воспринято критически, как отрицание возможности классификации природных территориальных комплексов (ПТК).

Индивидуальность ландшафта проявляется во множестве интегральных признаков: во флористическом и фаунистическом составе, в особых местных морфологических признаках особей, выражается в индивидуальности свойств почвенного профиля, в специфических свойствах литогенной основы и, конечно, в сочетании природных территориальных комплексов.

Индивидуальность ландшафта выражается в специфике реакций на внешнее воздействие, например, в реакции на фоновые изменения климата, связанные с космосом. То положение, что оледенения были не тотальны, а каждое место по-своему и одновременно реагировало на глобальные климатические изменения, известно как одно из основополагающих в палеогеографии (метахронность оледенений у К.К. Маркова). Поэтому особость будет проявляться в метахронности на фоновые воздействия или изменения, и особой трансформации космической энергии, в первую очередь энергии солнца, в истории развития ландшафта и в его восприятии человеком.

В главном, можно сказать, что типологический подход выбирает общие черты состояния, центрирован на *множество* элементов в системе, и в целом выражает статистическую картину мира.

Индивидуальный, наоборот, обращается к самому себе, к *развитию* объекта, отчасти пересекаясь с генетическим подходом.

В плане познания, индивидуальный подход требует в исследовании обязательного вчувствования, этапа входа, настроя на объект, ощущения его вибраций. Особенно это необходимо при исследовании истории развития территории, когда по отдельным частям (литологическому составу пород, характеру отложений, рельефу, почвам, пыльце и остаткам растений в торфе) необходимо восстановить целостную картину прошлого состояния ландшафта.

Для решения вопросов сохранения ландшафтов, особенно там, где требуется определить приоритеты, необходимо определить *меру* типичности, уникальности, а может и индивидуальности, и факторы, ее определяющие. В решении этой проблемы доминирует площадной подход, при котором за основу сравнения берутся типичные, общие свойства ПТК. Но при этом подходе упускаются из виду контрастные ПТК, в том числе и реликтовые, занимающие незначительную площадь, но имеющие в сохранении естественного хода развития ландшафта и, соответственно, сохранения биологического разнообразия.

Но *значимость ПТК в развитии ландшафта* определяется его соответствием современным ландшафтообразующим процессам и окружающим ПТК, и не только в плане типичности, но и в плане их индивидуальности, особенности.

В аспекте поставленной задачи необходим подход, дающий возможность проанализировать ПТК в развитии относительно сопряженных ПТК и организующего ландшафта. Тогда индивидуальность проявляется как способность сохранять свою особость в развитии. Отчасти такой подход будет соответствовать представлению об устойчивости, как способности к сохранению своего ритма и к самовосстановлению. Представляется, что задача состоит в определении условий, определяющих не индивидуальность состояния, а индивидуальность хода развития ПТК.

Для определения меры индивидуальности использован показатель индивидуальности флористического состава. В общем смысле этот показатель соответствует понятию эндемичности флористических элементов, но определен по отношению к уровням иерархии ПТК. Сравнительный анализ ПТК по флористическому составу показал, что в первую очередь степень индивидуальности ПТК зависит от его возраста. Также выявилось, что в действие вступает возраст только доледниковый (что соответствует понятию рефугиума). Также имеет значение положение ПТК в развитии вмещающего ландшафта. Если ПТК ранга урочище занимает реликтовое положение в развитии ландшафта, то оно хотя и обладает максимальной индивидуальностью по отношению к окружающим ПТК, но всегда будет обладать тенденцией к уменьшению своей индивидуальности. В этом случае больше возможности сохранить свои свойства урочищу, если оно находится в реликтовом ландшафте, но тогда оно само по отношению к урочищам в ландшафте, будет обладать низкой индивидуальностью.

Сравнение по флористической индивидуальности ПТК на разных уровнях иерархии показывает, что чем выше ранг ПТК, тем выше его степень индивидуальности.

В природопользовании индивидуальность создает неудобства. При этом природа представляется как техническая модель, обслуживающая человека. Среда обитания, утилитарное жилище, не обладающее своей особостью. Поэтому неудобно, когда природа проявляет свою самость. Поля должны быть ровные, почвы одинаково окультуренные, луга покрыты одним видом трав, леса — одновозра-

стные монокультуры. Иначе — неудобно для технического обслуживания, управления. Для экономии сил, мысли, духа. Сплошной утилитарный монизм!

В городах овраги засыпают, рельеф выравнивают, реки загоняют под землю. Сажают одинаковые кустарники: с широкой экологической амплитудой, приживаемостью, быстрорастущие, неприхотливые. Везде одни и те же! Так проще, выгодней, дешевле. Управлять! В архитектуре — это идеология. Кредо архитекторов-планировщиков: «Разнообразие ландшафтов создает неудобство для планировочных решений».

Всеобщая идея типичности. Ей оказалось проникнуто все. В том числе и география (в частности, физическая) и даже некоторые аспекты ландшафтоведения — основной принцип классификации строится на типичном. Это положение, наверное, выражает последние надежды на управление природой.

Если даже взять одну сторону в развитии ландшафта (его генезис, процесс, его сформировавший), и пренебречь местоположением, то в одной генетической группе у нас окажутся ландшафты рязанской Мещеры и Калининградской области — и те, и другие моренно-водноледникового генезиса, слабоволнистые поверхности, сложенные песками и суглинками на моренных отложениях, с подзолистыми почвами под сосновыми и еловыми лесами. По преобладающим элементам они сходны. Но если рассматривать целостный образ ландшафта, непосредственно воспринимаемый человеком, в увязке с этносом, то проявятся глубокие различия, на одной стороне — Мещера, есенинские места, где главная мелодия — *нежность*; на другой — территория бывшей Восточной Пруссии, родина И.Канта, с линейной планировочной структурой поселений.

Если сравнить ландшафты по мере их индивидуальности, то максимальной индивидуальностью будут обладать ландшафты, наибольшего возраста, наиболее автономные в развитии, изолированные и контрастные по отношению к окружающим ландшафтам.

Но подход линейный, где чем больше контрастность, тем выше индивидуальность, при оценке *меры* индивидуальности оправдан только по отношению к отдельным элементам ландшафта (флора, фауна). Для индивидуальности целостного ландшафта важна не контрастность состояния элемента, а *особость* его ритма, ритма изменяющихся состояний в развитии ландшафта.

Если особенности ландшафта проявляются в его развитии, то, видимо, индивидуальность основывается на памяти. Наибольшей способностью к сохранению информации о прошлом обладает литогенная основа, а о прошлом *своего ландшафта* — почвы. Может поэтому в древности воины и путешественники на чужбине носили с собой почву (родную землю).

И если бы ландшафт не обладал индивидуальностью, не было бы ностальгии по месту, где родился. И что такое ностальгия, если не привязанность к ощущению индивидуального места, ландшафта, несводимого к ощущению отдельных элементов.

Выводы:

1. Индивидуальность ландшафта определяется его местоположением, временем формирования, и выражается в ходе его развития.

2. Индивидуальность ландшафта определяется возрастом формирования, изолированностью, контрастностью по отношению к сопряженным ПТК и внутренней стабильностью по отношению к изменчивости внешних условий.

3. Создание системы особо охраняемых территорий должно быть ориентировано на сохранение индивидуального хода развития ландшафта и проживающего в нем этноса, что дает основу для эволюции биосферы в целом.

Жизнь: живая и мертвая

А.А. Муронов, АГИИК, г. Барнаул

Стремление к осознанию человеком самого себя, к пониманию своего места в мире заставляет задумываться над вопросами о том, что есть жизнь и смерть. Однако как в древности, так и в настоящее время при попытке осмысления сущности последних, человек сталкивается с необходимостью решения многих проблем, однозначных ответов на которые он не имеет. Мы не знаем, пишет С. Лем, возникла ли жизнь на Земле с той же необходимостью, с какой падает в поле тяготения камень, или же она досталась нам как главный выигрыш в лотерее. Мы не знаем, сколько существует планет, на которых возможна разумная жизнь. Мы не знаем также, должна ли эволюция

жизни с необходимостью приводить к возникновению разумных существ.

Наличие многих «не» в понимании жизни не предполагает поэтому изложения окончательного учения о ней. В связи с этим мы не беремся даже высказать свою точку зрения, а попытаемся рассмотреть суть лишь одной проблемы, возникающей при изучении «жизни», а именно, взаимосвязь таких понятий, как «жизнь» и «живое», так как именно с ними связано решение указанных проблем.

Можно выделить несколько точек зрения по вопросу понимания «жизни». Так, одни авторы полагают, что жизнь — это атрибут природы. При таком подходе не требуется объяснения откуда она произошла: жизнь вечна, как вечен мир.

С позиций других исследователей, жизнь есть высшая форма развития природы. В таком случае возникает необходимость объяснения того, каким образом это стало возможным.

В своем большинстве, однако, представители разных подходов в понимании сущности жизни, оказываются едиными в трактовке ее проявления, рассматривая в качестве последнего ее реальные живые формы. Это видимо наиболее древнее представление о жизни. В средние века эта линия проводилась в таких учениях как «пантеизм», «гилозоизм». Позже она была представлена в учениях Лейбница, Т. Шардена, Б. Холдейна, В. Вернадского и др. Само понятие живого и следовательно жизни, рассматривается, как правило, через призму белковых форм существования, так как «постулируемая возможность иных, небелковых форм жизни не подтверждаются» (Алексеев В.П. Становление человечества. — М., 1984 — с. 4). Из такого подхода следовало, что либо весь мир в своей основе содержит в себе зачатки живого, развитие которого и ведет к появлению человека, либо к попыткам показать, что живое появляется на определенном этапе его развития, как правило, это связывается с развитием Земли. В таком случае ее гибель приведет к гибели жизни, появление которой, по сути, носило случайный характер.

Представители другого направления пытаются подойти к определению жизни с более общих позиций, используя закономерности всего мира, а не его отдельных форм. Понятие «жизнь» при таком подходе, стали связывать с такими понятиями как «система», «порядок», «информация» и др. С другой точки зрения, жизнь и живое оказываются разными понятиями. Живое выступает как одна из форм «системной», «информационной», «полевой» и т.д. жизни.

Следовательно, в рамках данного подхода говорить о происхождении жизни и о появлении живого, это не одно и то же. В таком случае происхождение человека не является продолжением жизни, а должно рассматриваться с позиций появления новой формы живой жизни.

Но если признать возможным говорить о наличии живой жизни, то можно предположить наличие неживой. Если отождествить понятия неживое и мертвое (что не является бесспорным), то следует признать возможным существование жизни в двух формах: живой и мертвой. В жизни мы часто говорим о жизни физических тел (корабля, планеты и др.), что не является, следовательно, просто риторическим утверждением, а содержит в себе глубинный смысл. В таком случае развитие мира, это переход одной жизни (физической) в другую (химическую) и т.д.

Основания жизни могут быть различными (полевые, плазменные, физические), следовательно и формы жизни в рамках каждого основания, тоже могут быть различными. Соответственно, мир выступает как носитель многообразных форм жизни.

При кажущейся надуманности спора о приоритетности того или иного подхода в понимании соотношения понятий «жизнь» и «живое» его решение имеет принципиальное значение для решения многих проблем, в том числе и вопроса о толковании сущности человека. Если вся жизнь живая (биологическая), то человек должен выступать высшей формой ее проявления, быть носителем свойств этого живого мира. Если же жизнь выступает в единстве живой и мертвой, то следует иначе посмотреть на человека и его место в мире. Сущность человека должна определяться исходя из сущности не только живого мира. В рамках данного подхода следует рассматривать тогда и сущность других понятий: рассудок, разум, сознание и т.д. В таком случае диапазон исканий «братьев по разуму» значительно расширяется и наполняется новым содержанием, по-новому представляется место и роль человека в мире.

Синергетический взгляд на социальные системы

Карстен Фюнфштюк, Галле (Германия)

Мы давно уже привыкли к понятию «синергетика» и готовы его определять скорее как «парадигму» в смысле Т. Куна или как «метанауку», нежели как науку. Такая трактовка предохраняет нас от обвинения в редукционизме, особенно, если мы предпринимаем попытку рассмотреть разные системные образования в области гуманитарных наук.

В рассмотрении социальных систем чрезвычайно важно исследовать проблему «социальной» материи и информации, протекающих по «социальному» времени и пространству. Синергетическое видение открывает новые перспективы в понимании и практическом обращении с этими системами. При этом мы напрямую выходим на вопрос о «памяти» в таких системах. Для этого нам потребуется разъяснить некоторые фундаментальные понятия. Во-первых, под *автопойэзисом* (самосозиданием) мы понимаем некую динамику глобально-устойчивой, но не равновесной или покоящейся структуры. Автопойэтические системы направлены на самообновление и самосохранение посредством «общения» со средой и другими системами через обмен материей, энергией и информацией. При такого рода «метаболизме» из системы выводится энтропия и новая свободная энергия поступает в нее. Такие процессы как, например, автокатализ, эйгеновские гиперциклы и т.д., с одной стороны, возможны только в состоянии высокого неравновесия и, с другой стороны, каждый раз обновляются именно через такое состояние. В какой-то мере системой достигается независимость от окружения через нарушение симметрии, когда обновляется ее собственная структура. Эту независимость, приобретаемую в динамическом взаимоотношении со средой, можно назвать *со-знанием*, *структурным паттерном*.

У него есть способность отбора тех материальных, энергетических и информационных величин, которые ему нужны. Каждая автопойэтическая структура существует до тех пор, пока она способна ассимилировать постоянный приток внешних или внутренних флуктуаций.

Порядок же через флуктуацию указывает скорее на эволюционно-направленный элемент в отличие от автопойэзиса. Чем меньше система, тем больше вероятность того, что случайные внешние флуктуации вытолкнут систему из глобальной устойчивости. До

критического порога автопойэтическая система абсолютно уменьшает влияние флуктуаций. За этим же пределом качественная перестройка системы зависит от качества и количества попадающих в нее флуктуаций. Не простое накопление флуктуаций нарушает систему, а только те флуктуации, которые за пределом устойчивости системы обладают достаточной «флуктуативной величиной». Если же поступают «проглатываемые» системой слишком малые флуктуации, то она благодаря крепким связям между подсистемами переходит в «мета-устойчивое состояние» (например, консервативные, отсталые системы). Флуктуации постоянно проверяют систему: в какой степени она устойчива. «Положительный» аспект метаустойчивости состоит в том, что таким затягиванием существования старой структуры обеспечиваются реорганизация, усложнение и углубление всех внутрисистемных процессов более высокого порядка сложности. «Отрицательный» аспект заключается в том, что все более новые и крупные флуктуации при все более развитых метаустойчивых системах (с огромной флуктуационной величиной) могут привести к полному крушению структур системы. Порядок через флуктуацию нужно понять как полемику против виннеровского понимания роли «положительной обратной связи» (или здесь положительного «эволюционного фидбэка»), которая и привносится извне и производится внутри системы. За пределом устойчивости начинается «полная» (если не учесть довольно сильного аргумента Уоддингтона о наличии ограничивающих дальнейшее развитие «креодов»-каналов, неких архетипов) неопределенность будущего системы (описываемая в терминах модели бифуркации) с высокой вероятностью утверждения одной случайной тенденции из многих, конкурирующих между собой. Если, однако, система по каким-то внешним причинам (например, понижение неравновесия) вынуждена обратиться назад, то она выбирает однажды пройденный путь, что подтверждает тезис о существовании у системы памяти, религии (re-ligare: вернуться, обратиться назад). Как мы увидим в дальнейшем, такое простое обращение назад является лишь одним (более пассивным) способом восстановления контакта с прошлым. Информация о пройденном пути хранится в отличие от всех остальных системных структур в более устойчивых, отчасти даже равновесных структурах, как-то: ДНК, традициях, материальных носителях и т.д. Мы здесь имеем дело с некоей информационной синтаксической структурой хранения, которой предстоит через циклические процессы обмена

попасть в некий семантический контекст ее расшифровки. Только в прагматическом контексте (ее интерпретации и применения) информация становится действующей, где ее отправитель и адресат взаимообусловлены. Совокупность генетически-исторически закодированной информации подвергается выборочному использованию в синхронном срезе. В этом эпигенеалогическом процессе, или точнее, в «стрессовой ситуации» (Уоддингтон) автопойэтическая система активизирует с помощью взаимодействия с окружающей средой определенные, внутри нее покоящиеся, генетические информационные потенциалы, которые, в их большинстве (от 50 до 98%), так и остаются не востребованными.

Рассмотрение предложенной К. и Э. фон Вайцеккерами информационной модели раскрывает широкие возможности исследования самоорганизующихся систем, в том числе и социальных. Дополнительно мы введем понятия «*первоопыт*» (то, что в первый раз происходит) и «*подтверждение*», которые в своей крайности являются противоположными полюсами. За порогом неустойчивости, с одной стороны, начинается чистый первоопыт; равновесные структуры, с другой стороны, стремятся к стопроцентному подтверждению. Обе величины рассматриваются по отношению к прагматической информации системы (см. выше). Чистый первоопыт, или однократность, не содержит в себе никакой прагматической информации, является хаосом. Подтверждение, в чистом виде, не содержит нового, оно является стагнацией. Оно также не содержит прагматической информации, что говорит о том, что стопроцентное подтверждение не способно вызвать какое-нибудь малейшее направленное действие («хаос, беспорядок Больцмана»). Между ними, в состоянии «*баланса*», которое отнюдь не является равновесием (в выше указанном смысле), а именно *автопойэзисом* (где взаимообмен со средой примерно равен, а «экспорт» и «импорт» энтропии почти выравниваются), находятся максимум обмениваемой прагматической информации и максимум сложности (комплектности) структуры отправителя и адресата информации. Первая фаза «максимального первоопыта» характеризуется повышенным производством энтропии (новых образовавшихся структур), чтобы достичь определенной степени подтверждения. Эти новые структуры подвергаются проверке и впоследствии отвергаются или подтверждаются. На этапе автопойэзиса производство энтропии, нужной, чтобы справиться с новым первоопытом (приливом флуктуации), сводится к минимуму. Тотальное

же подтверждение сопровождается накоплением произведенной энтропии без возможности ее выведения. Оно похоже на состояние тепловой смерти в замкнутых системах или на метаустойчивую систему.

В отличие от философской установки О. Шпенглера, который (под очевидным влиянием постулатов классической термодинамики) в своей «морфологии мировой истории» (см. «Закат Европы») предполагал, что у всех культур при переходе в фазу цивилизации, т.е. термодинамического равновесия и тепловой смерти (или стопроцентного подтверждения в нашей терминологии), происходит феномен «забвения», который делает невозможным творчески сохранить в памяти ранее созданные культурные структуры, мы исходим из другого предположения. А именно, что, во-первых, социальные системы следуют считать не замкнутыми, а открытыми, и, во-вторых, прошлое не только не забывается и не пассивно воспроизводится через омертвелые обычаи и культы, а, наоборот, активно восстанавливается несмотря на гибель отдельных цивилизаций и скорее даже вопреки ему. Для этого я приведу один пример, касающийся переплетения временных структур, причем человек здесь выступает творцом истории, который воссоздает память о ней. Примером служит развитие производства и использования энергии. Историческое развитие показывает, что человек в ходе своего становления обращается к все более ранним (по эволюции Вселенной) источникам энергии, вернее носителям энергии. Прямым образом он открывает для себя все более древние структуры Вселенной. Ряд таков: собственная физическая сила — огонь — ветер — вода — физическая сила животных. Потом происходит скачок от этого первого «феноменального уровня» энергоносителей к скрытым слоям: уголь — нефть — природный газ (долговременные хранители энергии). Второй скачок обращается от *прямого* использования земных энергоносителей к *прямо*му использованию вселенской энергии, а именно солнечной (в виде солнечных батарей). *Косвенным* образом человек всегда был связан с этой энергией, разумеется. Следующий скачок возносит человека от использования комплексных энергоносителей, т.е. Солнца, к самому моделированию и производству энергетических процессов, происходящих почти что с самого начала существования нашей Вселенной: деление и слияние ядер атомов. Конкретно это означает то, что человек в своей эволюции все глубже проникает в прошлое. Прошлое ему открывается в будущем через производственный акт.

«В начале было дело!» — восклицал Фауст. Итак, во всем человек начинает чувствовать «живую историю», не только через простое обращение назад, но прежде всего как деятель и творец будущего. Перед ним открывается проблема ответственности за всю планетарную и космическую эволюцию. Но наша мораль до сих пор дает ему лишь права и обязанности, но не сознательную ответственность.

Алтай и алтайская художественная культура в контексте глобального ноосферогенеза

М.Ю. Шишин, к.философ.н., АГИИК, Фонд «Алтай — 21 век», Барнаул

В условиях глобального кризиса современной цивилизации с особой остротой встает вопрос о дальнейших путях развития человечества. Представляется оправданной позиция очень многих историков начиная от Сыма Цяня, Геродота, Плутарха, в XIX-XX вв. — О. Шпенглера, К. Леонтьева, Н. Данилевского, «евразийцев», Л. Гумилева, которые говорили о нелинейности, импульсивности исторического процесса, наличии точек «сгущения» — центров этно- и культурогенеза. Поскольку большинство из вышеназванных ученых в своих трудах склоняются к мысли об особой роли азиатской России для судеб будущей цивилизации, то можно выдвинуть в качестве научной гипотезы предположение о том, что Алтай–Саянская горная страна может стать одним из центров нового цивилизационного прорыва. Мысль это небеспочвенна, ибо в прошлом отсюда (гунны, тюрки) уже происходили мощные социально-духовные волны, потрясавшие всю Евразию.

Можно отметить усиление научно-общественного поиска выхода из общецивилизационного тупика. Предлагаются различные теории и концепции, от откровенно фашиствующих («золотой миллиард»), до радикально «экологических» — («долой цивилизацию, вернемся к природе»). Эти крайние позиции рекрутируют своих приверженцев в различных слоях олигархии или люмпенизированных группах. До последнего времени число их было незначительно и не бралось во внимание политиками, учеными и общественными лидерами. Но в условиях обострения кризиса усилится и социальный разрыв в обществе, и напряжение, конфликт между различными

группами может достичь крайних форм противостояния. Причем такого рода конфликты необязательно, как прежде, будут национальными и протекать в виде типичных революционных выступлений. Скорее всего, в силу общей интернационализации и олигархических и маргинальных слоев, мы получим перманентное противостояние всех против всех. Модель такого неустойчивого общества прекрасно описал писатель-фантаст И. Ефремов в романе «Час Быка». Явственность и реальность такого процесса со всей очевидностью проявляется сейчас в России и странах СНГ. Есть олигархический центр и брошенные умирающие поселки, шахтерские города, где инфраструктура, управление, социальные институты разрушены, но еще теплится жизнь; брошенные люди живут буквально разбоем, натуральным хозяйством, и — если вдруг о них вспоминают «верхи» — гуманитарной помощью. Это красноречивое свидетельство того, куда ведет техногенно-потребительский путь развития общества.

В качестве кардинально противоположного этому пути можно назвать несколько социальных утопий, которые не только провозглашаются и в России и на Западе, но и реализуются, в виде попыток общинных поселений, которые, по мысли их идеологов, должны стать прообразом превращения Земли в большую деревню. Деревня для сторонников этих воззрений является идеальным устройством жизни людей с точки зрения как включенности человека в природно-биосферные циклы, так и возрождения патриархальных норм морали. Как оппозиция урбанизации и атомизации личности в недрах гигантских полисов эта тенденция несет положительный заряд, однако история большинства этих поселений показывает, что существуют они недолго и распадаются не столько под давлением со стороны, сколько раздираемые противоречиями и конфликтами изнутри. Люди, создающие эти «города Солнца», стремятся, как правило, изменить внешние формы жизни, но не менять глубинным образом свое мировоззрение. Кроме того, не исключается и мысль подбрасывания этих «общинных» идей со стороны олигархических кругов, кровно заинтересованных в аскетическом образе жизни большинства, всех, кто не принадлежит их элитному клубу. Это особенно выгодно с глобально-колониальных позиций по отношению к России, которая, превратясь в «большую деревню», производила бы сельхозпродукты и воспроизводила бы население ровно настолько, насколько потребно для сферы обслуживания, тяжелых и опасных производств, например добыча природных ресурсов на севере, в горнодобывающей

и атомной промышленности и т.д., как бы в интересах общепланетарной экономики, а на самом деле в интересах «золотого миллиарда». Мы не ставим в качестве главной цели анализ концепций цивилизационного развития, поэтому ограничимся кратким экскурсом в область этих проблем и сделаем предварительный вывод: ни природно-натуральный (общинный), ни техногенно-потребительский (прозападный) пути не могут быть генеральными для России и всего мира.

Необходимо вернуться к утерянным идеям, концепциям, которые не просто декларируют коэволюцию человека и природы, а предлагают реальные подходы и способы создания единого, этнокультурно многоликого, безнасильственного, гуманного социально-природного планетарного сообщества. Мы разделяем мнение ряда ученых, таких, как П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, В.П. Казначеев и др., которые считают учение о ноосфере плодотворной и содержательной в плане богатства идей философско-методологической базой, способной стать основанием нового и по сути и по форме цивилизационного духовно-экологического прорыва.

Постараемся показать некоторые регионально обусловленные и регионально проявляющиеся атрибуты ноосферного прорыва, роль культуры и культурного наследия в этом процессе. Вначале кратко представим ту теоретическую модель ноосферы, на которую будем опираться в ходе своих размышлений. Учение о ноосфере, родившееся в содружестве французского математика Ле Руа, антрополога Тейяр де Шардена и русского естествоиспытателя-энциклопедиста В.И. Вернадского в первой половине XX века, в дальнейшем получило развитие в трудах многих видных ученых в нашей стране и за рубежом. Хотелось бы отметить особенно крупный вклад отечественной науки в лице таких ученых, как А.Л. Яншин, Н.Н. Моисеев, В.П. Казначеев. Углубление научного поиска в русле учения о ноосфере, а также высокая значимость этого учения для разработки национальной стратегии развития потребовали, в свою очередь, уточнить ряд принципиально важных положений, составляющих ядро ноосферной теории. В контексте этих изысканий нами предложена структурная модель ноосферы и уточненные атрибуты ноосферогенеза. Получены следующие теоретические результаты:

1. В ноосфере, по-видимому, можно вычленить две составляющих. Во-первых, это собственно материальные, вещественно-

энергетические структуры, созданные человеком: техносфера, антропогенные ландшафты, культурно-символические системы различных типов (язык, архитектура, музыка) и т.д. На эти аспекты указывают традиционные научные разработки. Во-вторых, это тонкополевые структуры энерго-информационного характера, возникновение которых является прямым следствием ментально-психической деятельности человека.

2. Ноосфера является сложной, неоднородной системой. Обобщая выводы основоположников учения, нами выделяются в ней три основных структурных слоя, образующих иерархические взаимопроницающие сферы бытия: 1) сфера, обеспечивающая по преимуществу телесно-витальную, социально-экономическую жизнь (воспроизводство) человека — с известной долей условности ее можно назвать «витосферой»; 2) сфера науки и научно-технического творчества — «интеллектосфера»; 3) сфера духовного творчества и высших духовных (нравственно-эстетических) ценностей — «пневматосфера» в терминологии П.А. Флоренского. Эти три сферы генетически и функционально связаны между собой, образуя на восходящей оси ноосферогенеза слои с различным субстанциональным энерго-информационным качеством мысли. Чем выше слой, тем большее сознательно-преобразующее влияние оказывает он на низшие сферы биосферы и ноосферы. В иерархическом взаимодействии этих слоев сфер проявляется «вертикально-качественная» неоднородность формирующейся ноосферы.

3. Общая структура ноосферы обладает «горизонтальной» пространственно-временной неоднородностью, наличием точек сгущения, «скручивания», бифуркации, в которых происходит переход в новое качество. Это подтверждается в частности неоднородностью и нелинейностью исторического процесса, появлением центров этногенеза, цивилизационных прорывов. Без сомнения это связано с работой мысли. Возникновение этих энерго-информационных «сгустков» и «складок», структуризацию первичной субстанции (под которой мы понимаем мысль как таковую) образование в ней систем и подсистем можно рассматривать в качестве объективного условия ноосферогенеза. Что позволяет в свою очередь сделать вывод о наличии на поверхности Земли точек особо интенсивного процесса ноосферогенеза.

4. Ноосферогенез следует рассматривать как нелинейный процесс. Он носит пульсирующий характер, как во времени, так и в про-

странстве. Это легко заметить в его «зримых» составляющих — антропогенезе, этногенезе, культурогенезе. Пульсирующий характер этих линий прогрессивного развития человечества напрямую связан с комплексным воздействием суммарных природных и антропогенных, вещественных и энергетических потоков. Особого интереса заслуживает гипотеза о специфическом, полярном (позитивном либо негативном) воздействии на ноосферогенез материальных структур, созданных человеком, а также о непосредственном воздействии самой человеческой мысли.

5. Человек является основным фактором ноосферогенеза. Он действует не только опосредованно, то есть через создание соответствующих материальных структур и социальных институтов, но и непосредственно — через свое сознание и мысль. Ежесекундно он, по сути дела, действует как сложнейший механизм перевода различных природно-антропогенных вещественных и энергетических потоков в новое состояние. Т.е. именно человек есть то, что задает вектор развития всей ноосферы. В связи с этим положением уточним, что в понятие ноосферогенеза будем вкладывать только прогрессивный, эволюционный аспект этого процесса, и в ментальной и в витальной сферах жизнедеятельности человека. Одновременно подчеркнем, что мысль как таковая является квинтэссенцией ноосферы и ноосферогенеза в сущностном аспекте.

В результате этой работы выдвинута и частично обоснована гипотеза о том, что некоторые территории, обладая уникальным набором качеств, могут служить толчком цивилизационного, по сути дела ноосферного прорыва. Одной из таких точек, как мы уже сказали, есть основания считать Алтай–Саянскую горную страну.

Покажем теперь в предельно общем виде возможность применения предложенной теоретической модели ноосферы для аргументации данного предположения, последовательно поднимаясь по уровням ноосферы.

Самый нижний, материально-плотный — витальный план — включает социум и техносферу. Он чрезвычайно древен на Алтае. Самые скромные оценки говорят, что в верхнем палеолите человек жил в алтайских горах, создавал орудия труда. Легко объяснимо, почему Алтай привлекал человека. Разнообразие ландшафтов, обилие различных ископаемых, биологическое разнообразие, возможность защиты в горных условиях от непогоды хищников и врагов — все обеспечивало хорошие условия жизнедеятельности.

В самом общем виде можно выделить две стадии жизнедеятельности человека на Алтае. Первая охватывает практически всю историю заселения Алтая человеком — первобытное общество и традиционное. Он характеризуется главным, по нашему мнению, качеством — человек и его хозяйство вписаны в природные циклы. Между биосферой и человеческим обществом устанавливается баланс. Из природы извлекаются, в основном, возобновляемые ресурсы и они, как правило, восстанавливаются биосферой. Охота, выпас скота, даже добыча минералов не разрушали главного компонента природного комплекса — ландшафта. Конечно же, не стоит идеализировать отношения человека и природы в прошлом: вырубка деревьев, перевыпас на пастбищах и их оскудение случались и раньше. Все это однако, было отмечено людьми, и в табулярной практике закрепились то, что позволено и чего не позволено по отношению к природе. Важно отметить что Природа всегда понималась как Источник Жизни, поэтому отношение к ней было благоговейным. Не имея возможности привести многочисленные факты, иллюстрирующие это положение, резюмируем главное. Осваивая природу, формируя витосферу, человек эмпирическим путем пришел к пониманию целостности природы и своей неразрывной включенности в нее. Оформилась народная энциклопедия знаний о природных явлениях, касающихся абсолютно всего: — как и где строить жилище, вести хозяйство, создавать семью и воспитывать детей. Дикая и очеловеченная природа были в сознании человека схожи, близки не по форме, а по сути. Отсюда как следствие вытекает давно выявленный культурологами факт — юрта кочевника, изба крестьянина являются собой модель Вселенной.

Иной, диаметрально противоположный, технократический императив стал довлеть в отношениях человека и природы на Алтае с конца XIX века. В XX веке этот процесс только усилился, причем настолько, что вопрос о сохранении Алтая, его уникального природного и культурного наследия стал основанием включения ряда территорий в Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. В ходе борьбы против техногенного освоения алтайских гор сформировались и общественные экологические движения и группы. Они интересны для нас в том плане, что в их отношении к миру вновь всплыли те ценности и представления, которые руководили действиями людей на этой территории в прошлом, а именно: мир един, и человек — как его органическая, а главное, разумная часть, — ответ-

ственен за все. Отметим, что возврат к этим идеям произошел на новых научных основаниях. Таким образом, можно резюмировать, что витальный план в ноосферной деятельности человека, основываясь на базовых представлениях о цельности мироздания, сформировал и знания, которые стали фундаментом для формирования второй структурной единицы ноосферной модели — интеллектосферы.

Традиционно принято связывать интеллектосферу с научными достижениями, знаниями, зафиксированными письменно. На Алтае же развивались дописьменные формы фиксации передачи знаний. Тем не менее, уровень знаний там был очень высок, и не только чисто эмпирических. Сошлемся лишь на существенный, красноречивый факт — создание календарных систем. Это итог, как правило, наблюдений за небесными светилами, природными закономерностями и человеком (циклы деторождения). Создание календарей (см. Ларичев В.Е., Маточкин Е.П.) требует высокой степени абстрактного мышления и глубоких знаний о мире. В пределах Алтай–Саянской горной страны, судя по последним исследованиям, календари возникли очень рано.

Кроме того, вся совокупность знаний о мире требовала создания парадигмы объясняющей отношения материального и духовного мира (которые были равно реальными для алтайцев), а также общих причин явлений и т.д. Первобытными философами эта матрица была найдена. Ее основу составляли дуальные пары (добро-зло, день-ночь, мужчина-женщина) и трехуровневая структура мироздания. Мир имеет три уровня; с каждым из них были связаны все обряды, культы и представления. А.П. Флоренский в книге «Столп и утверждение истины» дал очень точное, на наш взгляд, определение мистической сути каждого из этих уровней. Так, подземный мир — сфера предельно плотная, грубая, как правило, населенная злыми для человека существами. С ней были связаны культы и обряды, по П.А. Флоренскому определяемые в русле «мистики живота, т.е. мистики оргиастических культов», связанных с отправлениями питательными и воспроизводительными. Над ней высился мир людей, и поскольку главное, чем человек отличается от всех остальных существ в мире — сознание, и это различие хорошо понималось в древности, то мир людей проецируется в мистику головы или собственно жизни сознания. Мир небожителей венчал все мироздание и ему соответствует мистика «средоточия человеческого существа, открывающая доступ в человека благодати, питающей недра его»

(с. 267). Так мыслили люди в прошлом и это отражено в их предметах материальной культуры. Каждый предмет, будь то прялка, полотенце, дом и т.д. — все четко членится — орнаментом, цветом, обрядовой практикой согласно этой трехуровневой структуры мироздания.

Данная трехуровневая схема позволяла человеку как бы ранжировать свои знания о мире: от сугубо эмпирических до космогонических и духовных. Рассмотрим это на самом обычном, но знаковом элементе народной культуры, опояске в комплексе народного старобрядческого костюма. Обычно она повязывалась в момент крещения — духовного рождения и имела свастичный орнамент. Акт крещения — это и акт закрепления в сознании человека того, что он познал, приобщился к внешним ценностям и Богу. (На Алтае одной из крупных староверческих сект была секта, получившая название «самокресты», члены которой принимали крещение в сознательном возрасте.) Этим актом утверждалось, что отныне человек и в духовном, и в бытийном плане должен ориентироваться на Высшее и не допускать греховного. Опоясывание авторитетными в духовном плане людьми, наставниками, прикрепляло его к общине в духовном плане и разделяло в нем (и на нем) две сферы: нижнюю — низшую и верхнюю — высшую. Община, ее моральные принципы, требовали духовной и физической чистоты; поясом опредмечивалась, оформлялась «огненная граница» (свастика — символ огня). Огненная непреодолимая преграда возникала между греховным и святым. Нарушившего эти устои распоясывали на миру. Т.е., мы видим, как знание по целесообразному, правильному устройству жизни отлагались в виде иерархической системы ценностей. Многими примерами подтверждается требовательность староверов не только к поступкам, но и к словам и даже помыслам. Интуитивно они очень близко подошли к пониманию большой силы слова и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, мысли человека.

Приведенные теоретические положения и возможность их аргументации на основе культурного наследия региона (отметим — не менее показательны примеры из недр традиционной алтайской культуры) позволяют сделать вывод о том, что здесь сохранен высокой значимости духовный потенциал, являющийся необходимым, объективным условием качественно нового цивилизационного построения. Однако отметим, что одного только указанного фактора явно недостаточно. Культурные накопления и биогеосферные богатства

могут оказаться не востребованными, потенцированными, а не актуализированными. Для последнего требуется наличие активных личностей, которые, с одной стороны, деятельны и стремятся к созиданию на витальном плане, интеллектуально высоко подготовлены и движимы высшими ценностями, которых в определенном смысле, можно назвать пассионариями, по терминологии Гумилева. Но в отличие от подхода этого ученого, нам представляется, что само появление подобных личностей не обусловлено только объективно-природными процессами, это всегда вопрос свободной воли. Но исследование этого вопроса уже выходит за рамки данной темы.

Тропа над Чемалом

Андрей Иванов

Здесь — с крутоярья чемальской тропы
Око души распознает в июне,
Как полотно евразийской судьбы
Ткут благодатные струи Катуня.

Вечные скалы над вечной рекой,
Вечное небо и светлая вера
В то, что Катунь и пребудет такой
Вплоть до пришествия огненной эры.

26 июня — 12 июля 1998 г.

III. КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Современные проблемы экологической безопасности космической деятельности

*С.В. Кричевский, космонавт, к.т.н., академик Академии космонавтики
им. К.Э. Циолковского (Центр Экологической Политики России, Москва)*

Доклад посвящен основным результатам исследования: «Экологическая опасность космической деятельности (аналитический обзор)», выполненного на основе открытых источников в 1997 г. в Центре экологической политики России (ЦЭПР), г. Москва, в соавторстве с профессором, д.ф.-м.н. М.Н. Власовым, которое в виде монографии готовится к печати в издательстве «Наука» [1].

Монография объемом более 15 п.л. состоит из: введения, 5-ти разделов, заключения, списка литературы (свыше 200 источников), указателей, приложений, содержит более 60 иллюстраций.

В 1-4 разделах рассмотрены воздействия космической деятельности (КД) на: околоземное космическое пространство (ОКП); приземную атмосферу; поверхность Земли; человека в космосе. В 5-м разделе проанализирована экологическая политика в сфере КД: перспективы развития КД (коммерциализация КД, экологически опасные космические проекты); правовое обеспечение экологической безопасности (ЭБ); система управления ЭБ КД; даны рекомендации по обеспечению ЭБ КД).

Основные тезисы доклада:

1. За 40 лет Космической эры (4 октября 1957 г. в СССР стартовал 1-й искусственный спутник Земли) в мире запущено свыше 5000 космических объектов, действует более 15 космодромов. Свыше 20 государств состоят в «космическом клубе». Активность и последствия КД интенсивно нарастают [2-4].

КД в России и мире, несмотря на значительный позитивный вклад в развитие человечества, сопровождается ростом экологической опасности и ущерба для людей и природы, массовыми наруше-

ниями экологических прав граждан [5, 6]. Вследствие КД нанесен значительный ущерб: в районах космодромов, ракетных полигонов, падения фрагментов ракет на поверхности Земли, особенно на территориях России и Казахстана; ОКП: чрезмерно высок экологический риск для людей в пилотируемых полетах в космос.

2. Основные причины экологической опасности КД: военный генезис, унаследованная антиэкологичность ракетно-космической техники (РКТ), топлива, технологий, созданных в «доэкологическую» эпоху развития; несовершенство экологического законодательства; отсутствие независимой экологической экспертизы; ведомственность, корпоративность, монополизм КД при отсутствии эффективного контроля со стороны общества.

3. «Коэффициент полезного действия» современной РКТ чрезвычайно низок: как правило, не более 1-3%. Это и есть «массовая эффективность», т.е. отношение массы полезной нагрузки (космического аппарата (КА), выводимой РН в космос) к общей стартовой массе. Таким образом, 97-99% общей массы (РН + КА) — это отходы: продукты сгорания топлива (топливо — около 80% массы РН) и фрагменты конструкций РН, как правило, одноразовых. Отсюда — чрезвычайно высокая стоимость РКТ и всей КД. Чаще всего применяются агрессивные, высокотоксичные компоненты ракетного топлива. Стартовая масса тяжелых РН — сотни и тысячи тонн (около 700 т — РН «Протон» (Россия), «Ариан» (Франция) и 2000 т — «Спейс Шаттл» (США). Актуальной проблемой КД является высокий технический риск, повышенная аварийность РКТ (например, в сравнении с авиационной техникой), соответствующие экологические и др. последствия и ущерб.

4. С 1965 г. в СССР, затем России с космодрома Байконур запущено более 250 РН «Протон» [7]), на каждой из них невырабатываемые остатки жидкого топлива составляют: на 1-й ступени — до 1,5 т несимметричного диметилгидразина (гептила) и до 3 т азотного тетраоксида; на 2-й ступени — 0,5-0,8 т гептила и 1-1,3 т азотного тетраоксида.

Таким образом, в атмосфере над территорией Казахстана было распылено и упало на поверхность не менее 375 т гептила и 750 т азотного тетраоксида (без учета последствий аварийных пусков), а в атмосферу и на поверхность на территории Алтая попало не менее 125 т гептила и 250 т азотного тетраоксида. При этом гептил является токсикантом 1-го класса опасности. (По новым данным, приве-

денным на этой же конференции в Барнауле 27 июня 1998 г. в докладе Ю.В. Робертуса из Алтайского регионального института экологических систем (г. Горно-Алтайск), — более 250 тысяч кв. км (!) территории Алтай–Саянского региона, в виде гигантского эллипса, вытянутого с запада на восток, в центре которого Республика Алтай, — поражено гептилом, — прим. автора).

5. Более 30 лет территория Республики Алтай используется под районы падения ступеней космических РН. В нарушение этических и экологических принципов и действующего законодательства осуществляется варварский экоцид уникальной территории России и планеты: Алтайского заповедника — одного из центров биоразнообразия региона. Населению и природе нанесен значительный ущерб. Риск неприемлемо высок и растет в связи с увеличением количества запусков РН, 2-е ступени которых падают на Алтай.

Терпеть такое положение далее невозможно: необходимо остановить ракетно-космический экоцид.

6. Для жизни и здоровья космонавтов, вследствие сочетанного вредного воздействия комплекса космических факторов и условий среды обитания (невесомость, радиация, микробиологическая обсемененность, токсиканты, шумы, стресс и др.), существует запредельный риск непредсказуемых негативных индивидуальных реакций и отдаленных последствий, особенно при длительных полетах.

7. На рубеже XX-XXI веков осуществляется переход к интенсивной коммерциализации КД при широком международном сотрудничестве. Однако, расширение КД и начало космической индустриализации происходят при явном отставании в разработке и реализации мер по обеспечению экологической безопасности. Существует реальная угроза необратимых последствий для окружающей природной среды вследствие КД, прежде всего для ОКП и ряда территорий Земли.

8. В России еще в 1994 г. в Межведомственной комиссии по экологической безопасности Совета Безопасности России по инициативе ее председателя — член-корр. РАН А.В. Яблокова, этой проблемой занималась Рабочая группа из ведущих специалистов различных министерств и ведомств, были проведены многочисленные заседания, разработаны и одобрены соответствующие рекомендации и меры, в том числе проект Федеральной программы «Экос-РФ», направленной на снижение вредных экологических последствий КД [8-10].

В 1995 г. Государственная Дума России проводила Парламентские слушания, посвященные техногенному загрязнению ОКП.

9. В 1995-1996 гг. в нашей стране проблема экологической опасности КД потеряла остроту и политический приоритет на фоне Чеченской войны, парламентских и президентских выборов. Вместе с тем в этот период были приняты и вступили в действие 2 важнейших федеральных закона, относящихся к рассматриваемой проблеме: «Об экологической экспертизе» (1995 г.) и «О внесении изменений и дополнений в «Закон Российской Федерации «О космической деятельности» (1996 г.) [11-13].

10. Космической отрасли России, и в первую очередь — Российскому космическому агентству (РКА), занятым выживанием на пути коммерциализации, в условиях острого кризиса российского общества и государства, — явно не до экологической безопасности. Отрасль и РКА бились и бьются — не на жизнь, а на смерть — за бюджетные вливания и место на мировом космическом рынке. По существу, для РКА, Минобороны России, космических монополий и предприятий любое значительное отвлечение ресурсов на экологические мероприятия в реализуемой ими сиюминутной философии выживания «любой ценой» является неприемлемым и самоубийственным. Поэтому чиновники и отрасль в целом, несмотря на накопленный опыт, знания, разработанные проекты повышения экологической безопасности ракетно-космической техники и КД, всемерно принижают остроту данной проблемы и недопустимо затягивают реализацию необходимых решений и проектов, ограничиваясь, как правило, поверхностными и запоздалыми мерами, направленными, большей частью, на достижение «косметического» эффекта. При этом активно эксплуатируется лозунг: «Космонавтика — престиж России в глазах мира» (хотя о каком престиже еще можно говорить, особенно алтайцам, если идет нарастающий планомерный самообстрел своей территории ракетами, к тому же экологически крайне грязными и вредными!).

Но все это — логика и практика близоруких отечественных чиновников, менеджеров от космонавтики, обслуживающих корпоративные интересы.

У российского общества интересы и проблемы, несомненно, шире, чем у космической отрасли, несмотря на то, что в ней заняты и кормятся сотни тысяч людей: расходы составляют до 1% бюджета 1998 г. (около 3,5 млрд. деноминированных рублей), а объем ком-

мерческой деятельности в 1997 г. превысил 600 млн. долл. с тенденцией достичь в 2000 г. 1 млрд. долл. Есть веские основания считать, что совокупный экологический ущерб, ежегодно наносимый природе и населению России в следствии КД, сопоставим и превышает сумму прямых расходов в этой сфере деятельности.

Таким образом, в России налицо конфликт между интересами всего общества и корпоративными интересами людей, организаций, прямо связанных с КД.

11. Современная ситуация, кроме предыстории, усугубляется тремя обстоятельствами:

1) началом этапа активной коммерциализации КД. (В мире планируется резкое увеличение количества запусков РН в ближайшие 5-10 лет. В России интенсивно нарастает количество коммерческих запусков посредством надежных, но экологически вредных российских РН «Протон». Если раньше (до коммерциализации) их было до 8-10 в год, то, например, в 1998 г. по существующим планам их будет 16: 8 — коммерческих для запуска крупных телекоммуникационных спутников США и др. государств, и 8 — по национальной космической программе России [14]);

2) отсутствием экологического страхования последствий космической деятельности и соответствующих справедливых договоров субъектов Федерации с федеральным центром о предотвращении, сокращении и ликвидации негативных воздействий КД;

3) отсутствием или формальным проведением экологической экспертизы космических проектов и программ в нарушение законодательства.

12. Не выполняются требования Федерального закона «Об экологической экспертизе» [11]. Показателен следующий факт: вышеупомянутая федеральная программа «Экос-РФ», направленная на обеспечение экологической безопасности КД, до сих пор не принята и не финансируется, т.к., по имеющимся сведениям, в силу своего сугубо ведомственного рождения, не может пройти экологическую экспертизу. При этом нет сведений об экологической экспертизе РН «Протон-К», проектов «Иридиум», «Международная космическая станция» и др., которые финансируются и реализуются.

Многие из реализуемых и перспективных космических проектов, особенно направленных на космическую индустриализацию, несут в себе неприемлемо высокий экологический риск для людей, биосферы Земли и ОКП.

13. На все это накладываются проблемы, связанные с ликвидацией и утилизацией ракетной техники и вооружения, вследствие чего накоплены огромные запасы высокотоксичного жидкого и твердого ракетного топлива при отсутствии экологически безопасных технологий их утилизации [15].

В ряде регионов России уничтожение ракетной техники и вооружения (во исполнение Договора ОСВ-2 и в связи с сокращением и реформой Вооруженных сил России) осуществлялось и продолжается варварскими антиэкологическими методами (взрывы шахт баллистических ракет, ликвидация боевых ракет методом пуска и подрыва, слив, сжигание топлива и т.п.).

14. Проблема экологической опасности КД не является внутрироссийской. К последствиям отечественной предыстории и бесконтрольности добавилось превращение территории России в свалку отходов КД в результате запусков «Протонами» и другими РН России «чужих» спутников (особенно телекоммуникационных), осуществляемых по заказам зарубежных корпораций. Это чрезвычайно выгодно для них: по дешевке, за счет нас они избавляются от многих экологических проблем КД, особенно отдаленных.

Но ненамного лучше обстоят дела и в США, Китае, Франции, где также применяются экологически опасные топлива (гидразин и т.п.).

Для КД во всем мире используются огромные площади под космодромы, районы падения ступеней РН и отработавших космических объектов, падающих на Землю после прекращения существования, — более 10 млн. кв. км. Они расположены не только на суше, но и в Мировом океане.

15. Экологическая опасность КД стала реальной глобальной проблемой. Дело не только в поражении поверхности Земли и космическом мусоре в ОКП. Нарушен газовый и тепловой баланс в ОКП, и эта тенденция, в связи с коммерциализацией КД и экологически бесконтрольным нарастанием количества запускаемых ракет, усиливается, грозя необратимыми последствиями для физико-химических свойств верхней атмосферы, непредсказуемым воздействием на систему солнечно-земных связей, магнитосферу, атмосферу, климат Земли и т.п.

Растет и риск последствий развития космической биотехнологии, генной инженерии из-за возможного занесения в биосферу Земли из космоса опасных живых организмов (гибридов, вирусов и др.)

с измененными, новыми свойствами, повышенной агрессивностью, приобретенными ими в условиях искусственной среды обитания космических объектов вне Земли [16].

16. Фактически речь идет о последствиях деятельности государств и транснациональных корпораций, ведущих высокодоходный бизнес (мировой космический рынок — более 100 млрд. долл. в год, интенсивно растет) за счет ресурсов Земли и ОКП при отсутствии международного и национального экологического законодательства и контроля в этой сфере.

17. КД сопровождается сложнейшими правовыми и этическими коллизиями, обусловленными процессом технократизации человеческой цивилизации [17], вследствие чего проблемы экологического риска нарастают.

Имеют место значительное отставание в осознании, правовом регулировании и реализации прав человека, массовые и грубые нарушения принципов биоэтики, особенно при организации и осуществлении полетов людей в космос, их длительной жизнедеятельности вне Земли, при проведении медико-биологических исследований и экспериментов на людях [18].

18. Из-за корпоративной зависимости профессионалов (от администрации и т.д.) получение в России, США, др. странах независимой достоверной информации о состоянии экологической безопасности в сфере КД чрезвычайно затруднено.

19. Вопреки декларациям, обещаниям, прогнозам, рекламе, активному лоббированию со стороны космической отрасли (РКА, организаций, специалистов) возможностей применения потенциала космонавтики для экологического мониторинга, обеспечения национальной и международной безопасности, реализации стратегии устойчивого развития в целях выживания России и человечества [19], — в реальности быстро растет отрицательный общий экологический баланс последствий осуществляемой КД [20].

20. Пришло время снять «розовые очки», увидеть обратную сторону красивой космической медали и осознать последствия космической мифологии и экспансии. Назрела необходимость экологического ограничения КД (введения системы стандартов, квотирования запусков РН и т.п.), что невозможно без экологизации сознания профессионалов и всего общества применительно к КД, разработки и реализации соответствующей экологической политики.

21. Процесс экологической критики КД обществом набирает темпы: он стимулируется продолжающейся антиэкологической политикой и деятельностью государств и космических монополий.

В ряде регионов России с начала 90-х годов нарастает протест против использования их территорий для районов падения ступеней ракет в связи с тяжелыми экологическими последствиями для жизни и здоровья людей и природных экосистем. Особенно остро это проявляется в Архангельской области, Республике Алтай, Алтайском крае, а также в Республиках: Коми, Тыва, Хакасия, Якутия (Саха), Амурской, Томской, Тюменской областях и др. субъектах Федерации в связи с активной деятельностью космодромов Плесецк, Байконур, началом эксплуатации космодрома Свободный.

В 1997 году дело доходило до антикосмических митингов и демонстраций общественности, как это имело место в Якутске [21] и Горно-Алтайске (Россия) в связи с падением ступеней ракет, в США прошли демонстрации протеста и судебные процессы против запуска космического аппарата «Кассини» с ядерным энергоисточником на борту (36 кг плутония) [22]. В 1997 г. в Законодательном собрании Архангельской области России обсуждались последствия деятельности расположенного на территории области космодрома «Плесецк», угрожающие здоровью населения; были приняты соответствующие решения о необходимости компенсации ущерба [23].

По инициативе Центра независимых экологических программ Социально-экологического союза (руководитель — М.В. Черкасова), 26 мая 1998 г. в Москве, в общественном центре им. А. Сахарова, было проведено рабочее совещание: «Социально-экологические последствия ракетно-космической деятельности».

Показатель активности гражданского общества — множество публикаций по экологическим проблемам КД в отечественных и зарубежных средствах массовой информации, среди которых выделяются работы В.М. Лупандина («Ракетный удар по Алтаю» [24] и др.) и Лизы Трейси (Lisa Tracy — сотрудник регионального отделения Всемирного Фонда Дикой Природы (WWF) в России, — прим. авт.). Опасные последствия КД на Алтае («желтые дети» и др.) представлены в экологическом видеофильме «Ловушка» [26]. Ценную открытую информацию о РКТ и КД в последние годы публикует журнал «Новости космонавтики» (Россия) [7, 14, 18, 21, 22].

22. Важно заметить, что справедливая озабоченность общества экологической опасностью современной КД, несмотря на прямую

критику космической отрасли, направлена, в первую очередь, на экологизацию КД, и, по своей сути, не является антикосмической.

Цель такой активности и противодействия — поиск выхода из тупика, в который мы все попали вследствие «доэкологического» сознания и антиэкологической космической деятельности за 40 лет Космической эры.

Выводы:

1. Экологическая опасность КД в связи с бурным развитием КД, антиэкологической политикой государств и монополий, отставанием специалистов и общества в осознании опасности, стала в конце XX века реальной глобальной проблемой.

2. Существует и нарастает отставание РКТ, технологий от современных требований по экологической безопасности. Это напрямую бьет не только по людям и природе России, по биосфере всей Земли, но и по самой космонавтике, подрывая ее авторитет, потенциал и вклад в реализацию стратегии устойчивого развития.

3. Без экологизации развитие КД, ее коммерциализация являются неприемлемо опасными для общества и природы: ущерб от такой деятельности становится явно больше пользы и равносителен ракетно-космическому самоубийству России и человечества.

4. В России и мире происходит важный поворот общества по отношению к негативным экологическим последствиям КД: в 90-е годы XX века началось активное организованное противодействие нарастающей экологической опасности.

5. Настало время экологизации КД, т.е. экологического ограничения космической экспансии человечества.

6. На рубеже веков, следуя путем устойчивого развития, необходимо разработать и реализовать национальную и международную политику экологизации КД, сущность которой — контроль общества за КД. Ключевым направлением является независимая экологическая экспертиза космических проектов и программ.

7. По результатам исследований разработан проект Резолюции: «Экологическая опасность современной космической деятельности», который предложен для обсуждения (окончательный текст Резолюции, принятой Конференцией, приведен в сборнике тезисов на с. 159-164, — прим. ред.).

Литература:

1. Власов М.Н., Кричевский С.В. Экологическая опасность космической деятельности (аналитический обзор). — М.: Наука, 1998 (в печати).
2. Космонавтика: Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1985.
3. Гэтланд К. и др. Космическая техника: Иллюстрированная энциклопедия. — М.: Мир, 1986.
4. Стромский И.В. Космические порты мира. — М.: Машиностроение, 1996.
5. Космос и экология. Сб. статей. — М.: Знание, 1991.
6. Воздействие ракетно-космической техники на окружающую природную среду // Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды в РФ в 1996 году». Государственный комитет РФ по охране окружающей среды // Зеленый мир, 1997, №25, с. 7-8.
7. Владимиров А. Таблица запусков РН «Протон» и «Протон-К» // Новости космонавтики, 1998, №10, с. 25-30.
8. О влиянии космической деятельности на экологическую безопасность // Экологическая безопасность России. Вып. 1. Материалы Межведомственной комиссии по экологической безопасности (октябрь 1993 г. — июль 1994 г.). — М.: Юридическая литература, 1994, с. 197-216.
9. Экологические проблемы, связанные с хранением и уничтожением жидкого ракетного топлива (гептила) // Экологическая безопасность России. Вып. 2. Материалы Межведомственной комиссии по экологической безопасности (сентябрь 1994 г. — октябрь 1995 г.). — М.: Юридическая литература, 1996, с. 304-305.
10. О возможной связи феномена «желтые дети» с воздействием ракетного топлива // Экологическая безопасность России. Вып. 2. Материалы Межведомственной комиссии по экологической безопасности (сентябрь 1994 г. — октябрь 1995 г.). — М.: Юридическая литература, 1996, с. 306.
11. Федеральный закон «Об экологической экспертизе». // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации №33, ст. 1521, 21.11.1995 г., №17-ФЗ, 1995.
12. Закон РФ «О космической деятельности» // Российская газета, 1993, 6 октября.
13. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О космической деятельности» // Российская газета, 1996, 10 декабря.
14. Воронин В.А. График пусков «Протонов» // Новости космонавтики, 1998, №9, с. 13-14.
15. Экологические проблемы ликвидации и утилизации ракетных вооружений // Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды в РФ в 1996 году». Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды // Зеленый мир, 1997, №25, с. 8.
16. Засельский В., Коновалова И., Сенюшина Е. Звездные войны // Огонек, 1997, июль, с. 26-28.
17. Кутырев В.А. Ноосфера как утопия и как реальность // Стратегия выживания: Космизм и экология. Отв. ред. Л.В. Фесенкова. — М.: ИФРАН, 1997, с. 169-178.
18. Лисов И. Бонни Данбар и медицинские эксперименты в НАСА // Новости космонавтики, 1995, №14, с. 29.
19. Лесков Л.В. Космическое будущее человечества. — М.: ИТАР-ТАСС — Ассоциация «Экология Непознанного», 1996.
20. Кричевский С.В. Эволюция опасности и безопасности аэрокосмической деятельности // Тезисы докладов. XI Международный симпозиум по истории авиации и космонавтики. — М.: ИИЕТ РАН, 1997, с. 108-109.
21. Космодром Свободный открыт. А Республика Саха против... // Новости космонавтики, 1997, №6, 10-23 марта, с. 33-36.
22. Они не смогли остановить «Cassini» // Новости космонавтики, №21, с. 24.
23. Чепурин Е. Министерство обороны откровенно пренебрегает здоровьем жителей области // Правда Севере (Архангельск), 1997, 14 ноября.

24. Лупандин В.М. Ракетный удар по Алтаю // Труд, 1996, 23 июля.
25. Lisa Tracy. US Space Junk Dumped on Siberia // Earth Island Journal, Spring 1998.
26. Ловушка. Видеофильм. Режиссер — М.Ю. Шишин. Телекомпания «Катунь». Барнаул, 1997.

Современный глобальный кризис и космическая деятельность

Л.В. Лесков, д.ф.-м.н., РКА, Москва

В соответствии с теорией циклической динамики мировая космонавтика находится сегодня в стадии понижательной волны (1, 2). Практически это проявляется в том, что наиболее капиталоемкая часть ракетно-космической техники, которая эксплуатируется в настоящее время, создана уже несколько десятилетий назад, а вектор технических инноваций носит неопределенный характер. В значительной мере это объясняется тем, что организационная структура космической отрасли во многом продолжает строиться на ведомственной основе, в особенности в нашей стране.

Это приводит к тому, что космическая деятельность оказывается совершенно недостаточно встроена в тот модернизаторский процесс, который выражается в переходе развитых стран к информационному технологическому укладу, а мирового сообщества в целом — к третьему эволюционному суперциклу. В технологическом плане этот период характеризуется быстрым ростом доли ВВП, относящейся к информационным отраслям, поиском новых источников энергии, а также действенных путей преодоления глобального экологического кризиса.

Космонавтика обладает богатыми потенциальными преимуществами, которые могут быть использованы при движении во всех трех указанных направлениях. С другой стороны, сама ракетно-космическая промышленность служит источником серьезных, причем нарастающих нарушений устойчивости окружающей среды.

Перечисленные особенности современного состояния космонавтики показывают, что прежние принципы планирования космической деятельности, основанные на ведомственном подходе и системно-автономных принципах прогнозирования, превращаются в тормоз на пути повышения результативности космической отрасли и

ее более активного включения в общецивилизационный эволюционный процесс.

Способствовать устранению этого недостатка может использование прогнозной методологии теории самоорганизующихся систем, или футуросинергетики (2). В работе автора (3) эти методы применены для моделирования эволюции России, рассматриваемой как социоэкологическая система, и выполнены для оценки вероятностей выхода на альтернативные эволюционные сценарии в функции программы проводимых реформ. Показано, что наиболее благоприятным сценарием является модель ноосферного устойчивого развития, для перехода к которой ключевую роль играет примат фундаментальных научных исследований, высоких технологий и построение общества образования.

В другой работе автора (4) аналогичная задача моделирования эволюционных процессов рассмотрена для западной цивилизации. Космическая деятельность может быть использована в качестве одного из инструментов, обеспечивающих выход на благоприятные эволюционные сценарии.

Методы футуросинергетики позволяют не только выполнить оценку относительных статистических весов (вероятностей) альтернативных сценариев эволюции социоэкологических систем, но также и проанализировать возможные режимы развития космонавтики в стадии новой повышательной волны (5). Для России, в частности, наиболее благоприятным в рамках такого подхода оказывается режим приоритетных исследований в космонавтике. Этот режим означает использование принципиально новых фундаментальных открытий и перспективных технологий для перевода ракетно-космической техники на качественно новый иерархически более высокий уровень, обеспечение роста эффективности, экологической чистоты и безопасности космонавтики.

Литература:

1. Лесков Л.В. Вариант поискового прогноза космической деятельности России на период до 2025 г. В кн.: Долгосрочные перспективы космической деятельности России. М., 1996, с. 138-175.
2. Лесков Л.В. Космическое будущее человечества. М., 1986, 160 с.
3. Лесков Л.В. Синергетическое моделирование будущего России. Альманах центра общественных наук, 1998, №4, с. 54-61.
4. Лесков Л.В. Футуросинергетика западной цивилизации. Доклад на III Международной Кондратьевской конференции. Кострома, 1998.
5. Лесков Л.В. Перспективы российской космонавтики: синергетическое моделирование. Доклад на Королевских чтениях. М., 1998.

Ода Чемалу

Сергей Кричевский

На Алтае есть Чемал,
Не велик он и не мал,
Но в окрестностях Чемала
Жизнь прожить — и будет мало.

Здесь, в кузнечиковом рае,
Сам я бабочкой порхаю,
И кузнечиком скачу,
И печали все лечу,
Сам я — жук и муравей,
Коршун, муха, шмель и змей,
И травинка, и цветок,
Льюсь, как солнечный поток,
И в волнах Катунь-реки,
Что мощны и глубоки,
Словно хариус живу,
Червяков с крючков жую,
Насмехаясь под водой
Над рыбацкою бедой.
Здесь я — ветер, горы, лес,
И простор святых небес,
Здесь я — гром, туман и дождь,
И племен алтайских вождь.

Здесь, от суеты вдали,
Я — любовник всей Земли,
И всех женщин верный муж
Всеединства тел и душ,
И вернее всех одной
Под высокою звездой.

Здесь слияние с природой
Мне моднее модной моды:
Я не мылся и не брился,
И в природе растворился,
То есть сам природой стал,
И, частично, я — Чемал.

Здесь, в сиянии сине-алом,
Центр Вселенной слит с Чемалом:
Щедр, могуч, велик и строг, —
В красоте явился Бог.
Мир иной ничтожно мал, —
Весь наш мир и есть Чемал.

Не хочу другого рая —
Здесь бы жить, не умирая,
Продолжая жизни бал, —
Пусть же здравствует Чемал.

01 июля 1998 г. Чемал

Р.С. Чемал — поселок, районный центр южнее г. Горно-Алтайска (Республика Алтай, Россия), в месте впадения реки Чемал в реку Катунь.

Оценка риска для здоровья населения в районах ракетно-космической деятельности

В.М. Лупандин, д.мед.н., Институт социологии РАН, Москва

1. Риск для здоровья населения в районах ракетно-космической деятельности существует от точки старта баллистических ракет (БР) и ракет-носителей (РН) по всей трассе полета. «На местности на расстояниях от точки старта до 800 км при двухступенчатом выведении и до 2500 км при трехступенчатом образуются «пятна» площадью 1500-5000 км², усеянные фрагментами БР и РН» (С.Ф. Косторомин, Я.Т. Шатров, 1991).

«Опытные и учебные пуски РН связаны с загрязнением обширных территорий по траектории их полета. Существенный вред природным объектам наносится как самими элементами конструкции отделяющихся частей ракет-носителей (ОЧ РН), так и остатками невыработанных компонентов топлив. Площадь одного загрязнения в зависимости от гидрометеорологических и географических особенностей места падения ОЧ РН может достигать несколько гектаров, кроме того компоненты ЖРТ (жидкого ракетного топлива) и продукты их превращения могут мигрировать с природными водами на расстоянии до нескольких сотен километров» (Н.В. Петрухин, И.Т. Севрюков, А.В. Тарабара, ВА им. Петра Великого. М., 1955).

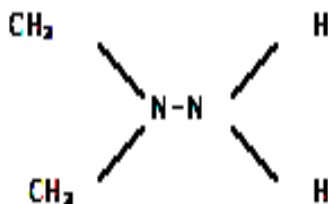
2. Среди различных БР и РН наибольшую опасность для окружающей среды и здоровья населения представляет РН «Протон», «Протон-К». Эти самые мощные в мире РН работают на опасном для человека топливе: несимметричный диметилгидразин (НДМГ). Запуск их ведется с космодрома «Байконур». Трассы их полета проходят над территорией Алтайского края, Республики Алтай, Республики Хакасия, Республики Тыва, Якутии. Под воздействием продуктов сгорания ЖРТ и его компонентов НДМГ и азотный тетраоксид (АТ) находятся все южные районы Алтайского края (АК): Локтевский, Третьяковский, Змеиногорский, Курьинский, Краснощековский, Чарышский.

3. Районы падения вторых ступеней РН «Протон» имеются на территории Третьяковского (возможно и других) района. Основные районы падения вторых ступеней РН «Протон» сосредоточены на территории Республики Алтай (РА): Майминский, Турочакский, Улаганский, Шебалинский, Чемальский, Онгудайский. Почвы и растительность этих районов загрязнена НДМГ и его метаболитами (до 23% всей территории). Гептил в почве обнаружен и в районе села Акташ и Курай (Л.П. Гульченко, Департамент Госсанэпиднадзора РФ).

4. Количество всех запусков РН «Протон» (до конца 1998 года) составляет 271 («Новости космонавтики», №9, 1998). Во второй ступени РН находится примерно 60 тонн НДМГ. Неотработанный гептил второй ступени начинает выделяться в атмосфере с момента ее отделения. Отделение второй ступени происходит над Чарышским (АК), Солонешенским (АК), Усть-Канским (РА) районами. Население этих районов имеет высокий риск воздействия НДМГ через атмосферный воздух. С 1965 по 1998 год над районами Алтайского

края было выброшено в атмосферу в виде продуктов сгорания НДМГ, а также в чистом виде и пролито на землю в районах падения порядком 20 000 тонн. Запуски «Протонов» производились неравномерно. Наибольшее число их было произведено с 1982 по 1991 год: всего 110 пусков, в среднем по 11 в год. Максимум пришелся на 1982-1988 годы — до 13 пусков в год («Новости космонавтики», №9, 1998).

5. НДМГ (гептил)

При содержании в воздухе количества гептила 0,01 мг/л через несколько минут возникает тяжелое отравление. ПДК (предельно допустимая концентрация) в этом измерении составляет 0,0001 мг/л или 0,001 мг/м³ атмосферного воздуха. За время длительного использования НДМГ в Вооруженных Силах (ВС) накоплен большой материал, свидетельствующий о неблагоприятном воздействии НДМГ на здоровье личного состава ВС. Установлено также, что НДМГ в дозе 0,1 ПДК при контакте с ним на открытом воздухе в течение двух лет оказывает неблагоприятное воздействие на организм человека (И.М. Кондратов, В.Н. Чернышев, 1993, ВМФ [Военно-Морской Флот] МО [Министерство обороны]). Следовательно ПДК следует считать 0,00001 мг/л (для здоровых молодых мужчин призванных на службу в ВМФ). Для детей, беременных женщин ПДК НДМГ должно быть 0,000001 мг/л или 0,00001 м³.

6. Если почва во многих районах РА (от Телецкого озера до поселка Акташ и села Курай) содержит гептил (в районе Телецкого озера 1-1,5 ПДУ — предельно допустимый уровень), то при ПДК для гептила в атмосферном воздухе 0,000001 мг/л проживание людей в этих районах представляет опасность для из здоровья из-за десорбции НДМГ из почв в атмосферный воздух (ПДУ для почв — 0,1 мг/кг; ПДУ для человека — 0,000001 мг/л). Такие же расчеты можно сделать в отношении растительности, загрязненной НДМГ. Уровни содержания НДМГ в растительности изменяются от 0,20 до 0,40 мг/кг, следовательно, благодаря десорбции НДМГ из раститель-

ности в лесу или на лугах, концентрация десорбируемого НДМГ будет представлять опасность для человека.

7. Клинико-эпидемиологические исследования, проведенные в Улаганском и Усть-Канском районах РА (В.М. Лупандин, 1996) обнаружили специфические для НДМГ симптомы поражения организма человека (они обусловлены механизмом действия его как ингибитора МАО (моноаминооксидаза — антидепрессант): стойкая гипертензия у молодых людей, тяжелые гипертонические кризы у лиц среднего возраста, судорожные припадки, бронхоспазмы и ларингоспазмы, ларингостенозы, заболевания печени, крови, кожные поражения, нарушения репродуктивного здоровья).

8. Неспецифические эффекты воздействия НДМГ выражаются иммунодепрессивными расстройствами, злокачественными новообразованиями, нарушением кроветворной системы, ростом врожденных уродств развития. Соотношение между специфическими и неспецифическими расстройствами здоровья в различных районах и селах выражено по-разному, но постоянно удается обнаружить специфические для НДМГ нарушения.

9. Неспецифические нарушения здоровья имеют большое сходство с симптомами лучевого поражения (рак, лейкозы, цитопении, астения и т.п.), что часто становится причиной ошибочного диагноза. Симптомы псевдолучевого поражения бывают настолько выраженными, что вынуждает врачей ставить диагноз острой лучевой болезни (Усть-Канский район РА). Однако отсутствие источника ионизирующего излучения дает возможность исключать радиационное поражение.

10. Резкое ухудшение состояния здоровья населения РА началось с 1986 года и совпало с интенсивными запусками РН «Протон». Сравнение структуры заболеваемости и ее динамики в РА с Алтайским краем обнаруживает большое сходство, что дает основание считать, что рост заболеваемости населения в АК, регистрируемый с 1986 года, связан с запусками РН «Протон», а не с радиационным воздействием ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне.

11. Население РА значительно отличается по риску поражения организма НДМГ. Наибольший риск имеется у жителей отдаленных от райцентра сел: Балыкча, Язула, Каракудюр, Балыктуюль, Яконур, Мендур-Соккон, Усть-Кумир, Коргон. Жители райцентров, где сосредоточена большая часть населения, подвергаются значительно меньшему риску. Это приводит к тому, что при усреднении данных

медицинской статистики специфика поражения организма НДМГ теряется.

12. Существует четко выраженный профессиональный риск. Чаще всего поражение организма космическим ракетным топливом (КРТ) обнаруживаются у табунщиков, чабанов, животноводов, выпасающих домашних животных на альпийских лугах (белках). Табунщики Усть-Канского района практически не доживают до пенсии и часто умирают от рака.

13. Отчетливо выражен возрастной риск: чем меньше возраст, тем чаще обнаруживается специфическая патология (судороги, поражение печени, крови, ларингостенозы и т.п.). У женщин больший риск заболеваний крови, чем у мужчин. Наибольший риск имеют новорожденные, что связано с внутриутробным поражением плода.

14. Риск связан также с частотой пребывания в лесу (отчетливо выражен у жителей поселка Акташ).

15. Примерно 20-30% населения менее чувствительны к НДМГ, что скорее всего связано с уровнем содержания фермента N-ацетилтрансферазы, который играет ключевую роль в детоксикации организма при поражении НДМГ.

16. Самый высокий риск наблюдается у детей чабанов, с раннего возраста проводящих лето на белках (село Яконур, Мендур-Соккон).

17. Риск поражения организма резко повышается у тех лиц, которые соприкасаются с фрагментами РН: стенками топливных баков, различными мелкими осколками, поддающимися ручной обработке (изготовление ножей, ручек, портсигаров и т.п.). У них развиваются состояния, неотличимые от лучевой болезни (при отсутствии излучающего источника).

18. Теоретически риск поражения НДМГ должен быть выше у следующей категории населения: получивших облучение вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне (свыше 25 бэр за несколько лет), так как гептил и ионизирующее излучение действует на красный костный мозг, нарушая гемопоэз; больных туберкулезом, длительное время принимающих гидразинсодержащие препараты (изониазид, фтивазид, тубазол и другие); больных вирусным гепатитом. Употребление алкоголя, наркотиков, курение, бедное витаминными питанием (особенно при дефиците витамина B6), стрессы, повышенное содержание в организме тяжелых металлов (ртути) приводит к снижению уровня в организме фермента N-ацетилтрансферазы, что повышает токсичность НДМГ. Неблагопри-

ятные социально-экономические условия и связанные с ним стрессы, плохое питание, также ведут к снижению в организме уровня N-ацетилтрансферазы.

19. Оценка рисков воздействия НДМГ на организм человека ведется на основе эмпирических наблюдений и данных клинической токсикологии, клинической фармакологии, патофизиологии действия НДМГ. В качестве модели для определения рисков при длительном воздействии на популяции людей малых и супермалых доз НДМГ, что имеет место в АК и РА, можно использовать метод, разработанный группой академика РАМН Е.И. Соколова, в основу которого положены данные клинической фармакологии гидразинсодержащих лекарств (изониазид), антидепрессантов ингибиторов МАО.

20. Расчет рисков на 1999-2000 годы.

В 1998 году будет запущено 18 РН «Протон-К», из них 10 — коммерческие запуски США, Великобритании и других иностранных государств и 8 — национальные («Новости космонавтики», №9, 1998). Это в 2,5 раза больше, чем в среднем за год на протяжении 33 лет (7,7 пусков в год). Необходимо учесть, что «Протон-К» более мощный РН, чем «Протон». Запуск 18 РН «Протон-К» приведет к значительному росту злокачественных онкозаболеваний, врожденных уродств развития, тяжелой патологии новорожденных.

21. Для более полной картины риска следует учесть, что все районы падения РН «Протон» на территории Алтайского края, Республики Алтай, Республики Хакасия и Республики Тыва используются с 1960 года для падения вторых ступеней межконтинентальных баллистических ракет (МБР) (Р-16, Р-36 и др.). На боевых ракетах, запущенных над Алтай–Саянским регионом, используется НДМГ. Имеются также районы падения (РП) МБР далеко за пределами РП РН космического назначения: южная часть Улаганского района (РА), Усть-Канский район (РА), Усть-Кокский (РА), Чарышский (АК) и другие. Особенно много МБР было подорвано над Усть-Кокским и Улаганским районами РА с 1991 по 1996 годы, что привело к росту заболеваний, вызванных действием НДМГ и других компонентов ЖРТ. Все сведения о запусках МБР над Алтай-Саянским регионом МО РФ держит в секрете, не опровергая и не подтверждая сообщения по этим фактам (газета «Труд», 1996).

Заключение

1. В использовании РКА (Российское Космическое Агентство) Алтайского государственного заповедника в качестве района падения вторых ступеней РН «Протон» с 1965 по 1998 год (всего 271 запуск), в наращивании числа запусков за счет коммерческих спутников (планируется значительный рост пусков после 2000 года) имеются признаки уголовного преступления по двум фактам: нарушение Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях», который запрещает использовать заповедники для подобного рода действий и нарушение «Водного кодекса Российской Федерации», в котором сказано, что исполнительные власти обязаны принимать необходимые меры по охране водных объектов от диффузного загрязнения и залповых выбросов вредных веществ.

2. В использовании МО бСССР и РФ Алтай-Саянского региона в качестве военного полигона для испытательных, тренировочных и показательных стрельб боевыми МБР с 1960 года, и с 1991 года — для ликвидации МБР путем подрыва их в атмосфере содержатся признаки геноцида против малочисленных народов: алтайцев, теленгитов, хакасов, тувинцев. Факты о подрыве МБР в атмосфере над Алтай–Саянским регионом должны быть расследованы специальной комиссией ООН, а виновные в принятии такого решения — наказаны за совершение преступления против человечества.

3. В использовании РКА территорий, на которых малочисленные народы ведут хозяйственную деятельность (Новоземельская тундра, леса Республики Коми, белки Алтай–Саянского региона и другие) также содержатся признаки геноцида против малочисленных народов и подлежат расследованию комиссиями ООН по правам человека и международных правозащитных организаций.

4. Предложение Департамента Госсанэпиднадзора РФ «о необходимости проведения многолетних исследований за загрязнением окружающей среды НДМГ и углубленного изучения состояния здоровья населения, проживающего вблизи районов падения ОЧ РН» следует решительно отвергнуть, как не имеющее под собой научной основы. Необходимы не многолетние исследования, а срочный пересмотр структуры заболеваемости с применением качественного анализа на основе клинической фармакологии, токсикологии и патофизиологии гидразинсодержащих веществ. Следует отказаться от примитивного метода Департамента Госсанэпиднадзора РФ, при ко-

тором все факторы складываются в виде простой суммы, без учета патофизиологической зависимости между ними.

Распространение и численность копытных и некоторых видов хищных млекопитающих на территории РП-326 (Алтайский заповедник)

М.Ю. Пальцын, Алтайский заповедник

Краткая характеристика Алтайского заповедника и РП-326.

Алтайский государственный заповедник (АГЗ) расположен в восточной части Горного Алтая вдоль границы с республиками Хакасия и Тыва, имеет площадь свыше 800 000 га (Рис. 1). Высокие хребты — Абаканский и Шапшальский — образуют восточную границу заповедника, хребет Чихачева — южную. Отдельные горные массивы Чулышманского плоскогорья — Куркуре, Ельбек-Туллар-Кыр, Кийты-Куль — являются водоразделами бассейнов крупнейших рек заповедника — Кыги, Чульчи, Шавлы, верховьев Чулышмана.

Речная сеть заповедника образована реками, впадающими в Телецкое озеро, а также правыми и левыми (только в южной части заповедной территории) притоками реки Чулышман. Множество озер расположено на разных высотах как в лесной зоне, так и в высокогорье (Рис. 2).

Основная территория заповедника представляет высокогорную страну с широко развитой альпийской зоной. Горные тундры занимают около 60% всей его площади, примерно 35% составляют леса, 5% приходится на высокогорные луга и тундростепь. Четко выражена высотная поясность, охватывающая диапазон высот от 450 (уровень Телецкого озера) до 3500 м над ур. м. (вершины Шапшальского хребта). Она представлена широким размахом природных зон — от темнохвойной тайги до каменистой тундры.

Исключительное разнообразие ландшафтов Алтайского заповедника определяет богатство его флоры и фауны. Здесь произрастает около 1500 видов сосудистых растений, встречается 8 видов земноводных и пресмыкающихся, 310 видов птиц и 66 видов млекопи-

тающих. По уровню биоразнообразия Алтайский заповедник стоит на одном из первых мест среди ООПТ России.

С 1974 г. на стыке Горного Алтая, Хакасии и Тувы располагается район падения обломков ступеней ракетносителей РП-326 (Рис. 1). Район падения имеет форму эллипса площадью более 5000 кв. км. Примерно половина всей площади РП-326 приходится на территорию Алтайского заповедника (угодья Белинского лесничества).

Зона РП-326 использовалась для запусков ракетносителей «Протон» 118 раз за период с 1974 по 1996 гг. (Экологический паспорт РП-326, 1996). Эксплуатация его продолжается в настоящее время. В районе падения приземляются обломки второй ступени ракетносителя «Протон» с остатками топлива. Общий вес металлических обломков, упавших на территорию РП-326, составляет 1400 тонн. Около половины этой массы приходится на угодья Алтайского заповедника.

Охарактеризуем подробнее заповедную часть РП-326. Крупнейшими водотоками этой территории являются реки Чульча, Кыга и Кайра, берущие начало с западных склонов Абаканского хребта и Чульшманского плоскогорья (р. Кайра). Здесь располагается много озер, из которых наиболее крупные — Итыкуль, Узункуль, Сайгоньш, Кыгинский залив Телецкого озера.

Рельеф района сильно изрезан долинами рек, диапазон абсолютных высот местности — от 450 до 2858 м над ур. м. (г. Ажу-Тайга). Заповедная часть РП-326 отличается богатством природных условий, связанным с вертикальной зональностью и экспозицией горных склонов.

Говоря о негативных последствиях расположения РП-326 на территории Алтайского заповедника, необходимо упомянуть следующее. Во-первых, согласно Закону об ООПТ России особо охраняемые природные комплексы и объекты (земля, воды, недра, растительный и животный мир), расположенные на территории заповедников, полностью изымаются из хозяйственного пользования (ст. 6), а также в заповедниках запрещается любая деятельность, противоречащая его задачам и режиму охраны (ст. 9). В нашем же случае значительная площадь заповедника используется как свалка металлических обломков, вес которых исчисляется сотнями тонн (!).

Во-вторых, при падении обломков ступеней могут возникать пожары. Так, например, очаг возгорания, причиной которого послу-

жил раскаленный фрагмент двигательной установки, был отмечен исследовательской группой в долине реки Кумый (верховья р. Чульчи) 25 мая 1996 г.

В-третьих, при приземлении обломков остатки ракетного топлива (сильно-ядовитые азотные соединения) попадают на поверхность Земли. Достигшие Земли остатки топлива (в основном — гептил) частично распыляются в атмосфере, накапливаются в растительности и почве, растворяются в воде. В местах падения двигательной установки возможны концентрации гептила, превышающие предельно допустимые уровни (Экологический паспорт РП-326, 1996). Из природных объектов наиболее уязвимы к попаданию ракетного топлива открытые водоемы: реки (Чульча, Кыга, Кайра и др), озера (Итыкуль, Узункуль, Сайгоныш и др), болотные массивы. Здесь возможно возникновение так называемой «тихой катастрофы», связанной с проникновением компонентов топлива в верхние горизонты подземных вод и образованием очагов массивованного заражения (Экологический паспорт РП-326, 1996). Такая ситуация возможна в случае аварии, при сбросе больших объемов неотработанного топлива. Тундровые и болотные ландшафты препятствуют активному распространению топливных компонентов. Здесь имеет место локальное загрязнение с сохранением гептила на длительный период (до 100 лет). Наиболее активное распространение загрязнителей наблюдается в лесной зоне и на альпийских лугах. Гептил интенсивно поглощается растениями и включается в пищевые цепи, может попадать в организм животных и человека (Экологический паспорт РП-326, 1996).

Таким образом, расположение РП-326 на территории АГЗ помимо загрязнения металлическими обломками и повышения риска лесных пожаров представляет реальную опасность заражения природных сообществ, имеющих большое значение для сохранения генофондов многих диких растений и животных. О ценности названной территории для сохранения биоразнообразия Алтайского заповедника можно судить по результатам представленного ниже анализа распределения и численности копытных и некоторых видов хищных млекопитающих как в заповедной зоне РП-326 так и за ее пределами.

Распределение и численность копытных и некоторых видов хищных млекопитающих в пределах АГЗ

Для сравнительного анализа были использованы данные о распространении и плотности населения 8 видов копытных (кабан, кабарга, марал, косуля, лось, северный олень, сибирский горный козел, аргали) и 3 видов хищных млекопитающих (медведь, соболь, снежный барс). Источниками этих данных послужили как опубликованные (Юргенсон, 1938; Дмитриев, 1938; Дулькейт, 1964; Собанский, 1988, 1992; Филус, 1988) так и неопубликованные материалы (Летопись природы Алтайского заповедника, 1970-1996 гг.). Для определения численности отдельных видов (кабарги, марала, соболя) в различных районах заповедника использовался усредненный показатель зимнего маршрутного учета (среднее количество следов животного на 10 км учетного маршрута) (Летопись природы АГЗ, 1970-1996 гг.). Для каждого вида составлена картосхема, отражающая общие закономерности его распространения и численности в Алтайском заповеднике (Рис. 3-11).

Сравнительная характеристика районов АГЗ по видовому составу и численности рассмотренных видов

Для анализа биоразнообразия заповедной зоны РП-326 и других районов заповедника мы разделили всю его территорию на 4 участка (Рис. 12):

1. Северный прителецкий район — территория Яйлинского лесничества и северная часть Белинского лесничества до р. Чири;
2. Зона РП-326 — бассейны рек Кыги, Кайры и Чульчи;
3. Чодринское лесничество — бассейн р. Шавлы;
4. Язулинское лесничество — верховья р. Чулышман.

Проведем сравнение каждого района по видовому составу и численности каждого из рассмотренных видов (Табл. 1).

Таблица 1.
Видовой состав и численность 11 видов в различных районах АГЗ

Вид	Северный прителецкий район	Зона РП-326	Чодринское лесничество	Язулинское лесничество
кабан	++	+++	+++	++
кабарга	++	++++	+++	+
марал	+++	++++	+++	++

Вид	Северный прителецкий район	Зона РП-326	Чодринское лесничество	Язулинское лесничество
косуля	++	+	+	+++
лось	++	++++	++	+++
северный олень	!*	+*	-	!*
горный козел	-	++	++	++
аргали	-	-	-	+**
медведь	++++	+++	++	+
соболь	++++	+++	++	+
снежный барс	-	!**	!**	!**
Всего видов:	8	10	9	11
Из них с наибольшей численностью	2	3	-	-
С высокой численностью	1	3	3	2
Редкие, краснокнижные виды	1	2	1	3

- — вид отсутствует

! — вид очень редок

+ — низкая численность вида

++ — средняя численность вида

+++ — высокая численность вида

++++ — самая высокая численность вида в заповеднике

* — Красная книга Республики Алтай

** — Красная книга России

Итак, на заповедной территории РП-326 обитает 7 видов копытных (из 8 видов, известных для Алтайского заповедника), 3 из них (марал, кабарга, лось) с самой высокой численностью по сравнению с другими районами. Здесь располагаются одни из самых больших зимних стойбищ маралов и лосей не только в Алтайском заповеднике, но и в Горном Алтае (Дмитриев, 1938; Собанский, 1992). В верховьях р. Чульчи, благодаря большой площади распространения лишайниковых тундр, регулярно отмечаются группы северных оленей, очень редких в других районах. В нижней части долин рек Чульчи и Кайры, а также в долине р. Каракем (приток р. Чульчи) обитают крупные стада сибирских горных козлов. Здесь довольно часто, по сравнению с другими районами, регистрируются следы очень редкого на Алтае снежного барса. По численности медведя зона РП-326 уступает только Северному прителецкому району. В низовьях р. Кыги и на склонах г. Туалок отмечается одна из самых высоких плотностей населения соболя в заповеднике. По общему количеству видов и по количеству редких видов зона РП-326 уступает только Язулинскому лесничеству, где на стыке таежной и высокогорной фаун встречаются все из рассмотренных 11 видов млекопитающих.

Однако, численность большинства видов в Язулинском лесничестве заметно ниже, чем в районе падения.

В Чодринском лесничестве отмечено обитание 9 видов. Численность некоторых из них здесь сравнительно высокая, но ниже чем в зоне РП-326.

В Северном прителецком районе, в относительно низкогорной области господства темнохвойной тайги встречается 8 из рассмотренных 11 видов. Здесь отсутствуют типичные представители высокогорной фауны — сибирский горный козел и снежный барс. Два вида — соболь и медведь — находят в этом районе оптимум существования и достигают наибольшей в заповеднике численности.

Таким образом, заповедную территорию РП-326 можно назвать зоной первостепенного значения в плане сохранения устойчивых популяций большинства видов копытных и некоторых ценных видов хищных млекопитающих Алтайского заповедника. Этот район является и убежищем для редких, находящихся на грани исчезновения видов Горного Алтая — снежного барса и северного оленя. Кроме того, есть все основания для предположения, что названная территория стоит на одном из первых мест по биоразнообразию растений и животных, а также по разнообразию природных сообществ в Алтайском заповеднике. Все это делает район падения зоной повышенного риска в случае катастрофы и массированного заражения территории компонентами ракетного топлива и ставит под угрозу здоровье и существование ценнейших эталонных природных систем, являющихся незаменимой частью биосферы.

Литература

1. Дмитриев В.В. Копытные звери Алтайского заповедника и прилежащих мест (Восточный Алтай и Западные Саяны) // Тр. Алтайского заповедника. — М., 1938. — Вып.1.
2. Дулькейт Г.Д. Охотничья фауна, вопросы и методы оценки производительности охотничьих угодий Алтае-Саянской горной тайги // Тр. заповедника «Столбы». — Красноярск, 1964. — Вып.4.
3. Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. — Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1988.
4. Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. — Новосибирск, 1992.
5. Филус И.А. Северный олень в Алтайском заповеднике. // Редкие наземные позвоночные Сибири. — Новосибирск, 1987.
6. Юргенсон П.Б. Материалы к познанию млекопитающих прителецкого участка Алтайского заповедника // Тр. Алтайского заповедника. — 1938. — Вып.1.

Неопубликованные материалы:

1. Летопись природы Алтайского заповедника 1970-1996 гг.
2. Экологический паспорт РП-326. — 1996.

Рис. 1. Расположение РП-326

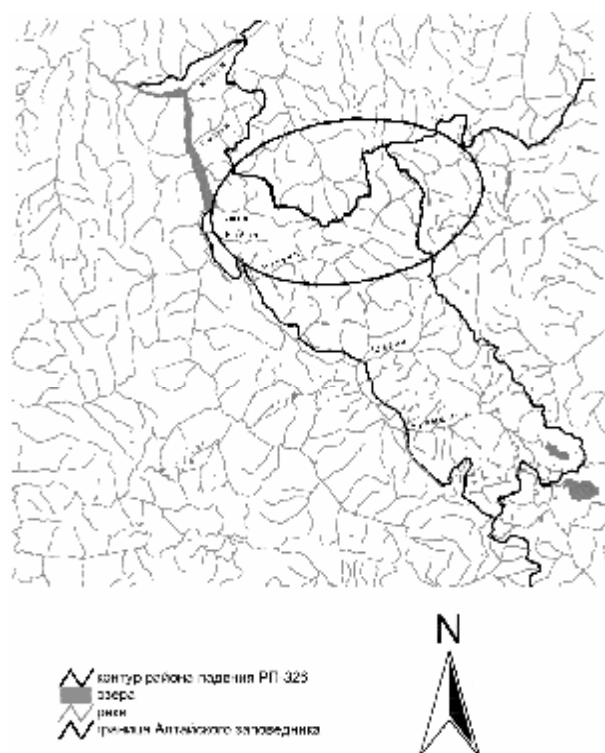

Рис. 2. Гидросеть АГЗ

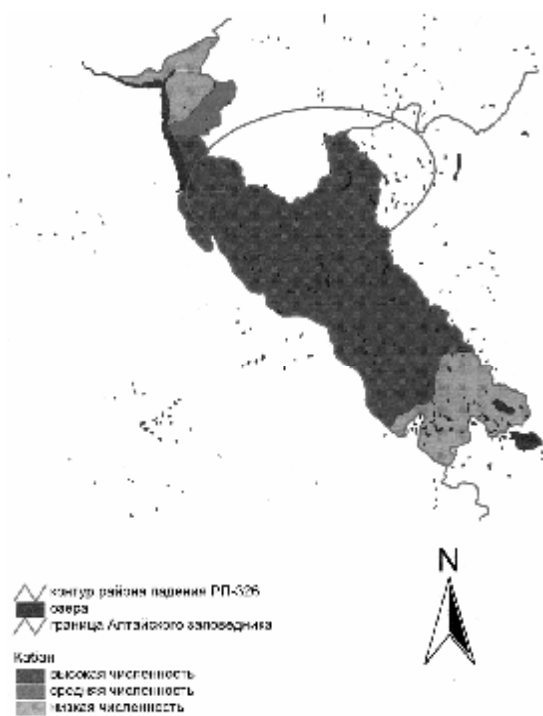

Рис. 3. Распространение и численность кабана в АГЗ

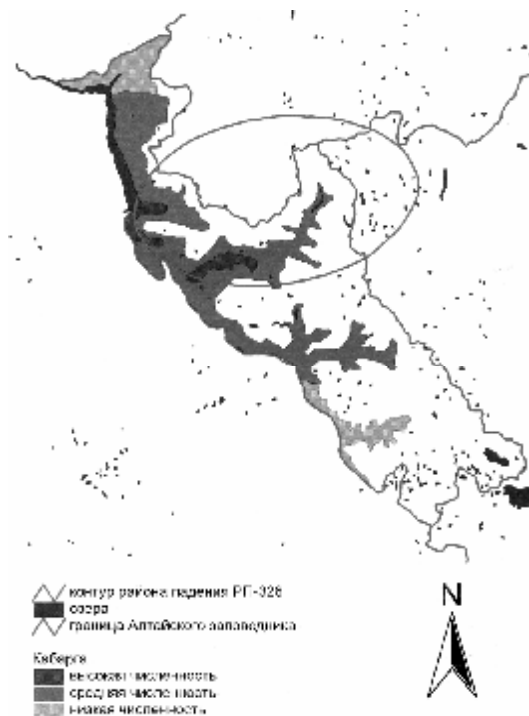

Рис. 4. Распространение и численность кабарги в АГЗ

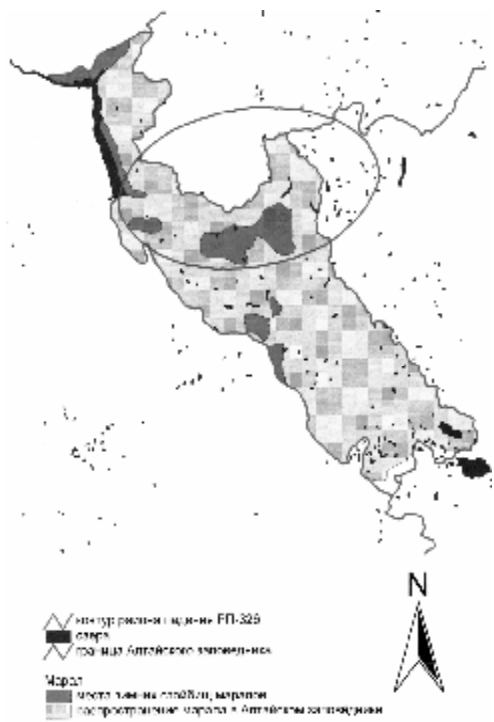

Рис. 5. Распространение марала в АГЗ

Рис. 6. Распространение косули в АГЗ

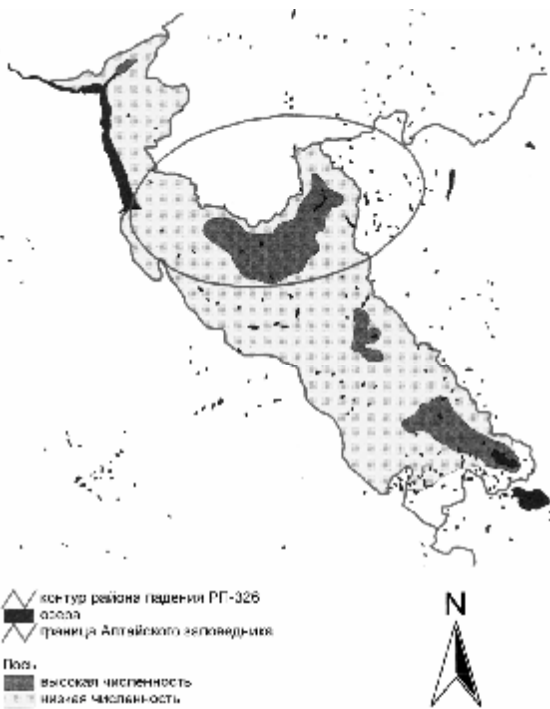

Рис. 7. Распространение и численность лоса в АГЗ

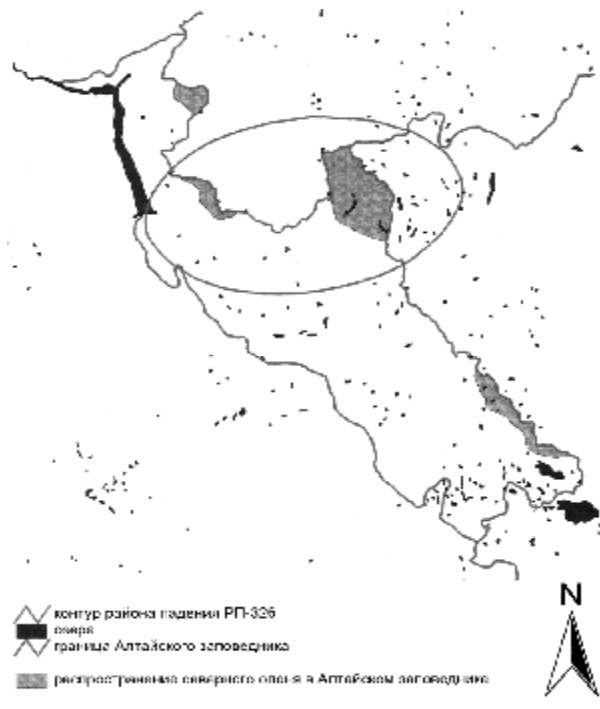

Рис. 8. Распространение северного оленя в АГЗ

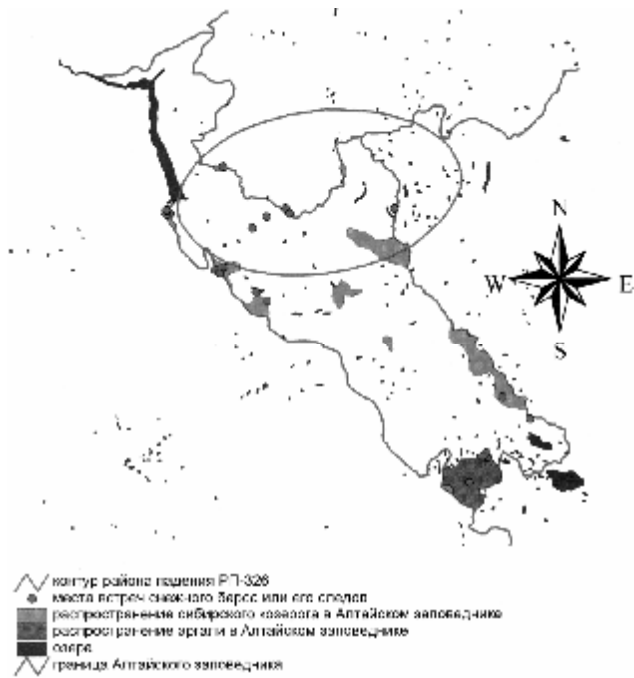

Рис. 9. Распространение снежного барса, сибирского козла и аргали в АГЗ

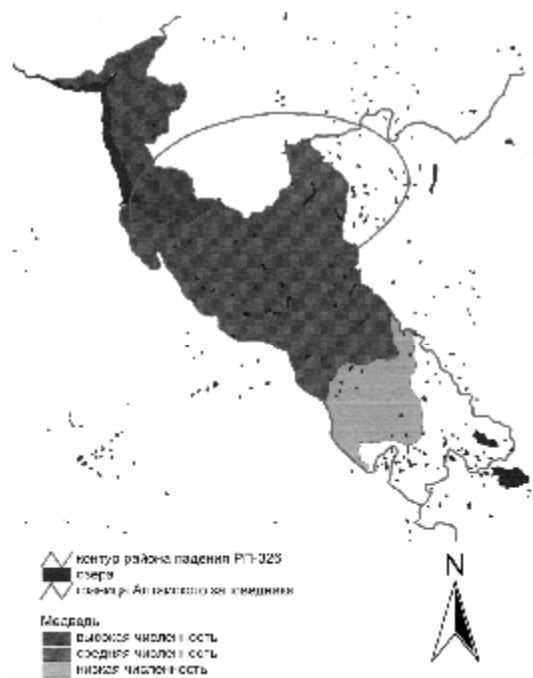

Рис. 10. Распространение и численность медведя в АГЗ

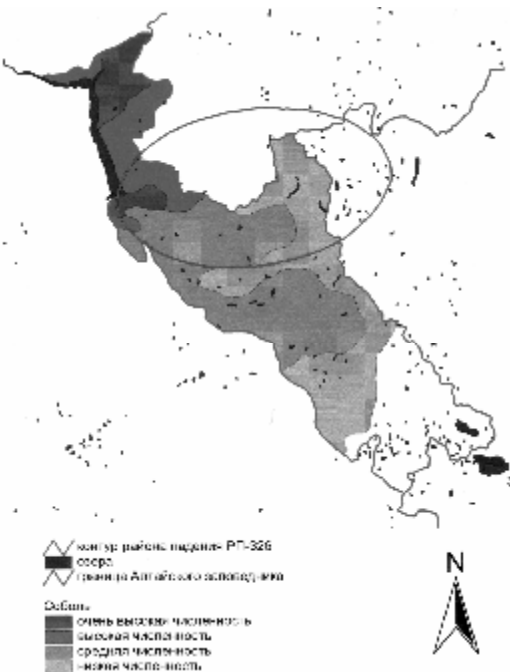

Рис. 11. Распространение и численность соболя в АГЗ

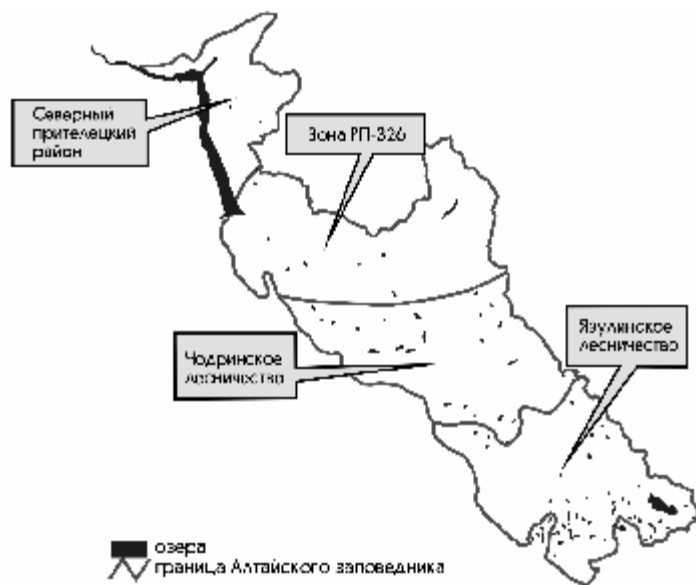

Рис. 12. Разделение территории АГЗ на участки

ОБРАЩЕНИЕ К НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ

Дорогие сподвижники!

В мире растет противостояние двух цивилизаций — техногенно-потребительской, основанной на ложных идеалах индивидуализма, безграничного роста материального комфорта и потребления, обожествлении технического прогресса, и нарождающейся духовно-экологической (ноосферной) цивилизации XXI века, где научно-технический прогресс, производство материальных товаров и услуг; экономические, политические и финансовые интересы — станут не целью, а всего лишь средством оптимизации отношений между обществом и природой; инструментом для культивирования высших ценностей человеческого существования: познания и творчества, личного духовного совершенствования, сердечных отношений между людьми и народами.

Новая цивилизация — не утопия. Уверенность в ее грядущей победе основывается как на набирающих силу объективных общественных тенденциях (несостоятельность рыночно-либеральных и технократических способов решения глобальных проблем; возникновение широких общественных движений экологической и культурной направленности, экологизация массового сознания), так и на новом антропокосмическом мировоззрении. Вкратце суть этого нового мировоззрения состоит в признании: процессов глобальной космической эволюции, где сознание человека оказывается важнейшей созидательной (или разрушительной силой!); фундаментальной роли нравственных отношений в гармоничном функционировании общественных институтов и во взаимоотношениях природы и общества. Опираясь как на древнее знание, так и на результаты современной науки, новая научно-философская парадигма утверждает человека не как пассивного потребителя материальных благ или эгоистичного волонтариста, а как духовного творца, ответственно познающего и ответственно преобразующего мир в соответствии с его фундаментальными законами.

Однако это антропокосмическое мировоззрение и объективные тенденции становления новой цивилизации с гигантским трудом пробивают себе дорогу, встречая ожесточенное сопротивление со стороны потребительски ориентированных социальных кругов и властно-эгоистических финансово-политических кланов. Это противоборство преломляется в кризисных чертах нынешнего — переходного — этапа мирового развития, причем эпицентром этого глобального противоборства и кризиса, как это уже неоднократно бывало в истории, является Россия. Обладая всеми объективными и субъективными предпосылками для осуществления стратегического «цивилизационного прорыва» (оптимальное геополитическое положение, мощный биосферный и культурный потенциал, опыт многонациональной государственности и т.д.), Россия в резуль-

тате внешнего давления и бездарных внутренних реформ последнего десятилетия оказалась на краю гибели.

Но будем помнить, что в ситуациях исторического безвременья социального распада, всеобщей утраты жизненных ориентиров общество всегда спасалось и крепло подвижничеством немногих носителей и защитников высоких идеалов человечества. Так, в атмосфере насилия и невежества раннего средневековья только монастыри хранили духовное наследие античности, являясь оплотом просвещения и культуры. Во времена русской смуты XIV века из стен Троице-Сергиевой лавры звучал призыв Сергия Радонежского о единении и национальном достоинстве, сплотивший Русь и позволивший ей сбросить иноземное иго. Сегодня в конце XX века в атмосфере торжествующего цивилизованного варварства и вакханалии потребительства именно вузы и школы должны осознать и выполнить свою миссию просвещения и духовного подъема нации. Сегодня в России ученые и педагоги, не изменившие своему призванию и долгу — это, пожалуй, единственный оплот разума и нравственности в океане хаоса и политического блуда, и именно эта социальная группа может рассматриваться как живая основа кристаллизации будущей цивилизации.

Нам пора перестать питать иллюзии: властолюбец и стяжатель никогда не будут помогать духовным подвижникам и защищать национальные святыни. Сегодня, по нашему глубокому убеждению, научно-педагогическая интеллигенция может рассчитывать только на свою собственную волю, стойкость и политическую готовность бороться за утверждение в России новых цивилизационных отношений.

Для выполнения этой миссии нам представляется необходимым:

1. Со всей определенностью подчеркнуть, что сегодня научно-педагогическая элита должна стать оплотом здорового — теоретически-мыслящего и нравственного — сознания России, как важнейшего условия становления ноосферной цивилизации.

2. Активно участвовать в процессах региональной (областной, районной, городской, поселковой) самоорганизации местной научно-педагогической общественности, способствовать выявлению социально активных лидеров из ее числа, способных возглавить движение за сохранение и приумножение духовных святынь Отечества.

3. Налаживать горизонтальные общероссийские и региональные межвузовские связи для совместного противостояния политике разрушения отечественной культуры и решения насущных духовно-экологических проблем страны.

4. Под угрозой общевузовской политической забастовки потребовать от правительства прекратить политику разрушения системы воспитания и образования, а также учреждений науки и культуры. Обеспечить их финансирование на уровне не менее 5% от госбюджета. Необходимые средства изыскать за счет соответствующего сокращения госаппарата и администрации президента, а также понижения зарплаты госчиновников, включая президента. Установить зарплату среднего чиновника не выше зарплаты доцента вуза.

5. Провести общероссийский конгресс в Московском университете для создания Координационного Центра научно-педагогической интеллигенции из числа наиболее известных и активных деятелей науки и высшей школы для решений следующих задач:

— планирования и координации действий работников вузов и научных действий учреждений для защиты культуры и духовных ценностей России;

— осуществления нравственно-интеллектуального контроля за деятельностью СМИ с возможностью публичного донесения своего мнения и оценок до сведения сограждан;

— прямого доведения взглядов научно-преподавательской элиты России до парламента и правительства.

6. Выделить еженедельный час эфирного времени по ЦТ и в сетке вещания региональных программ для освещения решений Координационного Центра научно-педагогической интеллигенции России.

Будем помнить, что сохранение и преумножение культурно-образовательного потенциала — последний рубеж сражения за Россию-Евразию!

Принято единогласно на 4 конференции «Алтай-Космос-Микрокосм» 27 июня 1998 года, г. Барнаул.

Резолюция
4-ой научной конференции
«Алтай–Космос–Микрокосм»
(г. Барнаул, Россия 26-27 июня 1998 г.)

Экологическая опасность
современной космической деятельности

На Конференции, организованной Алтайским государственным университетом, Алтайским государственным институтом искусств и культуры, Алтайским краевым общественным благотворительным фондом «Алтай — 21 век» (г. Барнаул), при участии Московского государственного университета, Института востоковедения РАН, Института философии РАН, Института охраны природы и заповедного дела, НПО «Композит», МАК «Вымпел», Центра экологической политики России, Центра независимых экологических программ Социально-Экологического Союза, Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского (г. Москва), Барнаульского государственного педагогического университета, Алтайского регионального института экологических систем (г. Горно-Алтайск), Института общей патологии и экологии человека РАМН (г. Новосибирск), Томского государственного университета, присутствовали более 200 ученых и специалистов, работала Сессия II «Космическая деятельность и общество: социальные и экологические аспекты», по результатам работы которой единогласно принята следующая Резолюция.

1. В России пионеры космонавтики (К.Э. Циолковский и др.) рассматривали космическую деятельность как перспективное направление развития цивилизации, средство решения глобальных проблем человечества.

Однако практическая направленность космической деятельности, вследствие противостояния двух мировых систем, в XX веке приняла иной характер. В этих условиях космическая политика, проводимая ведущими космическими державами, отличалась экологической безответственностью. Космическая деятельность в России и мире, несмотря на значительный позитивный вклад в развитие человечества, сопровождается нарастанием экологической опасности и ущерба для людей и природы, массовыми нарушениями экологических прав граждан.

За 40 лет вследствие активной космической деятельности нанесен значительный ущерб в районах космодромов, ракетных полигонов и падения фрагментов ракет на поверхности Земли, особенно на территории России и Казахстана, околоземному космическому пространству; чрезмерно высок экологический риск для людей при выполнении пилотируемых полетов в космос.

Экологическая опасность космической деятельности в связи с бурным развитием космической деятельности, отставанием специалистов и общества в осознании и противодействии опасности, превратилась в конце XX века в глобальную проблему.

2. Более 30 лет территория Республики Алтай используется под районы падения ступеней космических ракет-носителей. В нарушение этических и экологических принципов и действующего законодательства, космические монополии и другие организации отрасли под руководством Российского Космического Агентства и Министерства обороны России, осуществляют варварский экоцид уникальной территории России и планеты: Алтайского заповедника — одного из центров биоразнообразия региона. В результате нанесен и продолжает наноситься непоправимый ущерб жизни и здоровью населения, биосфере Земли.

По существу, территория Алтая является испытательным полигоном экологически грязной ракетно-космической техники и свалкой суперэкоотоксиканта — ракетного топлива гептил. При этом развитые государства мира (например, США), осуществляя запуски своих спутников гептиловой российской ракетой с космодрома «Байконур», успешно решают свои экологические проблемы за счет территорий Казахстана и России, где соответственно падают первая и вторая ступени с ядовитыми остатками топлива. Российское космическое агентство за каждый такой запуск получает от зарубежных заказчиков по 50 млн. долларов, Государственный центр им. Хруничева (г. Москва) — производитель ракет «Протон» — свою долю и новые заказы, Москва — налоговые поступления, а Алтай в качестве компенсации имеет менее 1% от стоимости запуска и полную меру воздействий и последствий. В последние годы количество запусков быстро увеличивается.

Такое положение на Алтае терпеть далее невозможно, необходимы радикальные меры по пресечению ракетно-космического экоцида.

3. На рубеже XX-XXI веков осуществляется переход к интенсивной коммерциализации космической деятельности при широком международном сотрудничестве. Однако, расширение космической деятельности и начало космической индустриализации происходят при явном отставании в разработке и реализации мер по обеспечению экологической безопасности. Существует реальная угроза в ближайшие 10-20 лет необратимых последствий для окружающей среды вследствие космической деятельности, прежде всего для околоземного космического пространства и ряда территорий на поверхности Земли.

4. Основные причины экологической опасности космической деятельности: военный генезис, унаследованная антиэкологичность ракетно-космической техники, топлива, технологий, созданных, большей частью, в «доэкологическую» эпоху развития; несовершенство экологического законодательства; отсутствие независимой экологической экспертизы; ведомственность, корпоративность, монополизм космической деятельности при отсутствии эффективного контроля со стороны общества.

5. Космические монополии, государства, группы людей и их объединения, прямо заинтересованные в космической деятельности, в корыстных целях и вследствие низкой экологической и правовой культуры, занижают реальную и потенциальную экологическую опасность, скрывают истинную и полную экологическую информацию от профессионалов и общества.

6. В России и мире очень мало независимых от сферы непосредственной космической деятельности организаций и средства массовой информации, занятые исследованием проблем экологической безопасности космической деятельности, ее негативных последствий, имеется существенное отставание в осознании и решении проблемы прав человека в контексте экологической опасности космической деятельности.

7. В сложившихся условиях необходимы:

7.1. Переход к стратегии экологизации космической деятельности, т.е. экологического ограничения космической экспансии человечества.

7.2. Создание соответствующих российских и международных общественных объединений и других организаций, средств массовой информации, деятельность которых была бы направлена на достижение целей экологизации космической деятельности, отстаивание интересов, прав людей путем сотрудничества с государственными структурами и организациями космической отрасли, конструктивной критики осуществляемой и перспективной космической деятельности.

7.3. Объединение территорий России, подвергающихся негативным воздействиям ракетно-космической деятельности, в ассоциацию для защиты своих экологических и экономических интересов.

7.4. Дипломатическая инициатива России о создании на базе комитета по космосу ООН Рабочей группы, которая должна в течение года рассмотреть комплекс проблем, связанных с экологической опасностью космической деятельности, и подготовить специальный доклад для Генеральной ассамблеи ООН о мерах обеспечения экологической безопасности космической деятельности, защиты окружающей среды, включая околоземное космическое пространство, в контексте стратегии устойчивого развития.

7.5. Разработка стратегии переориентации космической деятельности на мировом и национальном уровнях на задачи обеспечения экологической безопасности и перехода к устойчивому развитию.

7.6. Включение в программу средней и высшей школы России разделов по космизации — важному направлению развития человечества и преодоления глобального экологического кризиса, и негативным экологическим последствиям космической деятельности.

8. Конференция считает необходимым:

8.1. Создать российское, затем — международное общественное объединение «Экологический контроль космической деятельности» («За экологизацию космической деятельности»).

8.2. Инициировать:

— разработку и усовершенствование правовых актов (договоров; законов об обеспечении экологической безопасности космической деятельности; дополнений об обязательных публичных заявлениях о воздействиях на окружающую среду в связи с космической деятельностью);

— создание Рабочей группы в ООН по проблемам экологической безопасности космической деятельности (см. п.7.4);

— государственную и общественную независимую экологическую экспертизу российских и международных программ и проектов космической деятельности (Федеральной космической программы России; проектов: ракеты-носителя «Протон», «Иридиум», Международной космической станции, «Морского старта» и др.);

— квотирование количества запусков ракет в год с учетом их воздействий на биосферу, околоземное космическое пространство;

— возбуждение судебных исков по фактам экологического ущерба, нанесенного природе и населению Алтая и других регионов России в результате космической деятельности;

— обязательное полное страхование экологических рисков в процессе космической деятельности;

— разработку и поэтапное введение международной системы ограничений, затем — моратория и полного запрета на применение ракетных топлив-суперэкоксидантов;

— систему ограничений на применение боевых ракет и их элементов, снимаемых с вооружения, для запуска космических объектов;

— исследование и создание независимой базы данных об экологической опасности и безопасности космической деятельности;

— издание экологических обзоров космической деятельности;

— исследования проблем прав человека и гражданского общества в контексте экологической безопасности космической деятельности.

9. В целях резкого снижения ущерба для людей и природы России и всей Земли, Конференция обращается с просьбой о принятии неотложных мер по обеспечению безопасности космической деятельности, ее экологизации:

9.1. К влиятельным международным, российским и другим правительственным органам и организациям:

— Комитету ООН по космосу;

— Комитету ООН по защите малых народов;

— Совету Европы;

— Европарламенту;

— Российско-американской комиссии «Примаков-Гор»;

— Совету Федерации и Государственной Думе Федерального собрания России;

— Совету безопасности России;

— Генеральному Прокурору России;

— Президентам, Главам администраций, Законодательным Собраниям субъектов Российской Федерации, в первую очередь регионов, испытавших

негативное воздействие ракетно-космической деятельности (Республик: Алтай, Коми, Тыва, Хакасия, Якутия (Саха); Алтайского края, Архангельской, Амурской, Тюменской областей);

- Министерству иностранных дел России;
- Госкомэкологии России;
- Министерству по чрезвычайным ситуациям России;
- Российскому космическому агентству;
- Министерству обороны России;
- Комитетам по космосу Конгресса и Сената США;
- Агентству по охране окружающей Среды США;
- Национальному аэрокосмическому агентству США;
- Европейскому космическому агентству;
- Казахскому космическому агентству;
- Украинскому космическому агентству;
- Японскому космическому агентству;

9.2. К ведущим корпорациям космической отрасли:

- ГКНПЦ им. Хруничева (г. Москва);
- РКК «Энергия» (г. Королев Московской области);
- НПО «Южное» (г. Днепропетровск);
- «Локхид-Мартин» (США);
- «Боинг» (США);
- «Арианспейс» (Франция).

9.3. К ведущим российским и международным общественным, научным, неправительственным экологическим организациям:

- Российской Академии Наук;
- Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского;
- Российской Экологической Академии;
- Международному Социально-Экологическому Союзу;
- Всемирному Фонду Дикой Природы (WWF).

10. Мы обращаемся к российской и мировой общественности за поддержкой и требуем ограничения и запрещения применения экологически грязной космической техники и технологии, прекращения бездумной антиэкологической коммерциализации, безудержной космической экспансии, варварского воздействия на биосферу Земли и околоземное космическое пространство — общее наследие Человечества.

11. Конференция поручает Центру экологической политики России (г. Москва) распространение Резолюции и координацию работы по данной проблеме.

Координатор — Кричевский Сергей Владимирович

Контактный адрес:

117808 г. Москва, ул. Вавилова 26, тел/факс (095) 952-30-07

E-mail: anzuz@glas.apc.org